

А.Н. КОНОНОВ, И.И. ИОРИШ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ВОСТОЧНЫЙ
ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Н. КОНОНОВ, И. И. ИОРИШ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ВОСТОЧНЫЙ
ИНСТИТУТ

СТРАНИЦА ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
Ю. А. ПЕТРОСЯН

Книга освещает историю создания и развития одного из первых востоковедных учебных заведений нового типа — Ленинградского восточного института (1920—1938).

В работе приводятся многочисленные архивные материалы, документы, касающиеся организационной структуры института, постановления руководящих организаций, учебные планы, программы и т. д.

К 10602-176 БЗ-37-30-77
013(02)-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение развития востоковедения в России и в СССР и освещение истории научно-исследовательских и учебных востоковедных учреждений настоятельно диктуются все возрастающими политическими, экономическими и культурными связями Советского Союза со странами Востока.

В начале 60-х годов текущего столетия в ЛО ИВ АН СССР организовалась группа по изучению истории востоковедения, в которую вошли П. Е. Сқачков (1892—1964), А. Н. Кононов, О. П. Петрова и И. И. Иориш. Одной из первых тем, которую решила разрабатывать группа, была история Ленинградского восточного института. Неомотря на то что со смертью П. Е. Сқачкова и выходом на пенсию О. П. Петровой группа распалась, оставшиеся два ее члена продолжили выполнение намеченного плана.

В истории подготовки кадров востоковедов в послеоктябрьскую эпоху важное место занимали два однотипных учебных заведения: Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе и Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова.

Составители краткого исторического очерка Ленинградского восточного института — питомцы этого учебного заведения — в своих изысканиях опирались на архив института, хранящийся в Ленинградском государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС), а также на литературу об институте, к сожалению, крайне малочисленную.

А. Н. Кононов составил план очерка, написал предисловие, введение, заключение и все основные главы, осуществил редактирование разделов, подготовленных И. И. Иоришем.

И. И. Иориш снял копии со всех использованных в работе архивных документов, написал разделы, посвященные аспирантуре, Северному факультету, библиотеке, а также составил список книг, изданных институтом.

Авторы приносят благодарность сотрудникам ЛГАОРСС за помощь при изучении архива ЦИЖВЯ — ЛВИ, а также А. Д. Новичеву за его ценные советы.

*Май 1976 г.,
Ленинград*

ВВЕДЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (20-е ГОДЫ)

Центром научного — академического и университетского — востоковедения в России в середине прошлого века стал Санкт-Петербург [58]. Здесь было создано первое научно-исследовательское востоковедное учреждение — Азиатский музей Академии наук (осн. 1818) [11]; на факультете восточных языков — ФВЯ (осн. 1854—1855) Санкт-Петербургского университета (осн. 1819) [28] и на учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (осн. 1823) [44, с. 161—165] готовились кадры востоковедов. В Библиотеке Азиатского музея — ЛО ИВ АН СССР, в Библиотеке АН, Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Университетской библиотеке, Библиотеке Музея антропологии и этнографии АН, Библиотеке Эрмитажа бережно хранятся восточные рукописи и книги, а также книги о Востоке.

Важную роль в консолидации лучших сил отечественного востоковедения сыграло Восточное отделение (осн. 1851) Русского археологического общества (осн. 1846), издававшее «Записки» (с 1886 по 1921 г.) — авторитетный научный востоковедный журнал на русском языке, получивший мировое признание [46, с. 142—143].

Во второй половине XIX в. трудами таких выдающихся востоковедов, как Н. Я. Бичурин, Х. Д. Френ, А. К. Казем-Бек, О. Н. Бётлингк, Б. А. Дорн, О. И. Сенковский, И. Н. Березин, В. В. Григорьев, А. О. Мухлинский, В. В. Вельяминов-Зернов, А. А. Шифнер, К. А. Косович, М. И. Броссе, В. Ф. Гиргас, В. П. Васильев, И. П. Минаев, В. В. Радлов, В. Р. Розен, К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский, В. Г. Тизенгаузен, Д. А. Хвольсон,

была создана русская школа востоковедения, отличавшаяся строгим филологическим методом, а также антиклерикальным и антиколониальным направлением своей деятельности. Их учениками были Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, П. К. Коковцов, В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Э. К. Пекарский, В. А. Жуковский, К. А. Иностранцев, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. И. Конрад — блестящая плеяда ученых, представлявшая петербургскую группу отечественного востоковедения в конце прошлого и начале нынешнего столетия.

В Москве вокруг Лазаревского института восточных языков (1815—1918) [17; 18] и Восточной комиссии Московского археологического общества (1887—1922) [35, с. 169] объединялись лучшие силы московских востоковедов: М. В. Никольский, Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский и др.

До второй половины прошлого столетия центром отечественного востоковедения был Казанский университет (осн. 1805) [55]. После учреждения ФВЯ Санкт-Петербургского университета востоковедение в Казанском университете и существовавшем при нем Обществе археологии, истории и этнографии (осн. 1878) едва теплилось, несмотря на усилия местных ученых, первым среди которых следует назвать Н. Ф. Катанова (1862—1922) [39].

Центром, готовившим востоковедов-специалистов по Дальнему Востоку, на рубеже XIX и XX вв. стал Владивостокский восточный институт (осн. 1899), оставивший заметный след в истории изучения этого района [37, с. 131—140].

Отечественные востоковеды после Великой Октябрьской социалистической революции сохранили лучшие традиции исследовательских методов, выработанных русским востоковедением в течение XIX — начала XX вв.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед отечественным востоковедением новые задачи, для решения которых потребовались новые востоковедные учебные заведения и научно-исследовательские учреждения.

Важную роль в руководстве практической деятель-

ностью востоковедов сыграл Народный комиссариат по делам национальностей и находившийся при нем Центральный мусульманский комиссариат, а позднее — Татари-башкирский комиссариат [60, с. 116—120].

Для подготовки кадров востоковедов в больших, чем раньше, масштабах по новой программе были созданы новые и реорганизованы дореволюционные востоковедные учебные заведения. К существовавшим ранее в Петрограде, Москве, Казани, Владивостоке прибавились новые востоковедные учебные заведения в Ташкенте, Киеве, Харькове, Баку, Иркутске и других городах.

После Октябрьской революции интерес к изучению Востока в нашей стране был поистине огромен; необычайного размаха достигла научно-исследовательская деятельность новых учреждений, занимающихся проблемами Востока.

О востоковедных учреждениях Петрограда — Ленинграда и их деятельности в начале и середине 20-х годов дают представление две, одинаково озаглавленные, небольшие, но насыщенные фактическим материалом статьи А. Н. Самойловича «Востоковедение в Петрограде—Ленинграде» («Новый Восток», 1922, № 1, с. 465—466; 1924, № 6, с. 508—511), из которых мы узнаем, что разными аспектами востоковедения в ту пору в Ленинграде занимались следующие учреждения: Этнографический отдел Русского музея; Музей антропологии и этнографии при АН; Радловский кружок при Музее антропологии и этнографии; Азиатский музей АН; Комиссия по изучению племенного состава СССР при АН; Комиссия по изучению производительных сил СССР при АН; Академия наук; Яфетический институт; Коллегия востоковедов при Азиатском музее АН; Академия истории материальной культуры; Институт истории искусств; Государственный Эрмитаж; Исследовательский институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока; Этнолого-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета [см. также: 29].

В конце 20-х годов в Ленинграде функционировали Туркологический кабинет — ТУРК (1928—1930) во главе с В. В. Бартольдом и Институт буддийской культуры — ИНБУК (1928—1930), которым руководил Ф. И. Щербатской.

Новым и важным этапом в истории советского востоковедения явилось создание в Ленинграде в 1930 г. Института востоковедения АН СССР [11].

В Москве на базе Лазаревского института восточных языков в 1918 г. был организован Лазаревский переднеазиатский институт, а его специальные классы вошли в состав нового института в качестве Этнолого-историческо-филологического факультета [57]. 4 марта 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина Переднеазиатский институт был преобразован в Армянский институт, который существовал до сентября 1920 г.

В 1918 г. состоялось решение учредить Музей—Институт классического Востока, который начал функционировать с января 1919 г. в здании Исторического музея [27, с. 462—464], Музей искусств Востока в Москве (осн. 1918) в январе 1925 г. был преобразован в Музей восточных культур [93, 1925, с. 369—370].

С целью подготовки работников для военной и дипломатической службы на Востоке осенью 1919 г. в Москве был основан Восточный отдел Военной академии РККА, который начал функционировать в феврале 1920 г. С 1921 г. при этом отделе работал Кружок практического востоковедения [20, с. 729—730; 66, с. 460—462].

В 1920 г. в Москве открылась Советско-партийная школа (Совпартшкола) — краткосрочные курсы по подготовке практических национальных работников для Советского Востока, в следующем году преобразованная в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), при котором в 1926 г. была организована Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. В 1925 г. в Москве начал функционировать Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК).

С целью подготовки национальных научных кадров для республик и областей Советского Востока на базе Восточной секции Института языка и литературы, Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Комиссии по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР при Главнауке Наркомпроса РСФСР в июне 1926 г. был создан Институт народов Востока (ИНВ),

в организации которого деятельное участие принимал Н. Я. Марр. Институт имел следующие секции: кавказскую, тюрко-татарскую, угро-финскую, дальневосточную, ближневосточную. В 1929 г. в связи с уточнением задач и целей ИНВ он получил новое наименование: Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, в 1930 г. последний был преобразован в Научно-исследовательский институт народов Советского Востока (НИИНСВ).

Целью нового института явилась разработка проблем социалистического строительства Советского Востока и подготовка национальных кадров [73, с. 96, 113, 147; см. также: 34, с. 339]. 11 мая 1931 г. НИИНСВ и национальный сектор Института советского строительства и права Коммунистической академии (Комакадемии) были объединены в Институт национальностей СССР [73, с. 154].

Крупным научно-исследовательским центром стал Центральный институт языка и письменности, в котором изучались языки народов СССР, в том числе языки народов Советского Востока. В 1938 г. эта организация волилась в Институт языка и мышления (ИЯМ) на правах его московского отделения [59, с. 44].

27 февраля 1927 г. в Москве после реорганизации открылся Музей восточных культур, ставивший своей целью ознакомление широких масс населения с культурой стран Востока и историей революционного движения в этих государствах [73, с. 103; 93, 1927, № 16—17].

В ноябре 1918 г. в Ташкенте начал функционировать Туркестанский восточный институт (ТВИ), который, как и Туркестанский государственный университет, был создан при непосредственном участии ученых Москвы и Ленинграда [подробнее см.: 70, с. 100—110]¹. Цели и задачи ТВИ определялись следующим образом: «Научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении

¹ Туркестанский государственный университет основан в 1920 г., с 1923 г. назывался Среднеазиатским государственным университетом (САГУ), с 1959 г. — Ташкентским государственным университетом.

наиболее с ним связанных» [51, с. 211—215, 52, с. 328—335].

Постановлением Совнаркома РСФСР от 16 сентября 1924 г. ТВИ был преобразован в восточный факультет САГУ, в составе которого он просуществовал до 1931 г. [52, с. 340—344]; позднее востоковедные дисциплины продолжали, правда не в прежнем объеме, преподаваться на историческом факультете САГУ.

24 октября 1920 г. в Ташкенте открылись Военные курсы востоковедения, преобразованные в 1922 г. в Туркестанскую высшую военную школу востоковедения, позднее получившую наименование Среднеазиатские курсы востоковедения РККА [26, с. 497—498; 32, с. 730—731; 54, с. 155; 84, с. 503—504; 85, с. 515—517].

27 января 1927 г. СНК СССР принял декрет об основании Самаркандского государственного университета [73, с. 102], которому позднее было присвоено имя Алишера Навои.

11 октября 1928 г. состоялось торжественное открытие Казахского университета и рабфака [73, с. 119].

В Киеве в 1918 г. был создан «Ближневосточный институт, в задачи которого входила подготовка дипломатических и торговых работников. Институт состоял из консульского и коммерческого факультетов. Программа его предусматривала изучение Балкан, Турции и стран Ближнего Востока» [83, с. 270].

В 1920 г. Ближневосточный институт преобразовали в Институт внешних сношений (с двумя факультетами: консульским и внешнеторговым, которые делились на пять циклов: англо-саксонский, ближневосточный, германский, романский, славянский) [подробнее см.: 64, с. 131—132; 74, с. 104—106]. В 1924 г. после ряда реорганизаций учебное заведение было превращено в Киевский торгово-промышленный техникум, в котором востоковедение едва теплилось в семинаре по Ближнему Востоку и в студенческом кружке востоковедения. На базе последнего по инициативе студентов при техникуме в октябре 1924 г. был создан высший семинар востоковедения (позднее ему присвоили имя Н. Н. Нариманова), издававший свой журнал «Востоковедение».

При основанном в ноябре 1924 г. Киевском институте народного хозяйства (КИНХ) был организован семинар востоковедения [82, с. 272].

Археологический институт в Ростове-на-Дону в течение четырех лет своего существования (1918—1922) не успел оставить сколько-нибудь значительного следа в истории отечественного востоковедения [30, с. 727—728; 53, с. 317—319].

В мае 1919 г. в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте Казани (1917—1921) начались занятия на восточном отделении, где преподавали Н. И. Ашмарин, П. К. Жузе, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов [24, с. 6—7]. 9 марта 1919 г. общее собрание Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете приняло решение учредить Востоковедную комиссию в составе Н. И. Ашмарина, Н. А. Бабровникова, Н. Ф. Катанова, А. И. Емельянова, С. Е. Малова с целью систематизации и подготовки к печати научных материалов по этнографии и истории восточных племен России [73, с. 21].

В 1921 г. в Казани была основана Восточная академия, постановлением Главпрофобра Наркомпроса РСФСР от 22 августа 1922 г. объединенная с Казанским педагогическим институтом и факультетом общественных наук Казанского университета. Новое учебное заведение получило название Восточно-педагогический институт [2, с. 81, 95]. До 1922 г. Восточно-педагогический институт (1922—1931) имел в своем составе четыре отделения, в том числе отделение востоковедения, которое к началу 1925/26 учебного года преобразовали в татарское отделение национального языка и культуры, чувашское отделение национального языка и культуры, музейно-этнографическое отделение (последнее закрылось в 1926 г.) [подробнее см.: 63, с. 113; 93, 1928, № 20—21, с. 495—496].

В ноябре 1919 г. начались занятия на восточном отделении Иркутского университета, которое делилось на разряды: китаеведение, японоведение, маньчжуроведение, монголоведение, турковедение и индианистика с тибетоведением [56, с. 4; 87, с. 82].

В 1920 г. в Баку был организован Государственный тюркский высший педагогический институт [93, 1924, № 6, с. 519].

В том же году во Владивостоке на базе Восточного института (осн. 1899) Дальневосточного государственного университета создан восточный факультет, готовив-

ший квалифицированные кадры востоковедов-дальневосточников.

19 апреля 1921 г. на заседании Совета историко-филологического факультета Азербайджанского государственного университета (осн. 1919) по предложению известного арабиста проф. П. К. Жузе было решено преобразовать восточное отделение этого факультета в восточный факультет, который функционировал с 1922 по 1929 г. в составе двух отделений — исторического и словесного; позднее, в свою очередь, подразделялось на две секции — турецкую и персидскую [12, с. 48—52; 396; 31, 16; 73, с. 137].

В январе 1921 г. учрежден Ереванский народный университет, восточный факультет которого в 1925 г. был преобразован в восточное отделение педагогического факультета [47, с. 16].

В том же году на факультете общественных наук Крымского государственного университета в Симферополе было создано восточное отделение, которое в марте 1922 г. стало называться восточным факультетом [47, с. 16—17].

В 1921 г. в Феодосии открылись Курсы востоковедения, «задачей которых была подготовка коммерческих и дипломатических агентов для стран Востока» [81, с. 731—732].

Новые, государственной важности задачи, вставшие перед советским востоковедением после победы Великой Октябрьской социалистической революции, требовали объединения усилий ученых, исследующих различные проблемы Востока, создания организаций, направляющих деятельность востоковедов.

В Петрограде при Академии наук возникли Радловский кружок (1918—1930), в который вошли тюркологи и монголисты, и Коллегия востоковедов — КВ (1921—1930), созданная первоначально на факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета «для обсуждения возникающих вопросов как университетского, так и внеуниверситетского преподавания востоковедения». Устав коллегии был утвержден факультетом общественных наук 26 июня 1920 г. В следующем году КВ вошла в состав Академии наук и была закреплена за Азиатским музеем. Устав КВ утвердило общее собрание АН 14 мая 1921 г. Председателем КВ был из-

бран Н. Я. Марр, товарищем председателя — С. Ф. Ольденбург, секретарями — А. А. Фрейман и М. Н. Соколов.

13 декабря 1921 г. при Наркомнаце была создана Всероссийская (с 1923 г.— Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения — ВНАВ (1921—1930) под председательством М. П. Павловича (Вельтмана) [48, с. 189—193]. В декрете ВЦИК «Об организации ВНАВ» сказано: «В целях объединения всех начинаний в области востоковедения и использования научных сил для всестороннего изучения Востока учреждается при Народном Комиссариате по Национальным делам Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения». В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 13 апреля 1924 г. ВНАВ подчинялась ЦИК СССР [67, с. 3—15; 68, с. III—XIII; 72, 44; 49, с. 55—66]. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения имела свои отделения в Иркутске, Чите, Киеве, Ташкенте и других городах.

В феврале 1930 г. ВНАВ вошла в состав Ассоциации востоковедения при Президиуме Комакадемии в Москве [73, с. 140], 21 октября того же года Ассоциация постановлением ЦК ВКП(б) была преобразована в Общество (ассоциацию) марксистов-востоковедов [38, с. XXI—XXIV] при Президиуме Коммунистической академии. Общество имело свой филиал в Ленинградском отделении Комакадемии.

Одновременно с этим решением Президиум Коммунистической академии высказался за создание Института зарубежного Востока [73, с. 144].

14 июня 1925 г. состоялась учредительная конференция Киевского филиала ВНАВ, который 5 ноября того же года был преобразован во Всеукраинский центр научного востоковедения с подчинением Наркомпросу Украины, а 10 января 1926 г. во Всеукраинскую научную ассоциацию востоковедения (ВУНАВ) со штаб-квартирой в Харькове и филиалами в Киеве и Одессе [82, с. 434; 83, с. 272—273]. Среди почетных членов ВУНАВ были В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, А. Е. Крымский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской.

Ассоциация издавала журналы: «Бюллетень» (стенографическое издание) с 1926 по 1927 г., «Східний світ», позднее переименованный в «Червоний Схід», с 1927 по 1931 г. [83, с. 273].

В целях широкой пропаганды знаний о Востоке

ВУНАВ открыла в Киеве в 1925 г. и в Харькове в 1926 г. трехгодичные курсы восточных языков. Киевские курсы имели арабское, персидское и турецкое отделения, харьковские — персидское, турецкое и японское [83, с. 276].

Сразу же после окончания гражданской войны во всех концах нашей Родины возникли общества и организации, имевшие непосредственное отношение к востоковедным исследованиям: в 1919 г. в Самарканде при Областном комиссариате народного образования — постоянная комиссия по охране памятников старины [14, с. 50]; в Казахстане и Азербайджане — комитеты по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, более известные под сокращенными названиями: Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис, Азкомстарис, Казахкомстарис. Они сыграли важную роль в организации музеев, археологических исследований и охране памятников старины.

В это же время создается целый ряд научных востоковедных обществ, объединивших научные силы на местах: Осетинское историко-филологическое общество во Владикавказе (1919—1925)², Научное общество татароведения в Казани (1923—1927), Общество изучения Татарстана в Казани (1928—1930), Общество изучения Чувашского края в Чебоксарах (1921), Общество по исследованию и изучению Азербайджана в Баку (1923—1929)³, Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами в Ташкенте (1925), Общество по изучению Башкирии в Уфе (1923)⁴, Общество изучения Киргизского края в Оренбурге (1921—1929), Общество изучения Казахстана в Оренбурге и Кзыл-Орде (1920), Монголо-бурятское общество им. Доржи Банзарова в Верхнеудинске (1924—1930), Туркменское общество краеведения в Ашхабаде (1925), Ингушский институт краеведения во Владикавказе (1926), Общество по изучению Урала, Сибири и Даль-

² В 1925 г. преобразовано в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения.

³ В 1929 г. преобразовано в Институт азербайджанской культуры [73, с. 137].

⁴ В 1922 г. в Стерлитамаке при Наркомпросе Башкирской республики было основано Научно-историческое общество, поставившее целью изучение истории, этнографии и языков Башкирии [89, с. 168].

него Востока в Москве (1924), Закавказская научная ассоциация по изучению Грузии, Армении, Азербайджана и стран Ближнего Востока в Тифлисе (1924), Якутское исследовательское общество «Возрождение Якутии» в Якутске (1925), Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт краеведения в Нальчике (1925), Северокавказский горский научно-исследовательский институт в Ростове-на-Дону (1927), Общество изучения чувашской культуры в Москве (1927), Общество востоковедения при Дальневосточном университете для изучения истории, экономики, литературы стран Востока во Владивостоке (1929), Общество по изучению стран Центральной Азии в Москве (1929) [о нем см.: 93, 1924, с. 360—361].

В 1924 г. при Туркестанском отделе Русского географического общества были учреждены секции археологии и этнографии для координации востоковедных работ в Туркестане. 21—27 сентября 1924 г. проходил I Всеазербайджанский съезд краеведения [93, 1924, № 6, с. 514, 517—518].

21 декабря 1927 г. в Ашхабаде при Президиуме ЦИК ТуркмССР был создан Институт туркменской культуры (Туркменкульт), в задачи которого входило изучение истории, языка и культуры туркменского народа [13, с. 439—440; 73, с. 109, 112].

В 1929 г. открылся Институт культуры Бурят-Монголии [41].

По инициативе Н. Я. Марра была создана Академия абхазского языка и литературы (1925—1929).

В конце 1930 г. в г. Турткуле организовался комплексный научно-исследовательский институт Каракалпакской АССР с секциями: истории и экономики, педолого-педагогической; этнолого-лингвистической и др. [19, с. 115—117].

Комиссия по изучению племенного состава (КИПС) населения России АН СССР в 1930 г. была преобразована в Институт по изучению народов СССР, директором которого стал Н. Я. Марр [73, с. 139].

В середине 1933 г. при Президиуме АН СССР была создана Комиссия содействия научным связям с Турцией — КСОНСТ (1933—1937), которую возглавил Н. Я. Марр, а после его кончины (20 декабря 1934 г.) — А. Н. Самойлович [11, с. 421—423].

В послеоктябрьскую эпоху успешно продолжали свою деятельность Русское географическое общество (осн. 1845), Русское археологическое общество (осн. 1846), Российское палестинское общество (осн. 1842).

К концу 20-х годов на базе многих вышеназванных обществ образовались научно-исследовательские институты [подробнее см.: 47, с. 31—35].

Все эти организации издавали: «Известия», «Вестники», «Труды», «Материалы», «Ученые записки» и т. п. В 20—30-х годах выходили журналы: «Восток», «Новый Восток», «Революционный Восток», «Жизнь национальностей», «Культура и письменность Востока», «Революция и письменность», «Аграрные проблемы», «Проблемы Китая», «Тихий океан», «Коммунистический интернационал» и другие периодические органы, в которых публиковались исследования советских востоковедов.

Важную роль в развитии советской культуры в первые годы после революции сыграла Восточная коллегия издательства «Всемирная литература» (1919—1924), в работе которой принимали деятельное участие С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, В. Д. Смирнов, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, В. М. Алексеев, Н. И. Конрад, Е. Э. Бертельс и др. [23, с. 281—292; 65, с. 106—107].

Одной из сложнейших задач культурной революции на Советском Востоке явилась замена арабского алфавита более совершенной системой, которой на первых порах была признана латиница, а также создание новых алфавитов для ранее бесписьменных народов. В течение 20-х годов велись разработки фонологических, графических, полиграфических и орфографических основ новых алфавитов.

22 июля 1922 г. в Баку организован Комитет нового тюркского алфавита; в середине 20-х годов алфавит на латинской основе был принят всеми тюркоязычными республиками и областями Советского Союза. Для координации работы по введению и совершенствованию нового алфавита в 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦКНТА), в 1929 г. преобразованный во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР.

Яркой страницей в истории советской тюркологии явился I Всесоюзный тюркологический съезд, проходивший в Баку с 26 февраля по 6 марта 1926 г. [7; 25].

Одним из наиболее активных инициаторов созыва съезда был А. Н. Самойлович. Еще 21 марта 1924 г. он обратился во Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения с запиской, в которой обосновал необходимость созыва тюркологического съезда «для обсуждения и разрешения неотложных практических вопросов культурно-просветительного значения в жизни союзных республик и областей с преобладающим турецким (тюркским.— А. К.) населением» [3, оп. 5, № 3, л. 17—18]. А. Н. Самойлович предложил основные вопросы повестки дня съезда: о новом алфавите; о литературном языке для некоторых тюркских народов; о научной терминологии; об объединении усилий в деле составления и издания школьных пособий.

В Ленинграде, как и в ряде других городов страны, были созданы комитеты содействия созыву I тюркологического съезда в составе Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича [3, оп. 6, № 17, л. 11]. Инициативу А. Н. Самойловича поддержали директивные инстанции.

Непосредственным откликом на Бакинский съезд явился I съезд востоковедов Украины, проходивший в Харькове 23—27 мая 1927 г. На нем обсуждался, в частности, вопрос о создании Украинского научно-исследовательского института (который был открыт 1 января 1930 г.) [83, с. 273—276; 96, с. 250—254].

1—6 ноября 1929 г. состоялся II съезд востоковедов Украины. Эти съезды, организованные ВУНАВ, привлекли широкое внимание востоковедов страны [73, с. 133].

Первые послереволюционные годы ознаменовались коренной перестройкой высшего образования; реорганизации подверглись в первую очередь гуманитарные факультеты.

В апреле 1919 г. декан факультета восточных языков Н. Я. Марр и декан историко-филологического факультета С. А. Жебелев предложили организовать на базе руководимых ими факультетов историко-культурное отделение ФОН с отделами: этнолого-лингвистическим, ис-

торико-филологическим и философско-психологическим [40, с. 212].

Такое слияние, писали Н. Я. Марр и С. А. Жебелев, «отнюдь не означает упразднения единственной в мире высшей университетской востоковедной школы». Оно, с одной стороны, поднимает уровень «методологии и исследовательских технических приемов молодого востоковедения», а с другой — «вольет свежую струю новых материалов, новых мыслей и научных подходов в существующую историко-филологическую науку» [5, с. 15—16].

Осенью 1919 г. постановлением Наркомпроса, опубликованным 17 августа 1919 г. [73, с. 24], на базе факультета восточных языков, историко-филологического и юридического факультетов Петроградского университета, Историко-филологического института, Археологического института и соответствующих факультетов Бестужевских высших женских курсов был создан факультет общественных наук I Петроградского университета, деканом которого стал Н. Я. Марр; в марте 1920 г. на эту должность был избран проф. М. Д. Приселков [29, с. 34—41; 40, с. 212].

К концу 1919 г. была выработана структура ФОН. В него вошло шесть отделений: политико-юридическое, социально-экономическое, философское, историческое, филологическое, этнолого-лингвистическое. Востоковедение читалось на четырех последних отделениях [29, с. 34].

Громоздкий факультет общественных наук (на 1 января 1921 г. в его составе числилось шесть отделений с 98 кафедрами) не оправдал возлагавшихся на него надежд [40, с. 212, 216, 225]. Востоковедение в Петрограде, как единое целое, перестало существовать; востоковедные дисциплины читались на разных отделениях, учебные планы были расплывчаты.

Петроградские востоковеды пытались найти выход из создавшегося положения. Единственным путем к сохранению университетского востоковедения, понимаемого как комплекс историко-филологических дисциплин, было, по их мнению, создание особого учебного заведения (на правах факультета или самостоятельного института).

* * *

Этим кратким обзором истории создания новых учебных заведений и учреждений, занимавшихся востоковедными исследованиями в послеоктябрьскую эпоху, мы преследовали лишь одну цель — показать типы новых учебных востоковедных заведений, а также масштабы, объем и направление основных исследований по изучению Востока.

**СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ВОСТОКОВЕДНОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ —
ПЕТРОГРАДСКОГО ИНСТИТУТА
ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ**

Востоковедные институты в Москве и Петрограде (Ленинграде) в советскую эпоху возникли на основании подписанного В. И. Лениным постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 сентября 1920 г., в котором было сказано: «Для преподавания живых восточных языков и предметов практического востоковедения существующий в Москве бывший Лазаревский (ныне Армянский) институт преобразовывается в Центральный Институт Живых Восточных Языков.

Примечание. По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского института Институт временно открывается в Петрограде» [8, с. 58; 21, с. 10].

Это постановление СНК РСФСР имеет свою предысторию, которая представляет известный интерес для понимания некоторых деталей, связанных с начальным этапом организации высших востоковедных учебных заведений в послеоктябрьскую эпоху.

В трудах, посвященных становлению советского востоковедения, встречается утверждение, что «вопрос об организации советского востоковедного вуза был поставлен в 1918 г. На докладной записке Горького Ленин наложил резолюцию о необходимости создания такого вуза» [21, с. 9, 10].

Вероятно, это утверждение основано на словах уполномоченного ЦИК СССР по Московскому и Ленинградскому институтам востоковедения М. П. Павловича (Вельтмана), сказанных им 21 ноября 1925 г. на торжественном собрании в Москве, посвященном 5-летию Ленинградского и Московского институтов [69, с. III—

XI; 71, с. 367—369]: «Идея создания востоковедного института в Москве была выдвинута А. М. Горьким в его письме, адресованном В. И. Ленину. Владимир Ильич горячо поддержал предложение А. М. Горького. На его письме он наложил резолюцию, в которой обязывал Народный Комиссариат по делам национальностей немедленно приступить к созданию такого института» [78, с. 21; см. также: 16, с. 7—10].

А. М. Горький в ответ на приветствие, посланное ему от имени участников этого собрания, писал М. П. Павловичу 29 декабря 1925 г. из Неаполя: «Очень тронут неожиданным и едва ли заслуженным мною приветом Института востоковедения. Разумеется, я не думаю, чтобы моя роль в деле создания Института была так крупна, как Вы говорите. Вы совершенно правы в догадке Вашей о том, что я забыл сей факт и не помню, что именно писал Владимиру Ильичу о Востоке...» [36, с. 452—453]¹.

По свидетельству выдающегося деятеля советской науки А. Н. Самойловича [о нем. см.: 15, с. 243—264], петроградские востоковеды принимали активное участие во всех послереволюционных преобразованиях в области востоковедения.

«Содействуя реформированию старых и созданию новых рассадников востоковедения за пределами Петрограда, профессора и преподаватели бывшего факультета восточных языков заботились одновременно и о дальнейшем процветании теоретического и практического востоковедения в самом Петрограде в теснейшем единении с востоковедами Российской Академии наук, при Азиатском музее которой состоит Коллегия востоковедов. В недрах этой Коллегии еще до закрепления ее за Азиатским музеем возник план высшего практическо-востоковедного учебного заведения для Петрограда², принятый Нар. Ком. Нацем за основание при выработке первого положения о Центральном институте живых восточных языков в Петрограде и Москве» [76, с. 458].

¹ По словам Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной [47, с. 9, 36, прим. 3], указанного письма М. Горького к В. И. Ленину в архиве обнаружить не удалось.

² «Близкое участие приняла Коллегия в организации Петроградского института живых восточных языков при Наркомате Национальностей» [45, с. 107].

Деятельное участие петроградских востоковедов в создании нового учебного востоковедного заведения подтверждается также и тем известным фактом, что еще в июне 1920 г. член коллегии Наркомнаца С. Диманштейн выезжал в Петроград, где провел совещание с участием академиков С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда. На этом совещании была принята рекомендация «организовать в будущем Институте отделы: арабский, афганский, турецкий, индийский, тибетский, китайский, японский, монгольский, армянский, грузинский, азербайджанский и поручить тройке из профессоров Ольденбурга, Марра, Бартольда подготовить программную часть» [16, с. 11].

Утверждение А. Н. Самойловича о том, что принятый Наркомнацем план создания высшего практического востоковедного учебного заведения для Петрограда возник у петроградских востоковедов, подтверждается Исторической справкой, составленной к пятилетию (1920—1925) со времени основания Ленинградского института живых восточных языков — ЛИЖВЯ [3, оп. 6, № 8, л. 1—2]. В справке сказано, что в августе 1920 г. в Коллегию востоковедов обратилась инициативная группа в составе Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга и В. Л. Котвича, поставившая целью осуществить давно задуманный план создания «высшей практической востоковедной школы»³.

Записка об учреждении Института живых восточных языков [8, с. 53—57]⁴ составлена петроградскими востоковедами, по-видимому, до августа 1919 г., что можно заключить из следующего: Институт живых восточных языков, по мнению авторов Записки, должен был состоять при ФВЯ, который «имеет слиться с Историко-филологическим факультетом в один факультет с новым названием»; в сентябре 1919 г. ФВЯ влился в состав ФОН Петроградского университета (см. с. 17).

³ Идея создания подобного типа высшего востоковедного учебного заведения обсуждалась на ФВЯ еще в 1916 г. [4, с. 15]. Записку, датированную 5 апреля 1916 г., подписали В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. Д. Руднев, Ф. И. Щербатской и др.

⁴ Наименование нового института, вероятно, было навеяно названием существовавшей с 1795 г. в Париже L'école Nationale des Langues Orientales Vivantes.

По всей вероятности, письмо А. М. Горького (жившего в ту пору в Петрограде) В. И. Ленину, в котором предполагалось создать востоковедное учебное заведение, наряду с Запиской петроградских ориенталистов было импульсом для создания нового востоковедного вуза.

«Наркомнац,— писал С. Диманштейн,— взял на себя инициативу организации Института востоковедения. Этот Институт будет преследовать две цели: ознакомление выходцев из Востока с нашей Советской Россией и научное изучение Востока, а с другой стороны, обучение наших ответственных работников живым восточным языкам и ознакомление с экономическими и бытовыми условиями Востока.

Институт востоковедения организуется в Петрограде с отделом в Москве (из бывшего Лазаревского института) для изучения Передней Азии. Довольно скоро Институт начнет работать... Предусматривается изучение 15-и главных языков Востока» [89а, 18.VII.1920].

В соответствии с § 4 постановления СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. «О Центральном Институте Живых Восточных Языков» институт должен находиться «в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и Наркоминдела, причем утверждение состава преподавателей и учебных планов остается за Наркомпросом. Комиссары Института и его отделений назначаются Наркомнацем» [8, с. 58].

В правах ЦИЖВЯ в Петрограде был приравнен к специальным военно-техническим вузам с принятием на довольствие с 20 октября 1920 г. Эту дату, по мнению составителей указанной выше Записки, следует считать временем фактического учреждения ЦИЖВЯ в Петрограде (З, оп. 6, № 8, л. 2) ⁵.

Институт разместился в здании бывшей Военно-юридической академии (на набережной р. Мойки, в доме № 96), из которой, по требованию Военного ведомства, в марте—апреле 1921 г. он выехал и поместился по адресу: Петроградская сторона, Церковная ул. (ныне ул. Блохина), д. № 17/1. В июле 1925 г. институт пере-

⁵ В Отчете Наркомпроса за 1921 г. [6, с. 18] открытие института датируется 15 октября 1920 г. На создание ЦИЖВЯ краткими заметками отозвались: «Красная газета» [92], «Петроградская правда» [94], «Известия ВЦИК» [90].

ехал в удобное здание бывшего Государственного контроля в Максимилиановском переулке (ныне пер. Пирогова), д. № 7.

В положении ЦИЖВЯ от 25 ноября 1920 г. его цели и задачи были определены следующим образом:

«Центральный Институт Живых Восточных языков учреждается для преподавания живых восточных языков и предметов востоковедения...

Цель Института — дать возможность лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области экономической, административной, политической, агитационной, дипломатической, педагогической и др., приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также готовить преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения...

Управление учебным делом Института вверяется Педагогическому Совету, в состав которого входят все преподаватели и двое представителей от курсантов... Совет выделяет Педагогический Комитет в составе 7 человек во главе с директором на 6 месяцев. В число 7 членов Комитета входит представитель (коммунистической. — А. К.) ячейки. Комиссар входит в состав Совета и Комитета по должности...

Нормальная продолжительность курса определяется в два года в Институте и год в командировках на Восток в пределах РСФСР или вне их, на средства Института и по его назначению» [8, с. 60—62].

До опубликования Положения о ЦИЖВЯ общее руководство делами института осуществляла Коллегия востоковедов; для непосредственного управления институтом был избран президиум, в который вошли: В. Л. Котвич [о нем см.: 86, с. 103—104; 87], Б. Я. Владимирцов, Г. Ф. Смыкалов, А. А. Фрейман, Ф. И. Щербатской; комиссаром был назначен З. А. Рахимов, ответственным организатором, т. е. заведующим административно-хозяйственной частью — Л. И. Веселаго.

Первое заседание президиума под председательством В. Л. Котвича состоялось 27 октября 1920 г. 4 декабря на общем собрании преподавателей института было принято постановление, впредь до избрания на основании статьи 6 Положения педагогического комитета, обязан-

ности такового возложить на временный президиум в составе: ректор — В. Л. Котвич, заместитель ректора — Б. Я. Владимирцов, секретарь — Г. Ф. Смыкалов, члены — А. А. Фрейман и Ф. И. Щербатской; комиссар — З. А. Рахимов.

12 января 1921 г. был избран педагогический комитет. Его председателем и ректором института стал В. Л. Котвич, членами комитета — Б. Я. Владимирцов, А. А. Фрейман, Г. Ф. Смыкалов, В. М. Алексеев, комиссаром — З. А. Рахимов; в него также вошли студенты — Г. С. Союнов и М. М. Шумилов [З, оп. 6, № 8, л. 3].

Первый состав профессоров и преподавателей ЦИЖВЯ объединял почти всех востоковедов Петрограда, среди которых были ученые с мировыми именами: профессора В. Д. Смирнов (османский язык), А. Н. Самойлович, П. А. Фалев (турецкие наречия), А. А. Ромаскевич, А. А. Фрейман (персидский язык), С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской (индийские языки), Б. Я. Владимирцов, В. Л. Котвич (монгольский язык), В. М. Алексеев, Г. Ф. Смыкалов (китайский язык), Е. Д. Поливанов (японский язык), В. В. Бартольд (история мусульманских стран); преподаватели: И. П. Кузьмин (арабский язык), Е. Э. Бертельс (персидский язык), М. И. Тубянский (индийские языки); лекторы: А. А. Алиханян (армянский язык), М. Г. Тихая-Церетели (грузинский язык), З. Каримов (сартовский язык), Фан-Фу (китайский язык), Конмей Тойдзуми (японский язык), А. П. Колумбус (русский язык), Н. В. Егорова-Мартынова (английский язык), А. А. Ларонд (французский язык), Б. Б. Беккер (немецкий язык) [З, оп. 2, № 2, 1921, л. 22, 25, 30].

В течение 1921/22 г. в число профессоров и преподавателей института вошли: Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, А. И. Иванов (китаист и японист), Гр. Еф. Грумм-Гржимайло, известный путешественник, специалист по истории и этнографии Центральной Азии, Н. Н. Мартинович (османист), К. Г. Вамваки (лектор турецкого языка), А. П. Баранников (специалист по новоиндийским языкам), Н. И. Конрад (японист), Цянь Ли-куй (лектор китайского языка).

1 августа 1921 г. управляющим делами института был назначен П. И. Воробьев. 16 ноября того же года

С. А. Козин стал заведующим Общим отделом института [3, оп. 2, № 2, л. 12, 22].

В 1922 г. П. И. Воробьев и С. А. Козин были избраны (согласно Положению о ЦИЖВЯ, ст. 6, § в) научными сотрудниками с сохранением указанных выше должностей [8, с. 66].

«Присутствие в преподавательском составе Института,— писал А. Н. Самойлович,— не только университетских профессоров-востоковедов, но и членов Российской Академии наук, естественно, ставит Институт в исключительно благоприятное положение, закрепляя за Институтом, по существу дела, первенствующее место среди российских практическо-востоковедных школ» [76, с. 458].

Структура института в течение первых десяти лет его существования была следующей:

Разряды	Руководители
Арабский	И. Ю. Крачковский
Персидский	А. А. Фрейман
Османский	
(позднее осmano-турецкий)	А. Н. Самойлович
Сартско-узбекский	А. Н. Самойлович
Индийский	А. П. Баранников
Грузинский	Н. Я. Марр
Армянский	Н. Я. Марр
Китайский	В. М. Алексеев
Японский	Н. И. Конрад
Монгольский	Б. Я. Владимирцов

Наряду с языками в институте изучались география, история и литература данной страны; ее экономическое и политическое устройство [8, с. 11—18, 45].

Декретом от 4 марта 1921 г. в институте было введено преподавание общественных и естественных дисциплин (общих для всех разрядов): биология; общественные науки (исторический материализм, предпосылки пролетарской революции, организация производства и распределения, электрификация России); английский язык; французский и немецкий языки [8, с. 11—19, 44, 48—49].

На первых порах существования ЦИЖВЯ в Петрограде были разработаны, с учетом многолетнего опыта ФВЯ, программа испытаний для оканчивающих институт и учебные планы для всех разрядов [8, с. 20—42].

Расписание лекций на 1920/21 г. [3, оп. 1, № 8, л. 1—3, 1920] дает представление о предметах, в число которых входили: восточные языки (арабский, армянский, грузинский, киргизский, китайский, монгольский, персидский, санскрит, сартско-узбекский, тибетский, турецкий, японский); историко-этнографические обзоры стран Востока; исламоведение; русский язык (для нерусских студентов), грузинская литература (для грузинского разряда). Восточные языки (от 8 до 16 часов в неделю) вели, как правило, два преподавателя: так называемый «теоретик» и практик-лектор.

Осенью 1920 г. в институт было зачислено более 200 слушателей, из которых 30 командировали власти Татарской, Туркменской, Дальневосточной республик и Калмыкской автономной области; 10 абитуриентов китайской национальности направила китайская секция ЦК РКП [6] и двух слушателей — Политическое управление Балтфлота. Общая подготовка слушателей перед зачислением проверялась путем коллоквиума.

С целью выявления контингента активных слушателей в ЦИЖВЯ 20—25 декабря 1920 г. по всем разделам были проведены репетиции. Общее количество лиц, удовлетворивших предъявленным к ним требованиям, т. е. сдавших зачеты, составило 128 человек, среди них было несколько человек, первоначально допущенных к занятиям лишь в качестве посторонних слушателей. После репетиций они перешли в разряд активных студентов [3, оп. 2, № 4, л. 60].

В мае 1921 г. была создана мандатная комиссия по проверке квалификации слушателей ЦИЖВЯ в Петрограде. К началу работы комиссии в институте числилось 114 активных слушателей, после работы комиссии — 64 слушателя⁶ [3, оп. 2, № 1, л. 1], которые распределялись по следующим разрядам и группам:

Разряды и группы	До проверки	После проверки
Китайский	6	5
Японский	18	8
Монголо-тибетский	11	8
Арабский	14	13
Османский	15	8

⁶ По данным, приведенным в «Справочных сведениях, 1920—1923 гг.» [8, с. 44], по состоянию на 1 июля 1921 г. в Институте числилось 70 активных слушателей.

Киргизский	3	1
Сартский	6	4
Персидский	6	5
Индийский	9	7
Грузинский	9	3
Армянский	3	2
Китайская группа .	11	—
Калмыцкая группа	3	—

Итого 114 64

Слушатели китайской и калмыцкой групп в мае 1921 г. были переведены в ҚУТВ.

Во время первых летних каникул институт с разрешения Наркомнаца командировал 25 слушателей в Туркестан, Грузию и Калмыцкую автономную область [8, с. 47].

Как явствует из Записки о материальных нуждах ЦИЖВЯ, его преподавателей и слушателей, единогласно одобренной на заседании совета 21 мая 1921 г. и представленной в Наркомнац за подписью В. Л. Котвича, «несмотря на разные недочеты в организации дела... первые два месяца жизни Института протекали более или менее нормально и, в частности, учебные занятия проходили вполне успешно при явном воодушевлении как со стороны преподавателей, так и слушателей... Однако еще в том же декабре (1920 г.— А. К.), когда внутренняя организация Института стала уже налаживаться... местные... власти предъявили Институту требование очистить отведенное незадолго перед этим теми же властями помещение, не соглашаясь отложить эту меру до более благоприятного времени и не считаясь с отсутствием сколько-нибудь подходящего для нужд Института помещения... В связи с описанными выше затруднениями получил неблагоприятное разрешение и вопрос об общежитии при Институте...

Продовольственный вопрос... в общем находился в терпимом состоянии до 20 февраля 1921 г., когда власти... неожиданно исключили Институт из списка довольствуемых учреждений... Петрокоммуна ввиду продовольственных затруднений отказалась признать за Институтом нормы, которые были закреплены декретом Совнаркома и Положением об Институте, и приравнивала его деятелей к общегражданскому населению, выдав, в частности,

слушателям карточку А, дававшую, кроме обеда, только $\frac{3}{4}$ фунта хлеба в день... Описанные невзгоды, обрушившиеся на Институт почти в одно время и именно тогда, когда его организация не получила еще полной законченности и должной устойчивости, не только приостановили нормальный ход дел, но и привели его в состояние развала...» [3, оп. 2, № 4, л. 44—47].

Записка возымела свое действие: были приняты необходимые меры для исправления положения.

Т а б л и ц а 1

Состав слушателей института в 1921/22 г.*

Разряд	I курс		II курс	
	Начало учебного года	Конец учебного года	Начало учебного года	Конец учебного года
Арабский	5	3	11	10
Персидский	4	4	4	4
Османский	7	6	2	2
Киргизский	—	—	1	—
Сартский	—	2	2	1
Индийский	—	—	6	5
Китайский	8	8	5	5
Японский	—	—	7	9
Монгольский	7	5	5	3
Армянский	1	1	1	2
Грузинский	3	4	2	1
Итого	35	33	46	42

* [8, 48—49].

По архивным данным [3, оп. 2, № 9, л. 1—2], число слушателей на 1 сентября 1921 г. равнялось 122, преподавателей — 26, административно-хозяйственного персонала — 16.

В связи с истечением полномочий педагогического комитета совет института 24 декабря 1921 г. избрал новый состав. Ректором института стал проф. В. Л. Котвич, членами комитета — профессора Г. Ф. Смыкалов, А. А. Фрейман, А. А. Ромаскевич, а также преподаватель И. П. Кузьмин. Кроме того, в комитет вошел

З. А. Рахимов — комиссар института и представитель комячейки [3, оп. 2, № 4, л. 9].

Главное управление научных учреждений Академического центра утвердило 1 января 1922 г. состав комитета [3, оп. 3, № 6, л. 4]. Однако в апреле 1922 г., в связи с отказом В. Л. Котвича от должности ректора, возник вопрос о его преемнике. 22 апреля 1922 г. состоялось собрание профессорско-преподавательского состава института под председательством С. Ф. Ольденбурга, на котором единогласно были намечены следующие кандидатуры: на должность ректора А. Н. Самойлович, член правления — В. Л. Котвич, помощник ректора по научной части — А. А. Ромаскевич, помощник ректора по административно-хозяйственной части — Г. Ф. Смыкалов, ученый секретарь — И. П. Кузьмин (второй созыв правления).

2 мая 1922 г. НКН утвердил правление института в следующем составе (третий созыв правления): ректор — А. Н. Самойлович, помощник ректора по научной части — А. А. Ромаскевич, помощник ректора по административно-хозяйственной части — П. И. Воробьев, секретарь правления — И. А. Острцов, члены правления — В. Л. Котвич, И. П. Кузьмин, Л. И. Веселаго, З. А. Рахимов [3, оп. 3, № 1, л. 4; оп. 6, № 8, л. 7 об.].

По новому Положению о ПИЖВЯ от 1922 г. «заведование и руководство учебно-ученой и хозяйственно-административной деятельностью института принадлежит совету, правлению и ректору института» (§ 12). В состав совета кроме членов правления входят представители разрядов института, студенчества, НКН и др. (§ 14) [8, с. 6—10].

2 июня 1922 г. был избран совет института в следующем составе:

Разряды	Преподаватели
Арабский	акад. И. Ю. Крачковский
Персидский	проф. А. А. Фрейман (зам. Е. Э. Бертельс)
Османский	проф. Н. Н. Мартинович
Сартский	проф. А. Н. Самойлович
Киргизский	проф. А. Н. Самойлович
Индийский	
санскритская группа	акад. С. Ф. Ольденбург
группа бенгали	преподаватель М. И. Тубянский

Грузинский	акад. Н. Я. Марр
Армянский	лектор А. А. Алиханян
Японский	проф. А. И. Иванов
Китайский	
Северный Китай	проф. В. М. Алексеев
Южный Китай	проф. Г. Ф. Смыкалов
Монгольский	
Монголия	проф. В. Л. Котвич
Тибет	проф. Б. Я. Владимирцов

По состоянию на 2 мая 1922 г. в состав института входили: профессора В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Б. Я. Владимирцов, А. И. Иванов, И. Ю. Крачковский, В. Л. Котвич, Н. Я. Марр, Н. Н. Мартинович, С. Ф. Ольденбург, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, В. Д. Смирнов, Г. Ф. Смыкалов, А. А. Фрейман; преподаватели: Е. Э. Бертельс, Л. Л. Васильев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. П. Кузьмин, И. А. Острцов, М. И. Тубянский; лекторы: А. А. Алиханян, К. Г. Вамваки, Ванчун-тин, Н. В. Егорова-Мартынова, А. А. Ларонд, Ю. Н. Марр, Конмей Тойдзуми [3, оп. 3, № 8, л. 2, 1922 г.].

1 ноября 1922 г. согласно постановлению правления института в число профессоров ЦИЖВЯ был вторично зачислен акад. В. В. Бартольд [3, оп. 3, № 4, л. 8].

В 1922 г. институт и отечественное востоковедение понесли тяжелую утрату — умерли тюркологи В. Д. Смирнов и П. А. Фалев, арабист И. П. Кузьмин.

26 мая 1922 г. согласно приказу ректора отдел общих дел института переименовывался в учебный отдел; им стал руководить помощник ректора по учебно-ученой части. На заведующего бывшим отделом общих дел С. А. Козина возлагалось заведование учебным отделом, в обязанности которого входили: разработка учебных планов, программ, расписаний, распределение слушателей по разрядам. Хозяйственный отдел института был переименован в управление делами и подчинен помощнику ректора по административно-хозяйственной части [3, оп. 3, № 3, л. 6].

Успехи студентов в конце 1921/22 г. проверялись путем репетиций. Судя по докладу ректора А. Н. Самойловича, сделанному им на заседании совета 7 июля 1922 г., «студенты Института обнаружили на репетициях в общем вполне удовлетворительные познания в изучае-

мых ими предметах, большой интерес и серьезное отношение к практическому изучению языков и стран Востока» [3, оп. 3, № 1, л. 9 об.].

2 мая 1922 г. Коллегия Наркомнаца рассмотрела, а 18 августа того же года утвердила «Положение о Петроградском институте живых восточных языков», согласно которому Центральный институт восточных языков в Петрограде стал именоваться Петроградским институтом живых восточных языков (ПИЖВЯ) [8, с. 6—10; 76, с. 458].

Несколько раньше, 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял следующее постановление: «Существующие в Москве учебные заведения живых восточных языков сливаются в одно высшее учебное заведение — Институт востоковедения, который состоит в ведении Наркомнаца» [3, оп. 2, № 3, л. 1; см. также: 21, с. 10].

27 октября 1921 г. считается датой основания Московского института востоковедения (МИВ), функционировавшего до середины 1954 г.

На основании нового Положения о ПИЖВЯ:

«Петроградский Институт живых восточных языков есть высшее учебное заведение, состоящее в ведении Наркомнаца и делящееся на разряды и отделения... Институт имеет своей целью готовить работников на Востоке и в связи с Востоком... Институт и его местные отделения имеют постоянный штат научных работников... Заведование и руководство учебно-ученой и хозяйственно-административной деятельностью Института принадлежит Совету, Правлению и Ректору Института» [8, с. 6—7].

В новом Положении существенно изменилось по сравнению с Положением о ЦИЖВЯ, принятым в 1920 г., определение целей института. Из Положения был изъят пункт, согласно которому институт должен готовить «преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения» [8, с. 60].

Существенным элементом общей организации ПИЖВЯ, как всякого учебного заведения, явился вопрос о создании библиотеки, которую пришлось создавать буквально на пустом месте. Институт обратился за помощью в учреждения, имевшие востоковедные книжные фонды: Петроградский университет, Азиатский музей АН, Русское географическое общество, Русское архео-

логическое общество, бывший Лазаревский институт в Москве. Все они откликнулись на просьбу института и выделили из своих резервных фондов значительное число книг по востоковедению. Часть книг была получена из национализированных книжных фондов. В начале 1922 г. институт приобретал также книги в книжных магазинах и у частных лиц за наличный расчет. Таким образом постепенно удалось создать специальную востоковедную библиотеку.

В 1922 г. начало функционировать издательство института, которое за 18 лет своего существования выпустило 55 книг по различным востоковедным дисциплинам, причем основное внимание уделялось изданию различных учебных пособий (см. приложение 1).

Третий — 1922/23 учебный год продемонстрировал растущую популярность ПИЖВЯ. В августе 1922 г. было подано свыше 150 заявлений от желающих поступить в институт; на I курс было зачислено 58 человек.

Таблица 2

Сведения о распределении слушателей ПИЖВЯ по разрядам и курсам на 1 октября 1922 г.*

Разряд	Курсы			Всего	
	I	II	III	количество человек	в процентах
Японский	20	—	9	29	22
Османский	11	7	2	20	15
Персидский	8	4	4	16	13
Китайский	3	7	5	15	12
Монгольский	6	5	3	14	12
Индийский	10	—	5	15	12
Сартско-узбекский	—	2	1	3	1
Арабский	—	3	6	9	10
Армянский	—	1	2	3	1
Грузинский	—	4	1	5	2
Итого	58	33	38	129	100

* [З. оп. 3, № 7, л. 3; 8, 63—64].

С разрешения Коллегии НКН в декабре 1922 г. в институт было зачислено восемь вольнослушателей [8, с. 64].

В сентябре 1922 г. при институте были созданы монголо-тибетские подготовительные курсы, на них обучались четыре монгола и один тибетец, которые «по своей подготовке и незнанию русского языка не могли быть присоединены к разрядным группам института» [8, с. 71].

В числе студентов ПИЖВЯ в 1922/23 г. были известные впоследствии востоковеды. На III курсе учились: Ю. П. Верховский, А. А. Драгунов, Е. М. Колпакчи, М. С. Михайлов, Г. О. Монзелер, М. А. Салье; на II — О. Л. Вильчевский, А. Л. Гальперин, Е. Л. Гальперина, В. А. Казакевич, В. А. Крачковская; на I курсе — А. Е. Глушкина, А. Д. Новичев, П. Е. Скачков, Н. А. Цветинович и др.

В 1923 г. институт окончил (по арабскому разряду) известный теперь писатель В. А. Каверин (Зильбер).

1922/23 г. начался в институте при несколько более благоприятных обстоятельствах, чем предыдущий. К преподаванию были привлечены лучшие востоковеды; учебные планы и программы, составленные ими, вполне отвечали целям и задачам института — выпускать востоковедов с практическим знанием восточного языка, знакомых с политико-экономическим положением, историей, географией, экономикой и культурой изучаемой страны, а также обладающих хорошей марксистской подготовкой.

Учебные трехгодичные планы по всем десяти разрядам, разработанные к началу занятий, представляют не только исторический интерес, но и позволяют современным педагогам, готовящим востоковедов-практиков, почерпнуть из них много полезного и интересного [8, с. 27—42].

Учебный план включал три предметные группы: лингвистическую (живая речь в главнейших наречиях данной национальной группы и образцы современной литературы и прессы); культурную (историко-географические, политико-экономические, естественноисторические и этнографические обзоры стран Востока); общеобразовательную (общественно-политические предметы и новые языки) [8, с. 66].

В трехлетний курс как неотъемлемая часть входила командировка на Восток. Число аудиторных часов в неделю — 18—24. Базой преподавания являлись «Материа-

лы, отвечающие всей строгости требований научного изучения предмета, но подобранные исключительно в согласии с практическим назначением школы... Институт решительно отвергает... осложнения своих учебных планов специальными востокведными предметами циклов: торгово-экономического, или консульско-дипломатического, или военного, или педагогического и т. п. и вводит в учебные планы дополнительно к востокведным предметам лишь предметы общеобразовательные, предуказанные законом или распоряжениями НКН» [8, с. 27—28].

Для оканчивающих ПИЖВЯ были разработаны программы испытаний [8, с. 20—26]; в качестве образца приведем программу испытаний по персидскому разряду:

«I. Чтение à livre ouvert современных персидских сочинений на политические, экономические и общественные темы, произведений современной поэзии и художественной прозы.

II. Умение читать письма, деловые бумаги, разного рода документы, векселя и проч. и усвоение особенностей современных персидских почерков.

III. Знание языка современной персидской прессы (точный перевод на русский язык).

IV. Переводы с русского языка и овладение живой персидской речью настолько, чтобы понимать все обращаемые вопросы и умение вести простые и несложные разговоры.

V. Физическая и политическая география Персии, существенные черты государственного и социального строя Персии, господствующие религиозные воззрения, история литературы XIX и XX вв., экономический быт и жизненный уклад.

VI. История Персии после сефевидской эпохи (от начала XVIII в.)» [8, с. 20].

В расписании лекций на 1922/23 г. были дополнительно включены: история арабской, персидской и турецкой литератур, бенгальский язык, французский и английский языки, история общественных формаций, биология [3, оп. 1, № 8, л. 5; подробнее см.: 8, с. 11—26, 27—42].

Осенью 1923 г. из 154 абитуриентов, подавших заявления в институт, приемная комиссия допустила к экза-

менам 119 человек, из них 83 человека после вступительных экзаменов были зачислены на I курс.

Среди принятых было 14 членов РКП(б), 1 комсомолец, остальные — беспартийные [9, с. 62].

Вновь принятые слушатели по разрядам распределялись следующим образом:

Японский	22	Персидский	16
Китайский	7	Грузинский	1
Монгольский	8	Армянский	—
Индийский	8	Османский	15
Туркестанский	2	Арабский	4

К началу 1923/24 г. на II курсе был 31 студент, на III — 42, а всего на трех курсах — 156 студентов.

По решению совета института студенты I курса проходили зачетные полугодовые репетиции, студенты II и III курсов сдавали зачеты один раз в году, весной.

К 1 июня, т. е. к концу 1923/24 г. в результате обычного отсева в институте осталось 153 студента, из них на I курсе — 62, на II — 44, на III — 47. Только 35 студентов последнего, III курса выдержали выпускные экзамены [9, с. 73, 93—94].

На подготовительных монголо-тибетских курсах обучалось 6 человек.

Понимая необходимость и важность распространения знаний о жизни и культуре народов Востока, петроградские востоковеды осенью 1922 г. создали при ПИЖВЯ лекционную комиссию, которая организовала цикл бесплатных публичных лекций по истории культуры народов Востока. Лекции читали: В. М. Алексеев, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, И. Ю. Крачковский, Б. Я. Владимирцов, Н. И. Конрад, Е. Э. Бертельс, И. А. Орбели, М. И. Тубянский, В. В. Струве, Л. А. Мерварт, А. М. Мерварт, А. А. Ромаскевич, П. И. Воробьев и другие [8, 71; 9, с. 47—53, 71—72].

В 1923 г. профессора провели также ряд общедоступных лекций вне института: Н. И. Конрад — о японском театре, В. М. Алексеев — о китайском, А. Н. Самойлович — о турецком, Е. Э. Бертельс — о персидском, С. Ф. Ольденбург — об индийском и Б. Я. Владимирцов — о тибетском театре [3, оп. 4, № 4, л. 8].

В начале 1922 г. в ПИЖВЯ по инициативе слуша-

телей, поддержанной профессорско-преподавательским составом, был создан студенческий кружок по изучению мусульманского Востока, устав которого утвердил совет института 7 июня 1922 г. [8, с. 80—81].

Благодаря усилиям преподавателей и студентов, а также деятельности малочисленной, но весьма активной партийной организации институт постепенно превратился в учебное заведение с хорошо налаженной учебной и общественной жизнью.

Из доклада А. Н. Самойловича на заседании совета ПИЖВЯ 6 декабря 1922 г. «О состоянии Института» можно составить некоторое представление о жизни учебного заведения в те годы: «Квартальная смета Института утверждена в размере 6 миллиардов. Для живущих в общежитии организовано приготовление горячей пищи по дешевой цене; устроены для стипендиатов прачечная и парикмахерская... Введены дополнительные предметы для всех слушателей I курса: „Введение в языкознание“ (А. П. Баранников) и „История изучения Востока“ (В. В. Бартольд)... Приглашены два лектора: лектор грузинского языка К. Д. Дондуа и лектор бенгальского языка Дауд Али Датт; недостает лекторов по языкам персидскому, узбекскому, хинди... В Москве возбужден был вопрос о переводе ПИЖВЯ в Москву и слиянии его с МИВ; окончательное решение этого вопроса отложено до весны 1923 г. Студенты, состоящие на госстипендии, получают 30 миллионов в месяц и, кроме того, повышенный паек, состоящий из 1½ пудов муки в месяц» [3, оп. 3, № 5, л. 12].

В самом начале 20-х годов Петроград, как и вся наша страна, переживал чрезвычайные трудности, связанные с недостатком продовольствия, топлива, одежды и т. п.

Современным советским студентам трудно представить такое положение, которое вырисовывается из приказов по институту: «Выдать в счет госстипендии по одному пуду муки всем вновь принятым в Институт слушателям, зачисленным на госстипендии» [3, оп. 3, № 4, л. 3]. «Выдать слушателям Института, состоящим на госстипендии, авансом, из имеющегося запаса кладовой: трески по 4 фунта, белой муки по 3 ф. и гороху по 5 ф.» [3, оп. 4, № 3, л. 5]. «Выдать слушателям Института, находящимся на госстипендии, в счет пайка

январь, февраль, март (1923 г.): муки ржаной по 5 пудов; крупы (пшено) по 1 пуду 5 ф.; мяса по 1 пуду 5 ф.; масло (растительное) по 7 ф. 48 золотников» [3, оп. 4, № 3, л. 22].

Коммунистическая партия и Советское правительство принимали решительные меры по ликвидации последствий первой мировой и гражданской войн.

Постепенно усилиями всего нашего народа голод и разруха были побеждены, что незамедлительно сказалось и на положении института.

23 марта 1923 г. временно исполняющий должность ректора (с 1 февраля 1923 г.) П. И. Воробьев сообщил на заседании совета ПИЖВЯ: «Материальное положение Института за истекшее время значительно улучшилось; Совет Труда и Оборона (СТО) предоставил Институту 209 пайков; стипендии выданы слушателям в размере 135 рублей на человека. Улучшено устройство институтской столовой. Из АРА [10, с. 516] получено 5 пудов медикаментов. Топливное положение вполне благоприятное» [3, оп. 4, № 2, л. 1].

В середине 1923 г. проф. С. А. Козин писал: «В материальном отношении текущий учебный год, несомненно, являет резкий перелом: во всем чувствуется, что материальные изъяды прошлых лет в значительной своей части уже изжиты. Своевременной заготовкой дров обойден самый тяжелый из обычных кризисов — топливный, оборудовано и развито общежитие для студентов, 80 слушателей получают установленную для вузов гостипендию и снабжение продовольственными пайками; 35 человек пользуются обедами из столовых АРА» [43, с. 575; см. также: 43, с. 575].

П. И. Воробьев в докладе, с которым он выступил на заседании совета ПИЖВЯ 29 сентября 1923 г., весьма оптимистично оценил состояние дел в институте: «Закончены работы по ремонту аудиторий, общежития и других помещений Института на сумму 900 руб. золотом, преподавательский и служебный персонал снабжен дровами, пополнен инвентарь Института на сумму 700 руб. золотом, расходы по издательству выразились в сумме 550 руб. золотом и приобретение книг 400 руб. золотом; был проведен цикл лекций о культурах Востока (расход 60 руб. золотом). Стипендии за летние месяцы (август — сентябрь) не выданы. Предпо-

лагается продпайки упразднить. В истекшую командировочную кампанию отправлены на Восток 12 человек: расходы по командировкам достигали 1800 руб. золотом» [3, оп. 4, № 2, л. 22].

8 мая 1924 г. П. И. Воробьев, выступая на собрании партийной организации ЛИЖВЯ⁷, отметил, в частности:

«Был закончен полностью ремонт. Открыты... общежитие, амбулатория, столовая, парикмахерская, прачечная и т. д. Без копейки казенных денег, а благодаря личным связям и хлопотам была получена обстановка как для Института, так и для общежития. Издательство, влачившее жалкое существование, было поставлено на ноги. Студенчество Института было подразделено на категории: госстипендиатов и негосстипендиатов. Вопреки бюджету было положено начало командировкам...

Профессура не мыслит иного положения, чем в данное время при ректоре-коммунисте. Институт работает вполне нормально. При такте возможны еще большие достижения. Состав ее пополнился все большими силами. Ушли худшие» [3, оп. 5, № 8, л. 15—15 об.].

К концу 1922/23 г. институт достаточно окреп как в организационном, так и в учебно-педагогическом отношении. Четко обрисовался профиль выпускаемых институтом специалистов, учебные планы и программа приобрели стабильность.

В течение этого года наблюдался значительный отсев студентов, связанный с повышением требований, предъявлявшихся к слушателям.

На 1 октября 1922 г. в институте обучалось 129 студентов, на 1 декабря того же года — 128, на 1 февраля 1923 г. — 116, на 1 марта — 114, на 1 июня — 103, на 1 июля 1923 г. — 88 студентов [8, с. 64].

Весною 1923 г. в научные командировки в Монголию было отправлено 3 человека, Персию — 3, Турцию — 1, Армению — 1, Бухару — 2 и Владивосток — 3 человека [3, оп. 4, № 4, л. 2—4, 1923, см. также: 8, с. 67—69].

⁷ После переименования Петрограда в Ленинград (26 января 1924 г.) институт стал называться: Ленинградский институт живых восточных языков при ЦИК СССР.

ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА

«Работа правления третьего созыва,— записано в документе за подписью П. И. Воробьева,— характеризующаяся... в общем благоприятными чертами, протекала, однако, в обстановке недостаточной согласованности с Советом Института, в связи с чем 1 февраля 1923 г. Ректор проф. А. Н. Самойлович подал в отставку, которая была принята Малой Коллегией НКН и заместителем Ректора, при прежнем составе членов Правления, был назначен кандидат коммунистической части Правления Пом. Ректора, научный сотрудник Института П. И. Воробьев. Выбывшие члены Правления проф. В. Л. Котвич (ввиду репатриации 1 ноября 1923 г. в Польшу.— А. К.), преподаватель И. П. Кузьмин (за смертью) и З. А. Рахимов по соглашению с НКН замещены не были, и, таким образом, Правление четвертого созыва (с 1 февраля 1923 г.) было сформировано в составе: Председатель, Ректор Института — П. И. Воробьев, Секретарь — преподаватель общественно-политических наук И. А. Острецов, члены — Пом. Ректора проф. А. А. Ромаскевич и представитель студорганizations — Т. Н. Моисеенко-Великая» [3, оп. 6, № 8, л. 11—11 об.].

В конце 1923 г., в связи с предполагавшейся ликвидацией Наркомнаца, встал вопрос о том, при какой организации будут состоять МИВ и ПИЖВЯ. Комиссия по ликвидации Наркомнаца решила передать названные институты в ведение Главпрофобра, что вызвало решительное возражение ректоров, профессорско-преподавательского состава и общественных организаций обоих институтов. Было выдвинуто предложение возбудить ходатайство о передаче институтов в ведение ЦИК СССР. Для составления докладной записки в ПИЖВЯ была создана комиссия в составе В. М. Алексева, Н. Я. Мар-

ра, Б. Я. Владимирцова и П. И. Воробьева [3, оп. 4, № 2, л. 39].

Президиум Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) на своем заседании 7 декабря 1923 г. поддержал предложение о передаче МИВ и ПИЖВЯ в ведение ЦИК СССР [3, оп. 2, № 3, лл. 11, 12; оп. 4, № 2, л. 35]. Из представителей ВНАВ, МИВ и ПИЖВЯ была образована комиссия (И. Н. Бородин, В. А. Гурко-Кряжин, П. И. Воробьев, Л. И. Веселаго), которая сумела обосновать «насущную необходимость перехода двух вузов в ведение ЦИК СССР» [9, с. 80—81].

18 апреля 1924 г. Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ) был передан в ведение ЦИК СССР [9, с. 11].

Сообщение об этом «было встречено с чувством глубочайшего удовлетворения как студенчеством, так и профессорами Института» [9, с. 11].

За время существования ЦИЖВЯ — ПИЖВЯ — ЛИЖВЯ — ЛВИ и МИВ неоднократно поднимался вопрос о слиянии этих двух востоковедных учебных заведений. Первая попытка их объединения на базе Армянского, бывшего Лазаревского института восточных языков, относится к 1921 г., т. е. еще до организации МИВ.

21 сентября 1921 г. было решено все дело подготовки работников на Востоке и в связи с Востоком сконцентрировать в одном высшем учебном заведении — Институте живых восточных языков, устранив всякий параллелизм других ведомств в этом деле. Институт был оставлен в ведении НКН и переименован в Институт востоковедения [3, оп. 6, № 8, л. 8].

В начале октября 1922 г. Коллегия Наркомнаца приняла решение о переводе в Петроград Московского института востоковедения и о слиянии его с ПИЖВЯ; при этом предполагалось, что основной задачей объединенного института останется «подготовка востоковедов-практиков, которые, кроме знания языка и страны, обладали бы запасом общественно-политических знаний» [3, оп. 6, № 8, л. 8—9]. Ввиду возникших разногласий, 17 ноября того же года при ЦИК было созвано совещание с участием представителей обоих институтов, которое постановило:

«1. Слияние Петроградского и Московского Институтов признать необходимым. 2. Объединенный Институт

организовать в Москве, развертывая его в высшую школу востоковедения, готовящую востоковедов — общественно-политических работников, и приспособив к этой цели его учебный план и программы. 3. Петроградский Институт ликвидировать к 1 января 1923 г., переведя основную часть студентов на факультет восточных языков»¹ [3, оп. 3, ед. хр. 1, л. 14, 15].

19 ноября 1922 г. в ПИЖВЯ состоялось совещание, на котором присутствовали представители всех разрядов института, в частности: С. Ф. Ольденбург, В. М. Алексеев, В. Л. Котвич, Н. И. Конрад, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, П. И. Воробьев и др.

«Ближайшим результатом предполагаемого слияния институтов к 1 января 1923 г.,— записано в протоколе совещания,— будет сведение на нет всей более чем 2-летней деятельности петроградских востоковедов накануне первого выпуска слушателей и прекращение подготовки специалистов для целого ряда стран Востока, прежде всего для Туркестана, Индии, Монголии. Петроградские востоковеды, в случае предполагаемого слияния институтов, слагают с себя ответственность за последствия» [3, оп. 4, № 13, л. 1, 1922].

20 ноября того же года правление института и общее собрание студентов единодушно высказались за сохранение ПИЖВЯ [3, оп. 3, № 1, л. 17, 1922]. В Москву отправился А. Н. Самойлович, из отчета которого узнаем следующее:

«По получении резолюции Правления ПИЖВЯ, профессоров и студенчества Зам. Наркома по делам национальностей т. Бройдо поставил 23 ноября 1922 г. вопрос на обсуждение Коллегии НКН, и Коллегия единогласно постановила отложить дело слияния двух институтов, произведя его не ранее окончания учебного 1922/23 года. Тов. Бройдо устно пояснил, что фактически откладывается не слияние, а окончательное решение самого вопроса о слиянии и прибавил, что дальнейшая судьба ПИЖВЯ будет в значительной мере зависеть от хода дел в Институте» [3, оп. 3, № 1, л. 23].

В 1923 г., по-видимому из-за трудностей реализации указанного выше постановления, возник проект создания на базе Московского и Петроградского институтов

¹ Имеются в виду востоковедные отделения ФОН Петроградского университета [см.: 29, с. 34—41].

единого Института внешних сношений с западным и восточным факультетами [3, оп. 5, № 1, л. 25, об. 1924].

В мае 1924 г. была образована междуведомственная комиссия, которая должна была решить вопрос об организации Института внешних сношений. На заседании 12 мая 1924 г. комиссия признала необходимым сконцентрировать подготовку работников внешних сношений как по Западу, так и по Востоку в одном специальном учебном заведении, организовав в нем соответствующие факультеты или отделения. По мнению комиссии, это не исключало возможности существования в центре и на периферии учебных заведений, предназначенных для изучения языков и культур Востока [3, оп. 6, № 8, л. 14—14 об.].

Такая постановка вопроса вызвала решительное возражение со стороны ленинградских востоковедов, которые напомнили о печальном опыте «построения ведомственных школ и указали на фактические достижения Ленинградского Института, уже выпустившего к тому времени около 60 высококвалифицированных работников на Востоке...» [3, оп. 6, № 8, л. 14—14 об.]².

Председатель ВНАВ М. П. Павлович в докладной записке о Московском и Ленинградском институтах востоковедения решительно высказался за сохранение обоих институтов [9, с. 78—79]³, и его авторитетное суждение сыграло свою роль: институты остались самостоятельными.

Значительный интерес представляет письмо Народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина от 13 мая 1924 г., написанное им в связи с обсуждением вопроса о создании единого Института внешних сношений.

² В архиве сохранилась датированная 6 июня 1924 г. докладная записка, составленная (после консультации с Н. Я. Марром и С. Ф. Ольденбургом) ректором П. И. Воробьевым, в которой обосновывалась необходимость сохранения Ленинградского института в качестве Ленинградского отделения единого Востоковедного вуза в Москве [3, оп. 5, № 1, л. 25 об.]. Вероятно, эта записка отражает одну из точек зрения на проект создания единого Института внешних сношений.

³ В «Справочных сведениях за 1924/25 уч. г.» докладная записка опубликована без подписи; а записка, хранящаяся в архиве [3, оп. 5, № 1, л. 12], подписана председателем ВНАВ Павловичем.

«Я считаю,— писал Г. В. Чичерин,— совершенно неправильным и просто неосуществимым постановление о том, что Институт востоковедения предназначен только для изучения восточных языков и культур, но не готовит работников внешних сношений. Попытка готовить работников внешних сношений как по Западу, так и по Востоку в одном Вузе не может по части Востока дать никаких результатов. На Востоке у нас имеются, во-первых, руководящие политики, как полпреды и зампреды, не изготовляемые никакими институтами внешних сношений, но назначаемые из числа видных политических деятелей, и, во-вторых, специальные восточные работники, от которых требуется доскональное знание восточных языков, восточных стран, быта и т. д.

Та академическая подготовка, которая необходима для японоведа или китаеоведа... требует... четырех лет. *Нам нужны восточные работники с знанием языков и стран, но для нас на Востоке совершенно бесполезны лица, наслушавшиеся общих наук, но знающие лишь азы восточных языков и востоковедения.* Вообразить себе, что можно прицепить сбоку припека изучение Востока к общеобразовательному Вузу — это просто нелепо. Студент, набравшийся общих наук, но едва бормочущий с пятого на десятое по-японски, для нашей японской работы бесполезен. Это не японоведа. Можно быть японоведом или не быть японоведом, но нельзя быть чем-то промежуточным. Если юноша кончил Институт востоковедения и хорошенько изучил японоведение, мы его, конечно, возьмем в качестве японского работника, даже в том случае, если он мало изучил общие науки. Но мы ни в коем случае не возьмем в качестве японоведа юношу, который слушал много общих наук, но едва бормочет с пятого на десятое по-японски. Для того, чтобы востоковедение было как следует поставлено, оно должно быть в центре всего внимания, т. е. должно быть объектом специального Вуза. Студент-востоковед может в том же Вузе слушать и общеобразовательные лекции, но заставлять его бежать несколько верст в другой Вуз, чтобы там слушать общеобразовательные лекции, совершенно невыполнимо. Можно представить себе, что юноша сначала кончит 4-летний курс Института востоковедения, а потом пробудет 3 года в Институте внешних сношений, но такой 7-летний курс возможен

только в самых редких исключительных случаях. Это ни в коем случае не может быть нормой.

Одним словом, восточными специальными работниками будут те юноши, которые будут выходить из Института востоковедения. Никакие постановления не изменят этого положения, вытекающего из природы вещей» [3, оп. 7, ед. хр. 6, л. 2 об.].

Вопрос о слиянии Ленинградского и Московского институтов был вновь поднят 15 ноября 1924 г. на межведомственном совещании в Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) при обсуждении штатов этих институтов.

В январе 1925 г. состоялось обследование Ленинградского института специальной комиссией, члены которой единогласно высказались против слияния Ленинградского и Московского институтов [3, оп. 6, № 3, стр. 2—4]. «Ленинградский институт,— отмечалось комиссией,— располагает высококвалифицированными востоковедными научными силами, в течение десятков лет тесно связанными с Ленинградом, как востоковедным центром, и его научными учреждениями (Академия наук, Азиатский музей, Академия материальной культуры)... Основное преимущество Ленинградского института заключается в таком построении учебных его планов и программ, при котором учащимся дается полная возможность, с одной стороны, овладеть живою практическою речью восточных народов, и с другой стороны, изучаемые в Институте политико-экономические дисциплины... обеспечивают действительную подготовку советских востоковедов-общественников. Вместе с тем, важнейшею областью и характерной частью работы Ленинградского института является подготовка культурных сил для Советского Востока» [3, оп. 6, № 8, л. 16—17].

В первых числах февраля 1925 г. представители штатной комиссии, прибывшие в институт для ознакомления с его деятельностью, высказались за сохранение ЛИЖВЯ на прежних основаниях. 14 февраля 1925 г. это было подтверждено телеграммой Уполномоченного ЦИК СССР по Московскому и Ленинградскому институтам М. П. Павловича [3, оп. 6, № 8, л. 17].

Учитывая высокие требования, предъявляемые директивными инстанциями к выпускникам института, правление ЛИЖВЯ 27 июня 1924 г. решило принимать на

I курс лиц по рекомендациям партийных организаций РСФСР и восточных республик Советского Союза.

В 1924/25 г. на I курс было зачислено 65 человек, в том числе: 27 членов РКП(б), 21 член ВЛКСМ и 17 человек беспартийных.

Материальное обеспечение студентов значительно улучшилось. Институт располагал уже 150 стипендиями по 22 руб. в месяц каждая, кроме того, стипендиаты получали по 40 руб. в год на обмундирование, что почти в полной мере удовлетворяло потребности студентов в питании и одежде [9, с. 66].

В 1924/25 г. в институте функционировало 10 основных разрядов. По зарубежному Востоку: японский, китайский, монголо-тибетский, индийский (с отделениями: урду, бенгали, тамильское), персидский, османский, арабский. По Советскому Востоку: туркестанский (с отделениями: узбекское, киргизское, туркменское, таджикское), грузинский, армянский [9, с. 20].

В течение этого учебного года план института подвергался тщательному и всестороннему обсуждению в специальных комиссиях, однако изменения сводились в основном к расширению программ общественных дисциплин. В учебных планах института востоковедный материал ограничивался пределами практически полезного. Установкой на практическое овладение восточными языками, которое дополнялось изучением географии, истории, экономики, политического устройства, современной духовной и материальной культуры страны, пытались достичь поставленные перед Институтом задачи: «готовить практических работников на Востоке или в связи с Востоком». Кружки самообразования, организованные при студенческом институтском клубе, были призваны поднять культурный и политический уровень студентов [9, с. 6].

Первоначально предполагалось, что командировки студентов на Восток для полного овладения восточным языком явятся органическим элементом учебного плана. Однако осуществить это оказалось весьма трудно: в течение 1922—1925 гг. институт смог командировать в Китай, Монголию, Персию, Турцию, Среднюю Азию только около 30 студентов.

К концу 1924/25 г. перед ЛИЖВЯ с особой остротой встал вопрос об определении питомцев института на

работу по специальности⁴. Это обстоятельство, а также спрос на специалистов-востоковедов, обладающих определенными профессиональными навыками, вынудили правление института заняться пересмотром учебных планов.

В результате тщательного обсуждения учебных программ, в котором приняли участие правление, совет, преподаватели и студенты, было решено, сохранив методы и задачи учебной работы, ввести четвертый специальный курс с тремя главнейшими профессиональными уклонами: правовым, педагогическим и финансово-экономическим [9, с. 9].

В 1925 г. было разработано новое Положение о Ленинградском институте живых восточных языков, утвержденное Уполномоченным ЦИК СССР по Московскому и Ленинградскому институтам М. П. Павловичем 11 марта того же года. Существенно изменилось по сравнению с Положением 1922 г. определение целей ЛИЖВЯ. Институт, подчеркивалось в документе, должен готовить: «а) работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, б) научных работников для востоковедных высших учебных заведений» [9, с. 12—16].

Таким образом, институт поставил перед собой труднейшую задачу — готовить одновременно практических и научных работников, что, однако, ему в известной мере удалось.

В соответствии с Положением 1925 г. в институте были созданы две предметные комиссии: языково-страноведческая и общественно-политическая, в состав которых входили профессора, преподаватели и представители студентов.

Комиссии должны были рассматривать учебные планы, детально разрабатывать учебные программы, обсуждать методы преподавания и т. п. [подробнее см.: 9, с. 14—16].

В Правилах приема в Ленинградский институт живых восточных языков записано: «Ленинградский Институт живых восточных языков при ЦИК СССР ста-

⁴ С 1805 г., т. е. со времени введения преподавания восточных языков в русских университетах при «устройстве положения молодых людей, окончивших курс в Факультете восточных языков», неизменно встречались большие затруднения [58, т. I, с. 455].

вит своей целью подготовку работников как для Зарубежного, так и для Советского Востока в областях: экономической, дипломатической, педагогической и торговой» [9, с. 20].

По новому Положению устанавливался четырехлетний срок обучения. На заседании пленума языково-страноведческой предметной комиссии ЛИЖВЯ 28 марта 1925 г. ректор института П. И. Воробьев, в частности, сказал: «Удлинение курса на 1 год целесообразно в том смысле, что оно дает студентам возможность, пройдя в соответствующем (экономическом, педагогическом и т. п.) ВУЗе в специально выработанном объеме курс наук, получить ту или иную специальность. В течение всего 4-го курса студент, числясь студентом Института, не порывает связи со своим разрядом и ведет работу по изучаемой им в другом ВУЗе области под руководством профессоров разряда на изучаемом им в институте языке» [3, оп. 6, № 17, л. 1 об.].

Проект этот, как и следовало ожидать, осуществить не удалось.

В первой половине 1925 г. в ЛИЖВЯ был разработан новый типовой учебный план, в основных чертах повторявший старый, рассчитанный на четыре года обучения, из которых один отводился командировке в изучаемую страну Востока. Новый план института был построен по типовой схеме:

Предмет	Количество часов в неделю
<i>I курс</i>	
Восточный язык	10—12
Западноевропейский язык	4
География и этнография страны и изучение источников	6
Общее учение о праве и конституции СССР	2
История ВКП(б) и основы ленинизма	2
Итого	24—26
<i>II курс</i>	
Восточный язык	8—10
Западноевропейский язык	4
Новая история и литература изучаемой страны	4
Политэкономия	2
Экономическая политика и экономика СССР	2
Статистика	1
Дополнительный восточный язык	2
Итого	23—25

III курс

Восточный язык	8—10
Западноевропейский язык	4
Политэкономический обзор изучаемой страны	2
Мировое хозяйство и империализм	1
Исторический материализм	2
Хозяйственное право СССР	2
Дополнительный восточный язык	2

Итого . . . 21—23

IV курс

Восточный язык	8—10
Западноевропейский язык	4
Международное право и семинарий по изучению междуна- родных договоров	2
Национальный вопрос и национальная политика	2
Аграрный вопрос	2

Итого . . . 18—20

Таким образом, в среднем работе над языком отводилось около 50% учебного времени, а вместе с изучением стран Востока, западноевропейского языка и дополнительного восточного языка — 75%; 25% учебного времени посвящалось дисциплинам общественно-политического цикла. При этом западноевропейские языки вводились в программу разряда в зависимости от того, какой из этих языков преобладал в изучаемой стране Востока (в государствах Дальнего Востока — английский язык, в Монголии — немецкий, в странах Ближнего Востока — французский).

При изучении восточных языков «теоретическую» часть программы по восточному языку студенты отрабатывали с профессорами и преподавателями, а практикой занимались с лекторами — уроженцами стран Востока.

Преподавание в институте велось лабораторным методом в семинариях (на одного преподавателя приходилось 10—12 студентов) [3, оп. 6, № 18, л. 30—31].

Предметами, общими для всех разрядов, были следующие: история культур Востока (С. Ф. Ольденбург), яфетическая теория (Н. Я. Марр), философские школы Востока (Ф. И. Щербатской), география Азии (Г. Е. Грумм-Гржимайло), история изучения Востока (В. В. Бартольд), империализм на Востоке, национальный вопрос; политэкономия, конституция СССР, введе-

ние в языкознание, английский, французский, немецкий языки. Исламоведение было введено для арабского, османо-турецкого, персидского разрядов (И. Ю. Крачковский); политическая история стран Дальнего Востока — для китайского, японского, монгольского разрядов [3, оп. 6, № 18, л. 2].

На I курсе из общественно-политических предметов, общих для всех разрядов, читались: 1. хозяйственное и государственное право СССР в связи с общим учением о праве и государстве, 2. история партии и основы ленинизма; на II курсе — 1. политическая экономия в связи с экономической политикой, 2. профсоюзное движение; на III курсе — 1. исторический материализм, 2. империализм и мировое хозяйство.

В феврале 1926 г. в учебный план IV курса были введены следующие предметы: 1. частное международное право, 2. торгово-промышленное право СССР, 3. конституция буржуазных государств, 4. консульская практика [3, оп. 7, № 26, л. 17, 1926].

Тогда же было уточнено распределение основных предметов по курсам:

Языкознание

I курс — современный разговорный язык (грамматика и стилистика).

II курс — современный литературный язык (грамматика и стилистика).

III курс — классический язык (грамматика и стилистика).

IV курс — современные эклектические формы языка (стили и уклоны современного разговорного и литературного языков в их собственной форме и в их переплетении в языке как книжном, так и устном) [3, оп. 7, № 32, л. 17].

Страноведение

I курс — география (физическая) и этнография (хозяйство и быт).

II курс — история (экономическая, социальная и политическая).

III курс — современный политический и экономический строй (государственный строй, экономическая география и народное хозяйство) [3, оп. 7, № 32, л. 19].

Подводя итоги первых пяти лет существования института (1920—1925), следует отметить, что это пятилетие было весьма плодотворным этапом в истории развития института и в подготовке востоковедов-практиков. Несмотря на многие трудности, связанные с созданием

нового типа практической востоковедной школы, институт сумел объединить в своих стенах высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, создать хорошую учебную библиотеку и наладить работу издательства.

Т а б л и ц а 3

Общий рост института за 1920—1925 гг. *

Учебные годы	Профессорско-преподавательский состав	Административно-хозяйственный персонал	Общее число студентов	Число членов партии	
				человек	% от общего числа студентов
1920/21	26	20	70	10	9
1921/22	31	19	120	15	12
1922/23	39	20	129	17	15
1923/24	39	22	156	30	20
1924/25	51	25	197	78	45

* [З, оп. 6, № 8, л. 23а].

Число студентов, командированных с учебной целью на Восток, в 1925 г. достигло рекордной цифры — 36 человек, в том числе в Японию было направлено 4 человека, в Китай — 2, в Монголию — 3, в Персию (Иран) — 4, в Турцию — 4, в Туркестан — 10, на Кавказ — 4, в Калмыкскую область — 5 человек. В этом же году в научные командировки в Монголию выезжал проф. Б. Я. Владимирцов, в Турцию проф. А. Н. Самойлович [З, оп. 6, № 1, л. 22].

В связи со значительным увеличением числа студентов восточных национальностей ректорат и правление института с марта 1924 г. приступили к разработке специальных учебных планов и организации при ЛИЖВЯ подготовительных групп, рабфаков, семинаров (см. с. 92).

Согласно решению Президиума ЦИК СССР от 1 октября 1925 г. в 1925/26 г. в институт предполагалось принять 132 человека [З, оп. 5, № 7, л. 39], однако, ввиду изменений условий приема, на I курс был зачислен только 81 человек.

По новым условиям в ЛИЖВЯ принимались в основном партийные работники с большим стажем работы [9, с. 20]. Однако среди желающих поступить в институт

Таблица 4

**Состав студентов по разрядам и курсам
на 5 ноября 1925 г.**

Разряды	Курсы			Всего
	I	II	III	
Японский	12	4	15	31
Китайский	12	4	2	18
Монгольский	5	2	6	13
Индийский	5	4	8	17
Арабский	6	2	1	9
Персидский	9	6	9	24
Османский	13	7	8	28
Туркестанский	9	3	7	19
Грузинский	4	1	2	7
Армянский	6	1	—	7
Итого	81	34	58	173

лиц, полностью отвечающих новым требованиям, в достаточном количестве не было.

На подготовительное отделение было принято 34 человека. В монгольский семинарий на I курс поступило 4 студента, на II — 6; в туркологический семинарий — на I курс — 9, на II — 4 человека.

В монгольский сектор, заменивший монголо-тибетские подготовительные курсы, было зачислено 22 студента; в яфетический семинарий поступил 1 человек [3, оп. 5, № 5, л. 97].

**ПОИСКИ НОВОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
СТРУКТУРЫ ИНСТИТУТА,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММ
И УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА**

5 января 1926 г. на заседании правления ректор института П. И. Воробьев выступил с докладом «Об изменении организационной структуры Института» [3, оп. 7, № 6, л. 28—28 об.]. Он отметил недостатки в структуре института и указал, что необходимо пересмотреть цели и задачи советского востоковедного вуза вообще.

По мнению П. И. Воробьева, питомцы ЛИЖВЯ должны безусловно обладать знаниями языка, жизни страны во всех разрезах и обязательно быть хорошо подготовленными марксистами.

П. И. Воробьев считал нецелесообразным изучение языков народов Советских восточных республик в Ленинграде, поэтому он предложил упразднить армянский и грузинский разряды, оставив изучение этих языков лишь в яфетическом семинарии. Вместо туркестанского разряда он считал необходимым ввести тюркский подразряд при китайском разряде. Среднеазиатские тюркские языки должны изучать монголисты и китаисты факультативно.

Однако все эти недостаточно конкретные предложения, по-видимому, не встретили поддержки. В новом Положении о ЛИЖВЯ, утвержденном Президиумом ЦИК СССР 26 июля 1926 г., было записано: «Институт действует в составе разрядов: 1. Японского, 2. Китайского, 3. Монголо-Тибетского, 4. Индийского с отделениями: а) Бенгали, б) Тамильским, в) Урду; 5. Туркестанского с отделениями: а) Узбекским, б) Казак-Киргизским и в) Таджикским; 6. Персидского, 7. Грузинского, 8. Армянского, 9. Осmano-турецкого, 10. Арабско-

го, и семинариев: 1. Яфетического, 2. Монгольского и 3. Туркологического... При Институте состоит рабочий факультет с трехлетним курсом обучения для подготовки главным образом к работе на основных разрядах и семинариях Института лиц, командированных восточными республиками и автономными областями Союза ССР. Рабочий факультет делится на секторы по национальностям (Монгольский сектор, Североазиатский и др.)... Курс обучения в Институте четырехлетний для основных разрядов и трехлетний для семинариев и рабочего факультета» [3, оп. 7, № 9, л. 1—3].

Несколько расширилась в соответствии с новой структурой и целевая установка ЛИЖВЯ. «Институт имеет свою целью подготовку: а) работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, б) научных работников для обслуживания нужд высших и иных учебных заведений востоковедного характера и в) культурно-научных деятелей среди восточных национальностей Союза ССР из состава самих этих национальностей» [3, оп. 7, № 9, л. 3].

В новом Положении среди научных работников института впервые названы аспиранты. Существовавшие ранее предметные комиссии получили в Положении 1926 г. следующие наименования: лингвистическая и социолого-экономическая, но их цели и задачи остались без изменений.

О задачах, стоящих перед институтом в начале 1927 г., и перспективах его развития дает ясное представление доклад П. И. Воробьева «О состоянии ЛИЖВЯ», сделанный им 20 марта 1927 г. «Имея за собой опыт семилетней работы,— отметил ректор,— Институт в настоящее время пришел к совершенно точно намеченной схеме своего дальнейшего развития. Пути этого последнего повелительно указуются теми требованиями, которые предъявлялись и предъявляются со стороны советской государственности и общественности. Эти требования всецело предопределяют и всю целевую установку Института.

История Института показала, что к нему тяготеют две различные категории учащихся: 1) представители тех народностей Союза, для которых основным языком для работы является русский, и 2) представители народностей Советского Востока.

В силу этого обстоятельства — наличия двух контингентов слушателей — структура Института приняла довольно сложный характер. В настоящем (1926/27.— А. К.) учебном году Институт слагается из следующих внутренне самостоятельных организмов:

1. Основных разрядов, на которых сосредоточено все изучение отдельных стран Востока. 2. Рабочего факультета для представителей северных и восточных народностей Союза; а также и особого подготовительного отделения для монголов. 3. Исследовательских семинариев—Туркологического, Монгольского и Яфетического...

Однако эта же самая усложнившаяся структура Института, расширение его задач и неуклонный рост студенчества поставили перед Институтом еще одну задачу: подготовку научных работников. Задача эта... требует принятия самых неотложных мер для своего разрешения. Институт нуждается в пополнении своих преподавательских кадров новыми работниками, с одной стороны — отвечающими всем требованиям, предъявляемым к подлинным востоковедам, с другой — удовлетворяющими в идеологическом и методологическом отношении общим положениям науки в СССР...

Ввиду этого, Институт уже с давних пор обратил серьезное внимание на отбор наиболее подходящих элементов из числа оканчивающих, имея в виду образовать из них кадры аспирантов. В настоящее время Институт числит в списке своих работников 8 аспирантов, распределяющихся по своим специальностям следующим образом:

1) по монголоведению — 2; 2) по туркологии — 5; 3) по индологии — 1... Наконец, текущий год поставил Институт вплотную еще перед одной задачей: в последнее время обнаружилось обращение к Институту представителей национальностей Зарубежного Востока¹.

¹ В 1922/23 г. при ПИЖВЯ были созданы подготовительные курсы для монголов-тибетцев [см.: 8, с. 64]. В дальнейшем при Институте был создан Монгольский сектор, на котором лица, командированные правительством Монгольской Народной Республики, получали общее образование (на уровне рабфака), изучали русский и английский языки, а также монголоведение [3, оп. 8, № 6, л. 5]. 4 октября 1927 г. Правление ЛВИ постановило: «Ввиду организации при Институте Севфака со специальным Монгольским отделением, считать целесообразным влить Монгольский сектор в Севфак» [3, оп. 8, № 1, л. 51]. (О Севфаке см. с. 106.)

...Все вышеизложенное с совершенной ясностью определяет структуру Института в будущем учебном году. Институт должен слагаться из следующих организаций:

I. ВУЗ — для лиц со средним образованием, — т. н. основные разряды Института...

II. Учебное заведение типа особого техникума для представителей северных и восточных народностей Союза, не имеющих среднего образования: а) факультет северных народностей; б) факультет восточных народностей.

III. Особый ВУЗ для представителей восточных народностей Союза, имеющих лишь среднее образование. Таковым может оказаться ассоциация существующих семинариев: 1. Монгольского (для монголов, бурят, калмыков и т. д.). 2. Туркологического (для тюркских народностей). 3. Яфетического (для кавказских народностей).

IV. Научно-исследовательский институт для лиц, имеющих законченное высшее образование и владеющих русским языком. Основные кадры работников его образуют: 1) аспиранты; 2) научные работники восточных национальностей Союза» [3, оп. 8, № 6, л. 20—23].

Действующая система подготовки кадров востоковедов различного профиля свидетельствовала о широких научно-педагогических возможностях ЛИЖВЯ.

Директивные инстанции, стремясь обеспечить подготовку в кратчайший срок квалифицированных кадров востоковедов-практиков, отвечающих высоким требованиям, предъявляемым к работникам дипломатического и внешнеторгового ведомств, ставили перед Институтом новые ответственные задачи.

Ученый комитет ЦИК СССР² в своем постановлении от 12 мая 1927 г. отметил:

«1. За время существования ЛИЖВЯ проделана большая работа в области организационного оформления Института, подбора и привлечения ряда выдающихся молодых специалистов и профессоров, организации исследовательских семинариев, установления тесной свя-

² Его полное название: Комитет по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК СССР. Положение о нем Президиум ЦИК СССР утвердил 5 февраля 1926 г. [73, с. 93].

зи Правления Института с общественными и студенческими организациями и т. д.

2. Наряду, однако, с этими положительными сторонами жизни и работы Института, необходимо отметить имевшие место следующие, в первый период организации отчасти неизбежные, недостатки: лингвистика, как таковая, значительно оттеснила основную задачу Института как специального ВУЗа, подготовляющего кадры квалифицированных востоковедов. Это положение соответственно отразилось на построении учебной части, имеющей при себе две предметные комиссии: лингвистическую, обнимающую собой дисциплины страноведческого характера, и социолого-экономическую, включающую общественно-политические предметы.

3. Считать правильным взятый в последнее время Институтом курс на перестройку учебной части на принципе выдвижения основной целью изучение страны, не преуменьшая и не ослабляя изучение языка, и организацию в соответствии с этим самостоятельной предметной комиссии по дисциплинам страноведческого характера; необходимо также обратить внимание на усиление социолого-экономических дисциплин, увязав их преподавание со страноведением, а также на приближение работы Института к задачам современности.

4. Отмечая высокий уровень преподавания по отдельным дисциплинам, считать необходимым выравнивание всего преподавания по этим дисциплинам; признать особое актуальное значение дальневосточного разряда (Китай, Монголия и Япония) и предметов, связанных с изучением Советского Востока и с подготовкой кадров научных работников для нацреспублик и областей Союза ССР.

5. Основной задачей научно-исследовательского института при ЛИЖВЯ является в первую очередь удовлетворение потребностей самого ЛИЖВЯ.

6. Предложить Правлению Института при его комплектовании точно учесть потребность заинтересованных ведомств, а также обратить внимание на необходимость достаточного обеспечения интересов национальных республик.

7. В целях увязки учебы с практическим ознакомлением со страной признать необходимым командирование слушателей в соответствующие страны с тем, чтобы по-

сылать в первую очередь наиболее успевающих, а также стажировки части слушателей по типу обычного использования на практической работе в надлежащих ведомствах (Наркомпросы нацреспублик, Наркомторг, НКВД и т. д.) с обязательным выполнением в обоих случаях в связи со своей специальностью определенного по плану задания, согласованного с заинтересованными ведомствами.

8. Войти в Президиум ЦИК Союза ССР с предложением о переименовании Института Живых Восточных Языков им. А. С. Енукидзе, в соответствии с его задачами, в Ленинградский Восточный Институт им. А. С. Енукидзе» [3, оп. 8, № 7, л. 13].

В связи с высказанным в этом постановлении предложением о расширении изучения Советского Востока было решено открыть с начала 1927/28 г. прием на I курс туркменского отделения туркестанского разряда [3, оп. 8, № 1, л. 29].

За время своего семилетнего существования ЛИЖВЯ не только сохранил и объединил старые кадры высококвалифицированных востоковедов (академики В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, профессора В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, А. И. Иванов, С. Е. Малов, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, Г. Ф. Смыкалов, Н. И. Конрад), но и выдвинул новое поколение талантливых ученых (А. К. Арендс, А. П. Баранников, Е. Э. Бертельс, Б. А. Васильев, Н. К. Дмитриев, Е. М. Колпакчи, А. М. Мерварт, А. Д. Новичев, Д. В. Семенов, М. И. Тубянский, Ю. К. Щуцкий, К. К. Юдахин и др.).

Наличие высококвалифицированных педагогов способствовало повышению роли разрядов в жизни ЛИЖВЯ. Разрядные совещания, возглавляемые советом института и предметными комиссиями, работали под общим руководством правления ЛИЖВЯ в составе: председателя и ректора института — проф. П. И. Воробьева, членов правления — Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга, проректора по учебной части — проф. Н. И. Конрада, проректора по административно-хозяйственной части — Н. Н. Селихова.

В постоянный состав президиума правления института входили: председатель и ректор — П. И. Воробьев, члены — проректор по учебной части — Н. И. Конрад,

проректор по административно-хозяйственной части — Н. Н. Селихов [3, оп. 8, № 1, л. 6].

4 июня 1927 г. ЛИЖВЯ им. А. С. Енукидзе был переименован в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе.

Учебные планы всех разрядов ЛВИ строились по определенной схеме и, согласно основной установке Института, состояли из двух частей: восточного языковедения и социально-экономических дисциплин.

Следует отметить, что знание восточного языка не было самоцелью, а рассматривалось лишь как средство, необходимое для пользования первоисточниками на восточных языках. Хотя изучение восточного языка не носило углубленного строго лингвистического характера, оно не сводилось и к механическому овладению разговорным языком, а покоилось на солидной теоретической базе.

Наиболее существенным, с точки зрения всей целевой установки ЛВИ, являлся цикл социально-экономических дисциплин, который включал ряд методологических предметов, а также целый комплекс страноведческих предметов, освещающих историю, культуру и различные стороны современного состояния отдельных стран Востока.

Подготовка по трем уклонам — языковому, экономическому, правовому — проводилась довольно формально, и только на IV курсе.

Как видно из вышесказанного, задачи ЛВИ чрезвычайно усложнились: наряду с подготовкой практических работников для Востока и в связи с Востоком (в первую очередь сотрудников аппарата полпредств и торгпредств), необходимо было воспитывать кадры научных работников, отвечающих современным требованиям, в том числе и из среды коренного населения союзных республик и автономных областей СССР.

Выпускники ЛВИ, которым предстояло работать на Востоке, должны были основательно владеть восточным языком, иметь солидную марксистско-ленинскую методологическую подготовку, знать историю, экономику, государственный строй восточной страны.

Ректорат, кафедры, партийный комитет и профсоюзная организация ЛВИ непрерывно работали над совершенствованием учебных планов с целью подготовки

востоковедов-практиков, отвечающих требованиям ведомств, использующих выпускников института. Эти организации, исходя из своих узковедомственных интересов, предъявляли разные требования к будущим работникам на Востоке. Руководство ЛВИ, несмотря на отсутствие единого мнения о том, каков должен быть востоковед-практик, еще в 1928 г. считало, что подготовка к практической деятельности на Востоке не должна идти по линии узкой специализации. «Востоковедный вуз не может готовить товароведов, бухгалтеров и т. п. Это дело специальных техникумов» [3, оп. 9, № 27, л. 78—79].

В 1928 г. предполагалось ввести с III курса три уклона: языковой, экономический и правовой [3, оп. 9, № 27, л. 78—79]; однако осуществить эту идею в полном объеме не удалось.

К уточнению профиля выпускаемых специалистов руководство ЛИЖВЯ — ЛВИ обращалось неоднократно на протяжении всей истории существования института.

На пленуме правления ЛВИ 30 сентября 1928 г., на котором присутствовал секретарь Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе, вновь возник «извечный» вопрос — каков должен быть выпускаемый институтом работник. «Наш выпускник, — записано в стенограмме пленума, — является востоковедом-обществоведом. Здесь мы отмежевываемся от других учреждений, которые готовят востоковеда-лингвиста, востоковеда-этнографа или чистого историка... Мы можем готовить специалистов-востоковедов широкого профиля, но не узкого. Создавать такого сорта работников, как востоковед-бухгалтер или востоковед — заведующий экспортом леса, мы не желаем и не можем. Другими словами, технические знания и навыки должны быть сообщены выпускникам в другом месте, а не здесь» [3, оп. 9, № 46, л. 1]. На пленуме было обращено особое внимание на трудности в распределении питомцев ЛВИ.

После широкого обмена мнениями, в котором приняли участие Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. С. Енукидзе, П. И. Воробьев и др., было принято следующее решение:

«1. Считать основную линию построения учебного плана совершенно правильной.

2. Считать необходимым усилить подготовку аспирантов Института для обеспечения преподавания в Институте тех дисциплин, для которых нет преподавателей.

3. Просить Ученый Комитет (ЦИК СССР.— А. К.) об усилении отпуска средств на командировки студентов (в страны Востока.— А. К.).

4. Просить Ученый Комитет поставить вопрос о государственном использовании продукции востоковедных вузов» [3, оп. 9, № 46, л. 12—13].

Это решение было последней попыткой сохранить в институте преобладание историко-филологических дисциплин, необходимых для подготовки «востоковеда-обществоведа».

Для осуществления этой идеи — готовить «востоковеда-обществоведа» — учебные планы ЛВИ в 1928 г. были дополнены следующими предметами: новое учение о языке (акад. Н. Я. Марр); история новой арабской литературы (акад. И. Ю. Крачковский); арабский язык в связи с персидским языком (проф. А. А. Ромаскевич); арабский язык в связи с турецким языком (доц. Е. Э. Бертельс); аграрный строй Туркестана (доц. И. Г. Дембо); народное хозяйство Китая и Индии (проф. В. М. Штейн); история Турции (проф. В. А. Гурко-Кряжин); история Персии (проф. В. А. Гурко-Кряжин); этнография Средней Азии (доц. П. П. Фиельструп); семинарий по истмату (доц. И. И. Презент); фонетический практикум (ассист. А. А. Драгунов); экономика Персии (ассист. А. К. Арендс); экономика Турции (ассист. А. Д. Новичев).

Семинар по международному и хозяйственному праву имел правовой уклон; курс международного права — языковой. Кроме того, все студенты IV курса слушали специальный курс по национальному и колониальному вопросу.

Преподаватель после вводной лекции давал по каждой теме задание с указанием материала и основных вопросов, подлежащих освещению. После завершения раздела курса устраивались обобщающие повторительные занятия, затем следовали контрольно-повторительные занятия.

Одновременно с введением новых предметов из учебных планов был исключен курс истории партии, вдвое уменьшено число часов по курсу национальный вопрос

и экономическая политика; курс хозяйственное право (доц. В. К. Райхер) переведен на положение факультативного.

В качестве образца можно привести учебный план туркестанского разряда на 1928/29 г.:

Предмет	Количество часов в неделю
<i>I курс</i>	
Государственный строй СССР	3
Политэкономия	2
География Туркестана	2
Этнография Туркестана	2
Основной восточный язык:	
теория	6
практика	4
Западноевропейский язык	4
Введение в языкознание	2
Дополнительный восточный язык	2
Итого	27

<i>II курс</i>	
Исторический материализм	3
Политэкономия	2
Эконом. география Туркестана	2
История Туркестана	2
Основной восточный язык:	
теория	4
практика	4
Западноевропейский язык	4
Дополнительный восточный язык	2
Ислам	2
Итого	25

<i>III курс</i>	
Ленинизм	3
Аграрный строй Туркестана	3
Основной восточный язык:	
теория	4
практика	4
Дополнительный восточный язык	4
История литературы Туркестана	2
Семинар по восточным текстам	2
Итого	22

Основной восточный язык:	
теория	4
практика	4
Дополнительный восточный язык	4
Семинар по литературе	2
	<hr/>
Итого	14

Летом 1928 г. институт послал 22 студента на практику в страны Востока, в том числе: в Японию — 5 человек, в Турцию — 8, в Персию — 3, в Китай — 4, в Монголию — 1, в Афганистан — 1 человека [3, оп. 9, № 9, л. 3; оп. 9, № 27, л. 53].

В правилах приема в ЛВИ на 1928/29 г. общий контингент нового пополнения был установлен в количестве 55 человек, которые распределялись по разрядам следующим образом: японский разряд — 6 человек, китайский — 11, туркестанский — 11, анатолийско-турецкий — 7, персидский — 6, монголо-тибетский — 6, арабский — 4, индийский (урду) — 4.

Хотя связи СССР со странами Востока непрерывно расширялись, прием абитуриентов в этом учебном году был сокращен, что объяснялось трудностью устройства выпускников ЛВИ на работу по специальности.

Правление, совет и общественные организации ЛВИ стремились не только усовершенствовать учебные планы, но и создать систему действенного контроля за их выполнением.

Для более полного и регулярного контроля за академической успеваемостью студентов правление ЛВИ 5 июня 1928 г. постановило: «1. Отменить зачеты, заменив их контрольно-повторительными занятиями (от 4 до 6 занятий в год). 2. Установить с будущего года защиту дипломных работ по основным разрядам Института» [3, оп. 9, № 1, л. 23].

Система зачетов имела тот недостаток, что студенты II—IV курсов отчитывались за свою работу по основным предметам только один раз в году — весной. Создавалось положение, при котором часть студентов занималась этими предметами только накануне зачетов [3, оп. 9, № 1, л. 65].

В целях планомерной подготовки аспирантов в ок-

тябре 1928 г. была создана группа выдвиженцев в составе 25 студентов [3, оп. 9, № 1, л. 48]. Для них был установлен определенный минимум обязательных предметов сверх тех дисциплин, которые читались студентам по утвержденному учебному плану. Каждый выдвиженец имел своего научного руководителя.

Будущие аспиранты могли выбрать один из трех уклонов: экономический, правовой, языковой. Экономисты слушали цикл лекций по методологии политической экономии, для правоведов был организован семинарий по диамату и кружок по праву, для языковедов — семинарий по диамату и яфетидологии [3, оп. 10, № 39, л. 1].

1 марта 1931 г. из группы выдвиженцев II курса было скомплектовано подготовительное отделение аспирантуры ЛВИ, завершившее свою работу к 1 июня 1932 г. [3, оп. 12, № 2, л. 22]. В 1932 г. была создана аспирантура.

Очередная комиссия, обследовавшая Ленинградский восточный институт в начале 1929 г., установила, что «недостаточная четкость профиля специалиста, связанная с недостаточно точным учетом того, в какой организации будет работать тот или иной товарищ, многообразие работы по Востоку, большое количество учреждений, потребляющих продукцию ЛВИ, заставляют в интересах дела уточнить профиль специалиста и наметить те организации, которые ЛВИ должен обслуживать» [3, оп. 10, № 23, л. 3].

В январе 1929 г. бюро парторганизации ЛВИ направило в правление института письмо, в котором отмечались недостатки в подготовке будущих практических работников на Востоке: отсутствие точных установок, определяющих профиль института, недостаточно четкое разграничение основных направлений учебной работы ЛВИ и МИВ [3, оп. 29, № 25, л. 4—6].

Правление института, как явствует из выступления ректора П. И. Воробьева на I конференции профессоров и преподавателей ЛВИ 20 марта 1929 г., согласилось с мнением парторганизации о необходимости пересмотреть учебные планы ЛВИ и ввести в них ряд специальных предметов.

«Перед нами,— говорил П. И. Воробьев на этой конференции.— стоит проблема уточнения учебного плана и

уточнения того типа специалиста, который должен выпускаться востоковедным ВУЗом. Нам придется встать на путь выпуска специалистов, не только знающих язык, но имеющих определенную специализацию в аспекте данной страны. Такая специализация должна идти по трем линиям:

Выпускать лиц со специальным экономическим образованием в аспекте страны Востока, или же с правовым, или же с типично языковым образованием» [3, оп. 10, № 41, л. 4].

На той же конференции проректор по учебной части ЛВИ проф. Н. И. Конрад охарактеризовал этапы развития института с 1920 по 1929 г.

«Первый этап нашего института,— отметил Н. И. Конрад,— заключался в том, что мы имели по преимуществу языковое учебное заведение с некоторыми элементами страноведения и обществознания.

Затем начинается второй этап, когда страноведение и обществознание до известной степени были усилены. Второй этап заключался в том, что мы имели языковое учебное заведение с широко развитыми социолого-экономическими дисциплинами.

Третий этап заключался в том, что в состав учебного плана в полной мере самодовлеюще, наряду с другими, вошло и страноведение.

Теперь мы стоим перед четвертым этапом, который требует от нас двух вещей: во-первых, усиления общественной части, социолого-экономических дисциплин, которые давали бы подлинных марксистских работников, и, во-вторых, всемерного усиления страноведческих наук» [3, оп. 10, № 41, л. 10].

Единообразие целей и задач двух востоковедных институтов — Ленинградского и Московского — время от времени приводило к такой ситуации, когда все трудные вопросы пытались решать путем создания новой высшей востоковедной школы через ликвидацию одного из институтов.

18 мая 1929 г. Президиум Ученого комитета ЦИК СССР постановил: «Считать наиболее целесообразным организацию... объединенного вуза в Москве... В связи с переводом Ленинградского Института в Москву считать необходимым укрепить и оживить работу Восточного отделения ЛГУ» [3, оп. 10, № 19, л. 1]. 30 мая

того же года состоялось заседание Пленума Ученого комитета ЦИК СССР, на котором было принято следующее решение: «Представленные Президиумом Комитета предложения по вопросу о слиянии ЛВИ и МИВ утвердить» [3, оп. 10, № 19, л. 2].

Это постановление вызвало решительное возражение профессорско-преподавательского коллектива и студентов ЛВИ.

В письме ректора П. И. Воробьева секретарю Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе говорилось: «1. В настоящее время ЛВИ представляет собою востоковедный вуз, который вполне оформился в качестве научного и учебного центра советского практического востоковедения с вполне определенной целевой установкой по подготовке практических работников для Востока и в связи с Востоком.

Эта целевая установка, намеченная Институтом еще в 1924 г., реализована уже полностью в работе Института на протяжении истекшего учебного года. Центральное место в учебном плане каждого разряда занимают методические и экономическо-правовые дисциплины, которые ставятся в востоковедном аспекте. Языковые дисциплины, при всей серьезности постановки их преподавания, рассматриваются лишь как необходимое средство для проникновения в первоисточники, в связи с чем преподавание языка увязано с преподаванием социолого-экономических дисциплин и подчинено задаче изучения страны.

2. По широте охвата изучаемых стран Востока ЛВИ является единственным не только в нашем Союзе, но и на Западе. В настоящее время Институт охватывает своими разрядами все основные страны Зарубежного Востока. Кроме того, видное место в Институте отведено Советскому Востоку, в частности Средней Азии. При Институте функционируют также национальные семинарии: Монгольский, Туркологический, Яфетический и Североазиатский, в задачи которых входит подготовка из среды культурных сил национальных республик и областей Союза главным образом научных работников для нужд этих республик. При Институте существует также Северный факультет, имеющий целью подготовку из среды северных и восточных племен и народностей Союза и Зарубежного Востока (монголы, танну-тувинцы

и тибетцы) работников по линии кооперативной, педагогической и советского строительства. Таким образом, ЛВИ с его основными разрядами, национальными семинариями и Севфаком является наиболее мощным многонациональным востоковедным вузом.

3. ЛВИ обладает высококвалифицированным педагогическим составом — языковые дисциплины представлены лучшими в СССР специалистами. При этом, однако, эти языковедческие силы ни в коей мере не определяют линии работы Института как в отношении идеологического, так и учебного руководства. ЛВИ имеет в своем составе достаточное количество квалифицированных марксистских сил, которые вполне обеспечивают методологическое руководство всей учебной жизнью Института.

4. В Ленинграде имеются налицо все объективные условия для дальнейшего роста ЛВИ. Наличие целого ряда востоковедных научных учреждений и специальных востоковедных книжных хранилищ и неиспользованных архивов обеспечивает материальную базу для плодотворной научной работы. Наличие высококвалифицированных языковедов — молодых, но серьезно подготовленных марксистов-востоковедов гарантирует возможность дальнейшего развертывания в Ленинграде советского востоковедения.

5. Опыт использования окончивших ЛВИ студентов доказывает правильность как основной целевой установки, так и всей постановки учебного дела Института.

6. В противоположность планомерному органическому росту ЛВИ все 9 лет существования МИВ являют яркую картину перманентной реорганизации вуза, не дававшей, однако, положительных результатов, главным образом в силу отсутствия основного условия — квалифицированных языковедческих сил.

7. Основное ядро языковедных сил, работающих в ЛВИ, связано с работой в Академии наук и в Университете, и, в случае перевода ЛВИ в Москву, все эти силы оказались бы для Института потерянными. В силу этого слияние обоих вузов в Москве, по существу, означало бы фактическую ликвидацию единственного налаженного центра практического востоковедения, каковым является ЛВИ» [3, оп. 10, № 19, л. 7—9].

Аргументы, изложенные в письме правления ЛВИ,

возымели свое действие, слияние ЛВИ и МИВ было решено не проводить.

Все ясно себе представляли, что для возрастающих — дипломатических и коммерческих — связей с Востоком необходимы работники, владеющие восточным языком, знающие страны Востока и обладающие навыками в какой-то конкретной специальной области.

Но никто не знал в ту пору, какими путями можно подойти к решению такой трудной задачи, как подготовка востоковеда-практика, и каким требованиям он должен удовлетворять.

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
В 30-х ГОДАХ**

В правилах приема на 1929/30 г. цели и задачи института, а также его структура остались без изменений. Студенты, поступившие в институт в 1929 г., распределялись по разрядам и отделениям следующим образом:

Японский	6
Китайский	10
Монгольский	5
Тибетский	5
Индийский	
урду	4
бенгали	—
тамилы	—
Арабский	—
Персидский	8
Анатолийско-турецкий	7
Среднеазиатский	
узбекское	10
туркменское	—
таджикское	—
Армяно-грузинский	—

Туркологический семинарий в этом году принял 10 слушателей, монгольский — 5; яфетический — 5 [3, оп. 10, № 43, л. 1].

К началу 1929/30 г. выявилось, что предметные комиссии по восточным языкам и социально-экономическим дисциплинам не в состоянии эффективно руководить учебным процессом. В целях улучшения руководства учебным процессом правление ЛВИ приняло 14 октября 1929 г. решение создать четыре кафедры: правовую, экономическую, истмата и истории и языкознания. Вместо существовавших раньше Ближне- и Дальневосточной предметных комиссий были организованы предметные комиссии при каждом разряде, состоящие из всех преподавателей данного разряда и представителей

студенчества ($\frac{1}{3}$ часть от состава преподавателей) [3, оп. 10, № 40, л. 15].

В учебном плане, разработанном на 1929/30 г., в отличие от предыдущих все разряды и отделения имели два уклона: языковой и экономико-правовой.

В качестве образца можно привести учебный план анатолийско-турецкого разряда (ранее называвшегося османским, или османо-турецким) [3, оп. 10, № 29, л. 13]:

Предметы	Количество часов в неделю	Преподаватели
<i>I курс</i>		
Начальный курс турецкого языка	4	Н. К. Дмитриев
Практические занятия по турецким языкам	6	Х. Джемдет-заде
Французский язык	4	С. Б. Маркович
Народное хозяйство и физическая география Турции	3	А. Д. Новичев
Политэкономия*	2	
Государственный строй стран Востока*	2	
Предметы военного цикла*	2	
Всего	23	
<i>II курс</i>		
Синтаксис турецкого языка	2	Н. К. Дмитриев
Чтение турецких языков, связанных с курсом Н. К. Дмитриева	2	Н. А. Цветинович
Практические занятия по турецкому языку	6	В. М. Баронян
Арабский язык*	2	
Французский язык	4	С. Б. Маркович
Народное хозяйство Турции	2	А. Д. Новичев
Новая история Турции	2	В. А. Гурко-Кряжин
Истмат*	2	
Политэкономия*	5	
Предметы военного цикла*	2	
Всего	29	
<i>III курс</i>		
Языковой уклон		
Элементы арабского языка в турецком языке	2	Н. К. Дмитриев
Чтение текстов современной турецкой литературы	2	В. В. Николаев

Практические занятия по турецкому языку	6	В. М. Баронян
Французский язык	4	С. Б. Маркович
История новой турецкой литературы	2	Е. Э. Бертельс
Народное хозяйство Турции	2	А. Д. Новичев
Яфетическая теория	2	И. И. Мещанинов
Истмат *	3	
Международное право *	2	
Предметы военного цикла *	2	

Всего 27

Экономико-правовой уклон		
Элементы арабского языка в турецком языке (совместно с языковым уклоном)	2	Н. К. Дмитриев
Турецкие экономические правовые тексты	2	В. В. Николаев
Практические занятия по турецкому языку	3	В. М. Баронян
Французский язык	4	С. Б. Маркович
Народное хозяйство Турции	2	А. Д. Новичев
Истмат	3	И. И. Презент
Хозяйственное право *	2	
Международное право *	2	
Статистика *	2	
Мировое хозяйство и империализм	1	Я. К. Берзтыс
Предметы военного цикла *	2	

Всего 25

* Преподаватели менялись.

Программа для IV курса не была разработана.

Учебный план по западноевропейским языкам на 1929/30 г. преследовал следующие цели: «1. Пассивное усвоение языка... для применения в практической работе: умение читать газету средней трудности без словаря и литературу любой трудности с частичной помощью словаря. 2. Активное усвоение языка в элементарных нормах речевого общения. Учебный план рассчитан на 4 учебных года. Бюджет времени: аудиторные занятия — 16 ч. в неделю; всего 512 часов в год» [3, оп. 10, № 29, л. 1].

В учебном плане на 1929/30 г. занятия восточным и западным языками занимали 53,5% времени, отводимого на все аудиторные занятия. Значительно повысился удельный вес социально-экономических дисциплин, их объем составил 35,5% всего учебного плана (экономиче-

ские дисциплины — 14%, исторические дисциплины и диамат — 15%, правовые дисциплины — 6,5%) [3, оп. 11, № 27, л. 15].

Некоторые изменения были внесены в преподавание восточных языков: овладение восточным языком подчинялось изучению определенной восточной страны. Надо сказать, что осуществить все это было крайне трудно из-за отсутствия необходимых учебных пособий.

Ежегодный пересмотр учебных планов и программ, введение новых дисциплин, главным образом социально-экономических, — все эти меры не приносили ожидаемых результатов. Поиски оптимальных путей к разрешению задачи создания «высшего коммунистического востоковедного учебного заведения», имеющего целью «подготовку как практических, так и научных работников для Зарубежного и Советского Востока»¹, осложнялись отсутствием практического опыта: подобного учебного заведения раньше не было ни в нашей стране, ни за рубежом.

В докладной записке дирекции² и партбюро ЛВИ, направленной в феврале 1930 г. в директивные инстанции, отмечалось:

«Существующие институты не удовлетворяют потребностей в востоковедных кадрах в силу следующих причин:

1. Отсутствия четкой целевой установки в отношении категории выпускаемых работников.

2. Множественности категорий работников, требуемых для работы на Востоке, которая поставила институты на путь универсализма (выпуск работников для НКВД, НКВТ, для специальных хозяйственных объединений: Союзнефть, Востокторг, Союзрыба и т. д. наряду с научными работниками и политической референтурой), что приводит к расплывчатости в учебных планах и к снижению деловых качеств выпускаемого работника.

3. Параллелизма между обоими институтами».

Исходя из этого, дирекция ЛВИ предлагала оставить

¹ См.: Правила приема в ЛВИ на 1930/31 г. [3, оп. 12, № 9, л. 1].

² «В связи с предложением ЦИК СССР о практическом проведении в жизнь принципа единоначалия в феврале 1930 г. Правление ЛВИ было распушено» [3, оп. 11, № 4, л. 5].

оба института, но придать им разные целевые установки:

Московскому восточному институту выпускать специалистов среднего звена для нужд НКВТ, экспортно-импортных организаций, работающих на Востоке (Союзнефть, Дальбанк и т. д.), и НКИД, подчинив его, как отраслевой вуз, Наркомвнешторгу... Ленинградскому институту специализироваться на выпуске следующих категорий работников: аспирантов для научно-исследовательских организаций; референтов для нужд Коминтерна, Профинтерна, КИМ и пр.; политических референтов НКИД и ННВТ; преподавательских кадров.

Для этого в ЛВИ главное внимание должно уделяться изучению историко-революционных и аграрно-экономических проблем колониальных и полуколониальных стран Востока. Следует усилить также преподавание методологических дисциплин.

«Таким образом,— отмечалось в докладной записке,— ЛВИ фактически превратился в Институт по изучению колониального Востока, тем самым практически разрешив вопрос об изживании узости рамок т. н. буржуазного востоковедения» [3, оп. 29, № 28, л. 25—27].

20 февраля 1930 г. было принято решение ЦИК СССР об учреждении при Ученом комитете ЦИК СССР Постоянной комиссии по руководству МИВ и ЛВИ, которая должна была обеспечить единство в организации востоковедного образования [3, оп. 11, № 4, л. 6].

Дирекция и партийная организация ЛВИ принимали все зависящие от них меры для усовершенствования учебных планов и программ, имея в виду, что «ЛВИ является высшим коммунистическим востоковедным учебным заведением и ставит своей задачей подготовку как практических, так и научных работников для Зарубежного и Советского Востока» [3, оп. 12, № 9, л. 1].

В объяснительной записке к проекту учебного плана 1930/31 г. указывалось на необходимость уделять большее внимание методологическим дисциплинам и предлагалось перевести их преподавание на лабораторный метод. Изменилось и распределение дисциплин по курсам: на первых трех курсах изучались все три методологические дисциплины (политэкономия, диамат и ленинизм), на четвертом — предметы (советское хозяйство, политические, исторические и экономические проблемы изуча-

емой страны), для углубленного овладения которыми необходимо знание марксистско-ленинской методологии.

Страноведческие дисциплины занимали в учебном плане около 10%. Количество часов, отведенных на языки, понизилось с 59% до 52,6% [3, оп. 11, № 27, л. 5].

С 1930/31 г. в программу ЛВИ введен ряд предметов, до этого времени не преподававшихся в институте, а именно: история развития общественных форм (для I и II курсов); история России и Запада (для I и II курсов); статистика (для III курса); революционное движение в странах Востока; военная география; экономическая география и история Средней Азии (для среднеазиатского разряда). Расширилась программа по политэкономии и истмату. Для выпускников весной 1930 г. впервые были введены дипломные работы [3, оп. 11, № 27, л. 4]. Несмотря на обычные трудности в распределении студентов, оканчивающих ЛВИ, из 112 выпускников в 1930 г. на работу по специальности было распределено 99 человек [3, оп. 11, № 8, л. 2]; по другим данным — 52 человека [3, оп. 14, № 46, л. 76—77].

Основная идея подготовки востоковеда-практика впервые довольно четко была сформулирована в объяснительной записке к учебному плану ЛВИ на 1930/31 г.: *«Целевая установка Института: подготовить для Востока специалистов, обладающих: а) хорошей марксистско-ленинской подготовкой, б) знанием одного восточного и одного западноевропейского языка; в) знанием современных исторических и экономических проблем данной страны и ее места в мировой классовой борьбе; г) суммой необходимых специальных знаний для работы в соответствующих хозяйственных организациях.*

Социолого-экономические дисциплины: история развития общественных формаций, политэкономия, диамат, ленинизм, экономическая политика СССР, мировое хозяйство и империализм, история Коминтерна. Эти дисциплины изучаются в течение всех четырех лет. Студент должен научиться пользоваться марксистско-ленинской методологией.

В языковые дисциплины включаются восточный и западный языки (для всех стран — английский, для Турции — французский). На I и II курсах студент должен пассивно овладеть языком, на III и IV — активно.

Страноведческие дисциплины состоят из трех пред-

метов, которые преподаются в течение всех четырех лет: экономическая география, история и основные проблемы современной экономики данной страны. При изучении истории государства акцент делается главным образом на современность, в связи с этим на IV курсе изучается история революционного движения в данной стране.

Специализация — новый раздел учебного плана, охватывающий следующие области: внешнюю торговлю, нефть, транспорт, банки; сельское хозяйство Советского Востока; обмен и распределение.

На социолого-экономические дисциплины приходится 1845 часов, или 20,8% всего учебного времени; на восточный язык — 3015, или 33,6%; на западный — 1710, или 19%; на страноведческие дисциплины — 860, или 9,6%; на специализацию — 810, или 8,7%; на военное дело, физкультуру и фотографию — 720 часов, или 8,3%. Учебный план составлен с таким расчетом, чтобы студент занимался в декаду не более 80—85 час., считая и время, отведенное на домашнюю подготовку, т. е. 10—11 час. ежедневно.

Производственную практику студенты проходят в течение девяти декад» [3, оп. 11, № 28, л. 18].

Таким образом, план на 1930/31 г. был рассчитан на подготовку работников преимущественно для внешнеторговых организаций. Подготовка «научных работников для Зарубежного и Советского Востока» отошла на второй план.

Для формирования специалиста в любой области, как практической, так и научной, необходима хорошо налаженная производственная практика студентов, однако ее по существу не было. Так, летом 1930 г. в Японию были посланы 2 человека, в Монголию — 6, Персию — 2 человека [3, оп. 12, № 69, л. 146].

На успехи в усвоении восточных и западных языков, изучаемых в отрыве от соответствующей языковой среды, можно рассчитывать только при глубоком знании грамматики родного языка, который является посредником при изучении чужого языка. Методическая комиссия, в частности, отмечала, что медленная проработка «учебного материала по восточным языкам студентами младших курсов происходит главным образом из-за плохого знания студентами основ грамматики русского языка» [3, оп. 11, № 16, л. 35].

В начале 1930 г. при всех разрядах были созданы кабинеты, на которые возлагалась задача способствовать повышению уровня знаний, развитию самостоятельности и внедрению коллективных методов в работу студентов. Здесь находились все необходимые учебные пособия. В кабинетах проводились консультации, заслушивались доклады студентов об изучаемой стране [3, оп. 11, № 29, л. 1].

Как видно из вышесказанного, дирекция, профессорско-преподавательский состав и партийная организация ЛВИ делали все возможное для лучшей организации учебного процесса.

В правилах приема на 1930/31 г. формулировка первого параграфа, определяющего задачи института, осталась без изменений.

Параграф второй гласил: Институт действует в составе 8 основных разрядов, из которых 7 — зарубежных: японский, китайский, монголо-тибетский, индийско-афганский (с отделениями: урду, бенгали и пушту), арабский, персидский, турецкий и один разряд — среднеазиатский (с отделениями: узбекским, туркменским и таджикским) — по Советскому Востоку.

В ЛВИ принимаются товарищи, удовлетворяющие следующим требованиям: а) партстаж для членов ВКП(б) из рабочих, националов, из беднейшего крестьянства и батраков — 3 года, для остальных — 5 лет; б) производственный стаж или стаж общественной работы — не менее 3 лет; возраст от 21 до 30 лет [3, оп. 12, № 9, л. 1].

Значительным событием в общественной жизни ЛВИ явилась дискуссия об азиатском способе производства, которая проходила весной 1931 г. Основой для нее послужила книга питомцев ЛВИ М. Д. Кокина и Г. К. Папаяна «Цзинь-Тянь. Аграрный строй Древнего Востока», изданная институтом в 1930 г. В дискуссии принимали активное участие почти все историки-востоковеды Ленинграда и Москвы [подробнее см.: 61, с. 219—247].

К 1931/32 г. в ЛВИ была разработана новая структура, которая, как полагали ее создатели, должна решить все проблемы, многие годы стоявшие перед ЛВИ и МИВ. В ЛВИ были созданы общественно-политический факультет (ОПФ) и факультет внешней торговли (ФВТ).

Предполагалось, что обучение на обоих факультетах будет вестись бригадным методом. По каждому предмету к бригаде студентов прикреплялся преподаватель, ответственный за выполнение учебного плана [3, оп. 12, № 33, л. 22].

Отдел аспирантуры стал составной частью ЛВИ, подчиненной Научно-исследовательскому институту (см. с. 99).

Т а б л и ц а 5
**Распределение студентов I курса
 ФВТ и ОПФ по странам и регионам
 по состоянию на 1 сентября 1931 г.***

Страны и регионы	ФВТ	ОПФ	Всего
Китай	21	10	31
Япония	21	8	29
Монголия	17	7	24
Персия	22	8	30
Турция	17	6	33
Синьцзян	6	6	12
Латинская Америка . .	4	6	10
Арабские страны . . .	2	6	8
Афганистан	—	6	6
Индия	—	8	8
Индокитай	—	4	4
Черная Африка	—	5	5
Всего	110	80	190

* [3, оп. 11, № 11, л. 3].

Как видно из табл. 5, номенклатура изучаемых государств расширилась. В связи с этим были введены языки Африки и Индокитая, а также испанский язык, необходимый для студентов, изучающих страны Латинской Америки. В преподавании языков Индокитая и Африки не было ни опыта, ни пособий, что поставило Институт перед новыми трудностями.

В задачу ОПФ входила подготовка «квалифицированных кадров марксистов-востоковедов в области экономики, истории и политики колониальных и полуколониальных стран Востока», т. е. политических референтов

для руководящих политических организаций: Коминтерн, Профинтерн, КИМ и др.; необходимого контингента слушателей для последующего прохождения аспирантуры ЛВИ в целях подготовки преподавателей страноведческих дисциплин для института и других востоковедных вузов; работников среднего звена для зарубежного аппарата НКВД, НКВТ и других организаций в качестве специалистов-правовиков и ответственных переводчиков; корреспондентов и редакторов иностранного отдела ТАСС [3, оп. 15, № 6, л. 9—12].

ОПФ имел в своем составе следующие отделения: историко-экономическое, правовое, переводческое. Однако типовой учебный план факультета или вовсе не содержал дисциплин, обеспечивающих подготовку специалистов по трем указанным специальностям, или же для занятий по этим дисциплинам отводилось совершенно недостаточное число часов (см. табл. 6).

Таблица 6

Типовой учебный план ОПФ (в расчете на четырехлетний курс обучения) в вариантах 1931—1934 гг.*

Дисциплины	1931/32 г.		1932/33 г.		1933/34 г.	
	Количество часов	%	Количество часов	%	Количество часов	%
Методологические . . .	1285	23	1285	23,3	1061	17
Страноведческие . . .	1005	17,9	1005	18,2	762	13
Языковые	2490	44,4	3000	54,2	2623	43,5
Специальные	895	14,7			620	11,5
Военные	—	—	140	2,3	484	8
Прочие	—	—	120	2	—	—
Дипломная работа . .					400	7
Всего . . .	5675	100	5550	100	5950	100

* [3, оп. 13, № 22, л. 22—24].

Общее число аудиторных часов в типовом учебном плане ОПФ для I—IV курсов на 1932/33 г. было следующим [3, оп. 13, № 28, л. 7]:

Политэкономия	120	История страны	80
История ВКП(б)	60	Экономика страны	80
Теория советского хозяйства	40	Национально-освободитель-	
Истмат	60	ное движение	60
Ленинизм	60	Международное право	40
Диамат	60	Текущая политика	75
Экономическая политика после-		Восточный язык	750
военного капитализма	60	Западноевропейский язык	150
Введение в изучение страны	60	Военные занятия	100

Изучению восточного языка на I курсе отводилось 200 час, на II — 200, на III — 200, на IV курсе 150 час.

Во втором семестре того же учебного года количество часов, необходимых для овладения восточными языками, было увеличено до 875 (на 4 года), зато западноевропейским языкам отводилось значительно меньше времени [3, оп. 13, № 28, л. 8].

Для студентов, поступивших в институт в 1929/30 г. и 1930/31 г. и перешедших весной 1931 г. на II и III курсы, были разработаны переходные учебные планы.

Факультет внешней торговли имел следующие отделения: плано-экономическое, транспортное (с циклом: морской, железнодорожный, таможенный транспорт, автотранспорт), нефтяное, лесное, машиноэкспортное, резиноэкспортное, животное сырье, пищевое.

В преподавании восточных и западноевропейских языков на ФВТ особое внимание уделялось усвоению студентами разговорной речи.

Общее количество часов, отводимое на отдельные дисциплины в учебном плане ФВТ на 1931/32 г. [3, оп. 12, № 44, л. 1]:

Языковедческий цикл

Восточный язык	588
Западный язык	454
<hr/>	
Всего	1052

Страноведческий цикл

Введение в изучение страны	60
Экономика	60
История	60
Текущая политика	78
Хозяйственное право	54
Внешняя торговля	36
<hr/>	
Всего	348

Социально-экономический цикл

История ВКП(б)	60
Политэкономика	120
История сельского хозяйства	40
Истмат—диамат	80
Ленинизм	72
Экономическая география	60
<hr/>	
Всего	432
Специальные дисциплины	1068
Военное дело	420
Физкультура	234
<hr/>	
Итого	3554

На ФВТ, по состоянию на 20 июня 1931 г., обучалось 175 человек, из них на нефтяном отделении — 30 человек, транспортном — 50, лесном — 30, пищевом — 15, на отделении животного сырья — 15, на планово-экономическом — 20, на отделении машиноэкспорта — 10 и на отделении резиноэкспорта — 5 человек [3, оп. 12, № 26, л. 3].

ФВТ должен был готовить: коммерческих инженеров по резиноэкспорту, лесоэкспорту, нефтеэкспорту; инженеров-экономистов по внешнеторговому транспорту, морскому и автомобильному транспорту.

Для выполнения задач, поставленных перед ЛВИ в связи с новой структурой, 26 августа 1931 г. приказом по институту было объявлено о создании следующих кафедр: теоретической экономики; истории классовой борьбы на Западе и истории Коминтерна; диамата и истмата; истории классовой борьбы на Востоке; ленинизма; колониальной экономики; текущей политики; внешней торговли; экономики нефтеэкспорта; экономики лесоэкспорта; экономики транспорта; восточных языков, западноевропейских языков [3, оп. 12, № 2, л. 88—89].

Отсутствие опыта в деле организации таких сложных учебных подразделений, как ОПФ, привело к тому, что учебные планы и программы часто не отражали новых задач, поставленных перед ЛВИ, хотя к началу 1931/32 г. в штате ЛВИ состояло 39 профессоров, 59 доцентов, 31 ассистент [3, оп. 12, № 2, л. 116—119].

Реорганизация ЛВИ должна была покончить с системой подготовки востоковедов широкого профиля и обеспечить выпуск специалистов со знанием восточных язы-

ков. Однако, как выяснилось к концу 1931/32 г., увеличение удельного веса узкоспециальных дисциплин, вводимых с I курса, произошло за счет общеобразовательных методологических страноведческих и языковых дисциплин.

В целях устранения этих недостатков новый директор ЛВИ А. М. Шами, специалист по новейшей истории арабских стран, сменивший в конце 1931 г. П. И. Воробьева³, в ноябре 1932 г. издал приказ по ЛВИ, в котором отмечалось, что в рамках ОПФ и ФВТ I и II курсы являются общими для всех студентов; III и IV курсы отводятся для специализации, которая проводится по следующим отделениям: историко-экономическое, правовое, переводческое, плано-экономическое, машиноэкспортное, лесозэкспортное, транспортное, резиноэкспортное и нефтеэкспортное.

Этим же приказом для студентов III и IV курсов предусматривалась производственная практика, на которую отводилось 30% всего учебного времени. Бригадно-лабораторный метод был отменен, вместо него вводилась пятибалльная система оценки успеваемости. В конце каждого семестра студенты должны были сдавать две зачетные сессии. Начиная с 1932/33 г. устанавливалась обязательная сдача дипломной работы.

Дирекция и парторганизация ЛВИ прилагали большие усилия к налаживанию учебного процесса. Если главное направление ФВТ было найдено еще в 1931 г., то ОПФ определил свои основные задачи только к концу 1932 г. В Положении об ОПФ было сказано:

«I. Основной задачей Общественно-политического факультета является: 1. Подготовка работников среднего звена для аппарата НКВД и его периферии; 2. Подготовка референтуры для общественных организаций. 3. Подготовка кадров для последующего выдвижения на научную работу.

II. В связи с этим факультет делится на два сектора: сектор общественно-политический и сектор НКВД. Каждый сектор, помимо основных общих дисциплин методологического, страноведческого и языкового характера, имеет специальные дисциплины.

³ П. И. Воробьев перешел на работу в Ученый комитет ЦИК СССР.

В учебно-организационном отношении факультет делится на отделения по странам и регионам. На общественно-политическом секторе изучаются: 1. Китай. 2. Япония. 3. Индия. 4. Афганистан. 5. Индокитай. 6. Арабские страны. 7. Персия. 8. Турция. 9. Монголия. 10. Синьцзян. 11. Латинская Америка. 12. Черная Африка.

На секторе НКИД изучаются: 1. Китай. 2. Япония. 3. Персия. 4. Турция. 5. Афганистан. 6. Монголия. 7. Латинская Америка. 8. Синьцзян. 9. Арабские страны» [3, оп. 13, № 29, л. 1].

Президиум кафедры восточных языков 8 октября 1932 г. в целях совершенствования руководства учебным процессом вместо предметных комиссий по восточным языкам, существующих на каждом отделении, решил организовать кафедры восточных языков, а кафедру восточных языков именовать предметной комиссией по восточным языкам.

Председателем арабской кафедры был назначен И. Ю. Крачковский, персидской — А. А. Ромаскевич, турецкой — Н. К. Дмитриев, синьцзянской — А. К. Боровков, афганской — Е. Э. Бертельс, индийской — А. П. Баранников, китайской — Г. Ф. Смыкалов, японской — Н. И. Конрад [3, оп. 13, № 24, л. 3].

Для координации научно-исследовательской и научно-методологической работы по восточным языкам в ЛВИ в январе 1933 г. был создан Методологический центр по восточным языкам.

В целях обмена опытом преподавания восточных языков 27 июня 1933 г. в ЛВИ состоялась методическая конференция, на повестке дня которой стояли следующие вопросы: «1. Единство теории и практики языка в учебном процессе. 2. Типовая учебная рабочая программа. 3. О методике аудиторных занятий и самостоятельной работе студентов. 4. Об учебнике по восточным языкам и его построении. 5. Задачи научно-исследовательской работы по восточным языкам. 6. О повышении квалификации по языку окончивших Институт» [3, оп. 14, № 45, л. 4].

Решения, принятые конференцией, постепенно стали претворяться в жизнь. Особое внимание обращалось на подготовку и издание учебных пособий по восточным языкам. За первые пятнадцать лет существования ин-

ститута издательство ЛВИ выпустило в свет учебные пособия почти по всем восточным языкам.

2 декабря 1933 г. приказом ректора института М. И. Амагаева, сменившего в 1932 г. А. М. Шами, был создан научно-методический совет в составе: Н. И. Конрада (председатель), В. М. Алексеева, А. А. Алимова, А. П. Баранникова, Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова, Б. А. Васильева, И. Ю. Крачковского, А. М. Шами [3, оп. 14, № 6, л. 35].

Почти во всех странах Востока существовали, как существуют в некоторых из них и сейчас, две главные разновидности языка (письменно-литературный и народно-разговорный), каждая из которых имела свою фонетику, грамматику и лексику. В силу этого обстоятельства, а также того, что русские преподаватели, как правило, слабо владели разговорной формой восточного языка, каждый восточный язык в ЛВИ преподавался двумя лицами: так называемым «теоретиком», излагающим основные положения фонетики и грамматики данного языка в его традиционной письменно-литературной форме и читающим со студентами соответствующие тексты, и «практиком» — лектором, обучающим студентов живому разговорному языку в его основных стилях.

Целевая установка, которая всегда стояла перед институтом, сводилась к тому, что студент должен уметь писать (каллиграфически правильно необычными для него системами письма), читать (знаками этих систем письма), переводить (с русского на восточный язык и с восточного на русский) и говорить.

Учитывая все эти обстоятельства, участники конференции ЛВИ, посвященной методике преподавания восточных языков (состоялась 17 мая 1933 г.), решительно высказались за то, чтобы один преподаватель вел и теорию и практику восточных языков.

Это, казалось бы, совершенно естественное требование осуществить не удалось, т. к. даже востоковеды, достаточно хорошо владевшие разговорным языком, не брались вести практические занятия по восточному разговорному языку.

Важное место в учебном процессе ЛВИ занимала кафедра истории Востока, которая в 1932/33 г. руководила преподаванием истории арабских стран, Турции, Индии, Монголии, Японии, Южной Африки, Китая. Кур-

сов по истории Синьцзяна, Индокитая, Персии и Афганистана организовать не удалось за неимением соответствующих специалистов.

Основным методом преподавания истории стран Востока был признан лекционный. Хотя лабораторно-бригадный метод был отменен, сохранились групповые консультации, которые, по существу, являлись дополнительными лекциями-беседами.

Главным в деятельности кафедры истории Востока было утверждение учебных программ и методов преподавания. В течение 1932/33 г. было рассмотрено и утверждено 10 программ; 7 раз обсуждались вопросы методики преподавания отдельных аспектов истории стран Востока [3, оп. 14, № 35, лл. 54—56]. В 1933 г. кафедра организовала курсы по истории стран Востока для аспирантов ЛВИ.

Несмотря на принимавшиеся меры, по-прежнему острым оставался вопрос о распределении питомцев института на работу по специальности.

Состояние учебной работы в ЛВИ в конце 1934 г. достаточно полно обрисовано в письме ректора ЛВИ М. И. Амагаева в Ученый комитет ЦИК СССР от 29 октября 1934 г.: «В учебных планах предыдущих лет центр тяжести учебного процесса был на методологических предметах, а язык и страна не занимали ведущего места. Только начиная с прошлого учебного года положение резко изменилось, и языковедение и страноведение вошли в учебный план как основные ведущие дисциплины... Многократные реорганизации отделений ФВТ, ликвидация ряда страноведческих секторов, не обеспеченных кадрами квалифицированных преподавателей по языку и стране (Индонезия, Индокитай, Южная Америка), повлекли за собою перевод некоторых студентов на другие специальные отделения. Это, в свою очередь, не могло не отразиться самым отрицательным образом на языковедческой подготовке выпускников 1934 г.

В связи с чем значительная часть студентов этого выпуска не может свободно пользоваться иностранными источниками при работе над дипломной темой. Исходя из этих соображений, мы считаем целесообразным освободить выпускников текущего года от дипломных работ. Время, отведенное учебным планом на дипломную рабо-

ту, мы предполагаем использовать для усиленного изучения восточных и западных языков» [3, оп. 15, № 17, л. 54].

Как видно из письма, реорганизация 1931 г., на которую возлагались большие надежды, не дала ожидаемых результатов. Выпускаемые специалисты по-прежнему не имели четкого профиля. Отрицательные последствия имела «частая смена установок потребляющих (продукцию ЛВИ.— А. К.) организаций» и сокращение часов, отводимых на изучение восточных языков [3, оп. 15, № 17, л. 102].

Начиная с 1931/32 г. количество аудиторных часов для занятий восточными и западноевропейскими языками заметно повысилось (см. табл. 7), и тем не менее знание языков студентами было еще неудовлетворительным.

Т а б л и ц а 7

Количество часов, отводимых на изучение языков *

Учебные годы	Количество часов в учебном году	
	на восточный язык	на западноевропейский язык
1931/32	540	750
1932/33	750	750
1933/34	907	991
1934/35	1654	1015

* [3, оп. 15, № 17, л. 102].

В связи с обострением положения на Дальнем Востоке, решением директивных органов в марте 1934 г. при ЛВИ был создан особый (японский) сектор. Начальником его был назначен Л. Я. Сокольский, заведующим кафедрой — проф. Н. И. Конрад, заместителем начальника особого сектора и заместителем заведующего кафедрой истории Востока — доц. Д. И. Гольдберг, заместителем заведующего кафедрой — проф. Е. М. Колпакчи. К преподаванию японского языка были привлечены лучшие силы: профессора Н. А. Невский, Ю. К. Щуцкий; доценты А. Е. Глушкина, О. П. Соловьева (Петрова), В. С. Животова, Н. М. Иваненко, Г. О. Монзелер; ассистенты: Имерман, Чеботарева, Смирнова и др.

Первоначальный учебный план сектора был рассчитан на восемь месяцев. 1600 учебных часов по предметам распределялись таким образом:

Японский язык	800
Английский	240
География	100
История	90
Экономика	160
Военное дело	210

Предполагалось, что первый концентр (как был назван первый период обучения на секторе) будет дополнен вторым концентром (4 месяца) с общим количеством часов — 400.

Хорошо организованная преподавательская работа кафедры, разграничение обязанностей между преподавателями («теоретиками» и «практиками»), умело составленные учебные пособия, четко разработанные планы дали свои результаты: на выпускных экзаменах в июне 1935 г. 63,2% слушателей получили отличные и хорошие оценки.

Успехи сектора были предметом обсуждения на методической конференции ЛВИ в мае 1935 г., на которой был заслушан доклад Н. И. Конрада «О возможности использования опыта Особого сектора на основных курсах Института». Большинство выступавших по докладу Н. И. Конрада отмечали, что изучению восточных языков на отделениях уделяется мало времени, студенты перегружены другими предметами [3, оп. 16, № 65, л. 2].

В конце 1935 г. исполнилось 15 лет существования ЛВИ. Заседание ученого совета института 8 декабря 1934 г. постановило подготовить материалы по истории института и издать юбилейный научный сборник. Для подготовки юбилея и сборника было решено создать комиссию в составе М. И. Амагаева, Н. И. Конрада и А. М. Шама [3, оп. 15, № 23, л. 3]. Однако повседневные заботы об улучшении учебного процесса, поиски новых путей подготовки работников для Востока мешали организовать юбилей, не удалось издать и сборник.

Многопредметность, лишавшая студентов возможности приобрести глубокие знания по основным предметам своей специальности, и в первую очередь по восточным

и западным языкам, явилась серьезным препятствием на пути подготовки квалифицированных востоковедов-практиков.

Причины неудовлетворительного состояния подготовки столь нужных стране востоковедных кадров были изложены в докладной записке директоров ЛВИ и МИВ, подготовленной к совещанию, состоявшемуся в Москве 26—27 мая 1935 г.

По мнению авторов, основными недостатками в деле подготовки востоковедных кадров являлись:

«1. Отсутствие единой организации, которая серьезно, конкретно занималась бы руководством подготовки востоковедных кадров.

Наоборот, подготовкой востоковедных кадров занимались многие организации: Ученый Комитет ЦИК СССР, НКВТ, НКИД, Профинтерн, ТАСС и т. д., причем многочисленность организаций, руководивших подготовкой востоковедных кадров, вносила только путаницу в дело подготовки.

2. До настоящего времени отсутствует четкий профиль (выпускника.— А. К.), отсюда и неопределенность типа самих вузов. Эти вузы сочетают в себе почти в одинаковой степени элементы комвуза, востоковедного вуза и втуза (по ФВТ).

Опыт прошлой работы показывает, что такое сочетание элементов трех вузов в пределах четырехлетнего срока обучения и при приеме в институты лиц с подготовкой в объеме рабфака не обеспечивает прохождения языков и страноведения в объеме законченного востоковедного вуза, а социально-экономических предметов в объеме комвузов и специализации в объеме втуза...

3. Ежегодные реорганизации и изменения учебных планов (начиная с 1929/30 уч. года) не давали возможности серьезно сосредоточить внимание на основной работе — подготовке кадров, внося дезорганизацию в работу.

4. До последних лет набор студентов в институты был явно неудовлетворительный; в институты принимались не только со средним, но и с низшим образованием, без достаточной подготовки по общеобразовательным предметам, и в особенности по русскому языку, что отражалось на качестве учебы.

5. Многопредметность в учебных планах: по ЛВИ — ОПФ — 13 предметов, ВТФ — 15 за 4 года обучения.

6. Сочетание различных по характеру предметов приводило к многочисленности групп (в 1934 г. в ЛВИ — 235 групп), а это способствовало удорожанию (подготовки.— А. К.) выпускаемых кадров. Расходы на одного студента за 4 года достигают 25 тыс. рублей.

7. Отсутствие достаточной материальной базы, а также квалифицированных сил не давало возможности вполне удовлетворительно поставить научно-методическую работу в институтах. Этим же можно объяснить далеко не полную обеспеченность типовыми учебниками, особенно по языку и стране.

8. Не вполне удовлетворительное качество выпускавшихся кадров, а также недостаточная связь с потребляющими организациями приводила к тому, что значительная часть оканчивающих институты использовалась не по назначению и через 1—2 года деквалифицировалась по языку и стране.

9. Ко всему этому необходимо добавить, что между Московским и Ленинградским институтами востоковедения существует параллелизм» [3, оп. 29, № 7, л. 29—30].

Состоявшееся в ЛВИ 10 ноября 1935 г. совещание преподавателей восточных и западных языков подтвердило печальные выводы, сделанные в записке о неудовлетворительном усвоении студентами восточных и западных языков [3, оп. 16, № 60, л. 2].

Все эти обстоятельства привели к тому, что в июне 1936 г. последовала очередная реорганизация, которая, как и предыдущие, не дала желаемых результатов.

Основная идея нового положения о ЛВИ и МИВ состояла в том, чтобы в институты принимались специалисты с законченным высшим образованием: задачи ЛВИ и МИВ сводились к обучению их восточным и западным языкам и страноведению.

28 июня 1936 г. Институт востоковедения им. Нариманова и Восточный институт в Ленинграде были преобразованы в институты, готовящие знающих страну и язык работников для НКВД, НКВД, НКВД и других организаций и учреждений, а также преподавателей. Был установлен курс обучения в два с половиной года (вместо четырех лет).

Прием слушателей производился лишь из лиц, получивших высшее образование, окончивших вузы и втузы и имеющих не менее 5 лет партийного стажа. На I курс 1936 г. было принято 170 человек, из них для МИВ — 100 человек и для ЛВИ — 70 человек.

Студенты, перешедшие весной 1936 г. на II, III, IV курсы, поступили на II курс вновь создаваемых институтов после испытания по новой программе [3, оп. 17, № 8, л. 107].

Из двух с половиной лет два года отводились на аудиторные занятия в институте, полгода — на стажировку за границей или в СССР.

В соответствии с новым учебным планом на I курсе предусматривалось изучение следующих предметов: введение в языкознание (30 часов), восточный язык (теория — 376 часов, практика — 360), западноевропейский язык (360), история партии (84), физическая география (10), экономическая география изучаемой страны Востока (44), история изучаемой страны Востока (74), всего 1338 часов в год; на II курсе: история литературы изучаемой страны Востока (30 часов), восточный язык (теория — 240 часов, практика — 240), западноевропейский язык (320), экономическая география и экономика изучаемой страны Востока (64), политический строй изучаемой страны Востока (20). Всего 914 часов в год [3, оп. 18, № 87, л. 1].

С 1937 г. после окончания курса студенты сдавали экзамены Государственной экзаменационной комиссии по восточному и западноевропейскому языкам, по страноведению (истории, географии, экономике, политическому строю страны).

Письменная работа по восточным языкам включала: перевод текста (примерно одну печатную страницу) с восточного на русский язык и перевод газетно-журнального текста с русского на восточный язык (на выполнение работы студентам отводилось 3 часа); по западноевропейским языкам — перевод текста (примерно одну печатную страницу) с английского или французского на русский и пересказ на английском или французском прочитанного текста (срок исполнения работы — 3 часа).

На устном экзамене по восточным языкам студентам предлагалось: 1) прочитать отрывки текста на восточ-

ном языке, сделать устный перевод и пересказать на изучаемом языке содержание текста; 2) устно пересказать на изучаемом восточном языке содержание русского газетного текста и провести беседу на восточном языке с преподавателем разговорного языка; 3) ответить на 2—3 вопроса по грамматике.

Для студентов японского и китайского разрядов в дополнение к этому требовалось прочитать и перевести скорописный текст [3, оп. 11, № 80, л. 17—26].

Первые государственные экзамены весной 1937 г. дали вполне удовлетворительные результаты: из 61 студента, допущенного к сдаче экзаменов, 53 успешно выдержали испытание, 7 студентов получили аттестаты первой степени [3, оп. 17, № 80, л. 26].

Приказом Комитета по делам высшей школы при СНК СССР в октябре 1937 г. директор ЛВИ проф. М. И. Амагаев был освобожден от работы [3, оп. 18, № 1, л. 11; см. еще: приказы и распоряжения Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Бюллетень № 20, октябрь 1937 г.]. Временно директором ЛВИ был назначен В. М. Анিকেев, бывший до того заместителем директора института по научно-учебной части. Приказом по ЛВИ от 20 января 1938 г. был объявлен новый состав дирекции ЛВИ: временно исполняющий обязанности директора — В. М. Анিকেев, заместитель директора по научно-учебной части — А. Н. Кононов, заместитель директора по административно-хозяйственной части — С. А. Жибенас, ученый секретарь совета А. В. Башкиров [3, оп. 19, № 2, л. 6].

В марте 1938 г. из-за болезни В. М. Анিকেева исполняющим обязанности директора был назначен А. В. Башкиров; вместо А. Н. Кононова (ушедшего по собственному желанию с поста заместителя директора по научно-учебной части) был назначен Г. М. Петров.

Приказом по ЛВИ от 22 апреля 1938 г. в список заведующих кафедрами были внесены следующие изменения:

Заведующим кафедрой японского языка был назначен доц. Д. И. Гольдберг, китайского языка — проф. Г. Ф. Смыкалов, арабского языка — доц. Д. В. Семенов, западноевропейских языков — доц. Д. Л. Щерба. Историко-экономическая предметная комиссия была разделена на кафедру экономики стран Востока, заведующим

которой стал проф. В. М. Штейн, и кафедре истории стран Востока [3, оп. 19, № 3, л. 3].

Из отчета дирекции ЛВИ об итогах 1936/37 г., казалось бы, можно сделать заключение о том, что институт наконец нашел свой путь. Однако поставленные цели еще не были достигнуты.

В марте 1938 г. исполняющий обязанности директора ЛВИ А. В. Башкиров направил в Ученый комитет письмо, в котором вновь указывал на нечеткость профиля выпускаемых ЛВИ специалистов и необходимость внести ясность в список учреждений, потребляющих продукцию института. В письме отмечались также затруднения с распределением выпускников ЛВИ (в 1937 г. 12 человек не получили назначения). Отсутствие каких-либо сведений о перспективах института повлияло на общее состояние учебно-производственной дисциплины [3, оп. 19, № 18, л. 30].

В ответ на это письмо последовал новый проект реорганизации ЛВИ и МИВ, предложенный Ученым комитетом.

«1. В целях коренного улучшения подготовки востоковедных кадров, правильного использования имеющегося профессорско-преподавательского состава и обеспечения необходимой материальной базы считать необходимым объединить МИВ и ЛВИ, организовав на базе этих институтов объединенный Институт Востоковедения в Москве.

2. МИВ дает высшее востоковедческое образование, ставя задачу подготовки квалифицированных работников по странам зарубежного Востока.

Установить в Институте специализацию по трем факультетам: 1) экономическому; 2) правовому; 3) литературно-лингвистическому.

3. Институт готовит по указанным трем факультетам специалистов — экономистов, юристов, литературоведов и переводчиков с законченным высшим образованием по специальности и знанием одной из стран Востока, а также знанием в совершенстве языка данной страны.

4. В МИВ принимаются члены ВКП(б) со стажем не менее 5 лет.

5. Создается Особый факультет, на который принимаются специалисты, имеющие высшее или специальное

среднее образование с партстажем 5 лет. Срок обучения на Особом факультете два с половиной года.

6. Установить для набора на 1938/39 г. — 300 чел. и 100 чел. по Особому факультету» [3, оп. 29, № 16, л. 19].

21 июня 1938 г. на основании этого проекта Народный комиссар просвещения РСФСР П. А. Тюркин подписал приказ о ликвидации Ленинградского восточного института. «С 29 августа 1938 г. ликвидацию Ленинградского Восточного института считать законченной. Ликвидком считать прекратившим свои действия» [3, оп. 19, № 4, л. 6].

Таким образом завершилась восемнадцатилетняя история Центрального (Петроградского) института живых восточных языков — Ленинградского восточного института.

УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ
ВОСТОЧНОМ ИНСТИТУТЕ*1. Туркологический, Монгольский, Яфетический,
Североазиатский семинарии*

В начале 1924 г. во время пребывания А. Н. Самойловича в научной командировке в Узбекистане и Азербайджане в руководящих инстанциях этих республик обсуждался вопрос о создании специального учебного заведения, в котором могли бы получать необходимую историко-филологическую подготовку представители тех республик СССР, где преобладают тюркские языки [3, оп. 8, № 26, л. 3, 4].

13 марта 1924 г. на заседании правления, а 15 марта того же года на заседании совета ЛИЖВЯ А. Н. Самойлович сделал доклад «Об организации при Институте живых восточных языков Туркологического семинария для культурно-просветительских нужд союзных республик и областей с преобладающим турецким (тюркским.— А. К.) населением» [3, оп. 5, № 2, л. 46]¹. «Наиболее целесообразным во всех отношениях способом оказания организованного максимального содействия союзным республикам и областям с преобладающим турецким населением в деле обеспечения развития просвещения и науки на родном языке со стороны туркологов и других востоковедов РСФСР при наибольшей экономии материальных средств и личных сил и при большем использовании существующих готовых научно-учебных аппаратов должно служить создание общесоюзного Туркологического семинария, специально предназначенного

¹ Доклад А. Н. Самойловича (без подписи) опубликован под названием: «Объяснительная записка к проекту положения о семинариях при Ленинградском институте живых восточных языков» [9, с. 82—85].

и оборудованного для культурно-просветительных нужд заинтересованных республик и областей, в Ленинграде...» [3, оп. 5, № 3, л. 6—7],— отметил А. Н. Самойлович.

Совет института принял постановление о необходимости учредить такой же семинарий «и для нужд монгольского населения [Советского] Союза». Для рассмотрения вопроса об обоих семинариях была избрана комиссия в составе А. Н. Самойловича, В. В. Бартольда, С. Е. Малова, Б. Я. Владимирцова, Ф. И. Щербатского, П. И. Воробьева [3, оп. 5, № 2, л. 46].

На заседании совета института 1 апреля 1924 г. «Комиссия высказалась за то, чтобы, ввиду новизны дела и отсутствия опыта, ограничиться на первое время открытием Туркологического семинария. Постановку учебного дела,— указывалось далее,— Комиссия мыслит себе в следующем виде: а) занятия должны носить преимущественно семинарский, а не лекционный характер; б) основными предметами учебного плана являются: языки, истории, литературы и этнография турецких народов и западноевропейские языки; в) помимо занятий внутри семинария слушатели его могут быть направляемы для прохождения отдельных курсов, имеющих отношение к целям семинария, в другие ВУЗы Ленинграда; г) общее количество часов занятий в семинарии должно быть не менее 18-и часов в неделю; д) детальный учебный план семинария имеет быть разработан на основе полученного за первое время работы семинария опыта; е) все слушатели семинария в конце учебного года подвергаются проверочным испытаниям; ж) при семинарии организуется специальная учебная библиотека; з) Институт располагает следующими учебными силами для занятий в семинарии: акад. В. В. Бартольд, проф. А. Н. Самойлович, проф. С. Е. Малов, проф. Б. Я. Владимирцов, преп. Е. Э. Бертельс; и) продолжительность курса намечается в два года; к) слушатели, командируемые для занятий в Туркологический семинарий, должны обладать знанием русского языка и общей подготовкой приблизительно в объеме трудовой школы II ступени» [3, оп. 5, № 3, л. 1; см. также: 9, с. 17—18; 77, с. 456—457].

Однако уже в начале 1924/25 г. было решено в дополнение к ранее принятому постановлению о создании

Туркологического семинария учредить также Монгольский семинарий. 5 ноября 1924 г. Б. Я. Владимирцов доложил совету института программу занятий для I курса (1924/25 г.) Монгольского семинария: «1. История монгольского языка и литературы (Б. Я. Владимирцов). 2. Исторические памятники монголов. 3. История Востока (В. В. Бартольд). 4. Индивидуальные задания сообразно с наклонностями и подготовкой слушателя семинария, напр., китайский яз., калмыцкая письменность и т. д.; русский язык для окончивших туземные школы. 5. Рекомендуемые курсы: в Университете курсы по сравнительному языковедению, общей этнологии или педагогике. 6. Английский язык. По предложению акад. Н. Я. Марра в программу был включен также и немецкий язык; изучение английского или немецкого языков — по выбору слушателей» [3, оп. 5, ед. хр. 1, л. 43 об.]².

Цели и задачи семинариев были сформулированы следующим образом:

«Семинарии при ЛИЖВЯ предназначаются: а) для подготовки культурно-научных деятелей среди восточных национальностей СССР из состава самих этих национальностей и б) для оказания научной помощи европейско-азиатским республикам Союза в создании местных научных центров национальных культур» [3, оп. 8, № 21].

В правилах приема на семинарии при ЛИЖВЯ указывалось, что «все вакантные места заполняются исключительно по командировкам Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР. Примечание: Преимущественное право на зачисление имеют члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ в возрасте от 20 до 30 лет. Все подавшие заявления подвергаются коллоквиуму».

В связи с тем, что в обоих семинариях часто работали одни и те же преподаватели, и, самое главное, из-за одинаковых целей и задач семинарии нередко в официальных бумагах значились под единым названием «Монголо-туркологический семинарий» [9, с. 17].

Республики и автономные области, которые направ-

² Учебные планы Туркологического и Монгольского семинариев на 1924/25 г. см.: [9, с. 45].

ляли в семинарии института своих представителей, всячески содействовали успешной работе этих учебных ячеек нового типа, что подтверждается, например, записью в протоколе заседания совета ЛИЖВЯ от 9 июня 1924 г.

«Получив сообщение о создании при ЛИЖВЯ Монголо-туркологического семинария, СНК Монголо-Бурятской Республики приветствует эту идею и, учитывая острую нужду в практических работниках, учреждает несколько стипендий.

СНК Грузии учреждает с началом учебного года 10 стипендий по 30 рублей.

НКПр Якутии учредил стипендию им. т. Новгородова»³ [3, оп. 5, ед. хр. 1, л. 25 об.].

Успешные занятия в Туркологическом и Монгольском семинариях, благожелательное отношение к этому начинанию в советских и партийных органах союзных республик и областей побудило руководство института создать еще одну подобную учебную ячейку — Грузино-армянский, или Яфетический семинарий. С предложением об его организации на заседании совета института 4 июня 1925 г. выступил Н. Я. Марр [3, оп. 6, № 1, л. 33].

Яфетический семинарий на первых порах имел три группы: западнокавказскую, волжскую и североазиатскую [3, оп. 8, № 6, л. 79]. В 1927 г. североазиатская группа была преобразована в Североазиатский семинарий, который возглавил проф. В. Г. Богораз-Тан⁴. Семинарий состоял из трех отделений: северофинно-угорского, тунгусского и палео-азиатского. Преподавали на этих отделениях: проф. В. Г. Богораз-Тан («Специальный курс оленеводства», «Полярная культура»), проф. П. И. Воробьев («Маньчжурский язык», «Маньчжурская культура»), доц. Я. П. Кошкин («Тунгусский язык», «Тунгусская культура») [3, оп. 8, № 1, л. 39]. Позднее здесь работали проф. Л. Я. Штернберг⁵ и В. И. Цинциус.

Для единого руководства работой семинариев было решено создать президиум совета семинариев. 15 декабря 1924 г. совет института постановил:

«Учитывая значительный рост семинариев и все ус-

³ О нем см.: [75, с. 189—190].

⁴ О нем см.: [50, с. 111].

⁵ О нем см.: [33, с. 235].

ложняющееся руководство последними, утвердить в качестве заведующих: акад. Н. Я. Марра — Яфетическим семинарием, проф. Б. Я. Владимирцова — Монгольским семинарием, проф. А. Н. Самойловича — Туркологическим семинарием.

Для руководства учебной жизнью семинариев создать постоянно действующий Президиум Совета семинариев в составе: Председатель — Н. Я. Марр, члены: Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, А. Н. Генко и студенты: Тагизаде, Барадийн и Какуа» [3, оп. 6, ед. хр. 1, л. 52].

Собрание слушателей Туркологического семинария, состоявшееся 8 апреля 1925 г., обратилось в правление и совет ЛИЖВЯ с рядом конструктивных предложений, в частности, об увеличении числа лекций по тюркским языкам и истории тюркских народов, о введении в программу семинария монгольского языка и об удлинении семинарского курса с 2-х лет до 3-х [3, оп. 6, № 17, л. 3].

С 1926/27 г. был установлен трехлетний срок обучения в семинариях. Методом преподавания с самого начала избран лабораторный и семинарский с обзорными лекциями. Специализация начиналась со второго года по четырем уклонам: лингвистическому, литературному, этнографическому и историческому [подробнее см.: 77, с. 456—457].

Третий год отводился главным образом на самостоятельную работу по избранной специальности (уклону) под контролем руководителя [подробнее см.: 77, с. 456—457].

В правилах приема на 1928/29 г. указывалось, что на Национальное отделение ЛВИ, состоящее из трех семинариев (Туркологического, Монгольского и Североазиатского), может быть принято 20 человек: на Туркологический семинарий — 12 человек, Монгольский — 4 и Североазиатский — 4 человека [3, оп. 9, № 6, л. 2—3].

В сентябре 1929 г. из-за отсутствия слушателей прекратил свое существование Североазиатский семинарий, в 1930 г. — Яфетический, Монгольский и Туркологический [3, оп. 10, № 23, л. 58].

Многие представители старшего поколения деятелей науки и культуры республик Средней Азии, Кавказа, Крайнего Севера получили историко-филологическую

подготовку в семинариях при ЛИЖВЯ — ЛВИ. Среди слушателей семинариев были: Б. Кербабаев, У. Турсунов, С. Аманжолов, А. Маргулан, С. Кенесбаев, К. Карасаев, Ц. Номинханов, Г. Санжеев, М. Чхеидзе, А. Тагизаде, А. Ализаде и многие другие.

2. Курсы редакторов — переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР

20 марта 1934 г. при ЛВИ были открыты трехгодичные курсы редакторов — переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР.

Перед курсами была поставлена задача подготовить высококвалифицированных переводчиков, которые бы обеспечили идентичный перевод основных трудов классиков марксизма-ленинизма [3, оп. 15, № 107, л. 5].

Руководящие органы национальных республик и областей командировали на курсы членов ВКП(б), имевших общеобразовательную подготовку в объеме комвуза, стаж практической работы в качестве переводчиков и редакторов; партийный стаж для рабочих — 3 года, для служащих — 5 лет, возрастной ценз — не старше 35 лет.

В Положении о курсах было сказано, что слушатели, успешно защитившие дипломные работы, получают звание «ответственный переводчик—редактор трудов марксизма-ленинизма» [3, оп. 17, № 197, л. 4, 5].

Первоначально предполагалось ввести защиту кандидатской диссертации [3, оп. 16, № 136, л. 4], однако из-за недостаточной общеобразовательной подготовки большинства слушателей этого сделать не удалось.

Было также решено готовить переводчиков философских, экономических и научно-исторических работ. Но и этот пункт Положения осуществить не удалось, так как всю первоначальную установку курсов и их учебные планы пришлось подвергнуть решительному пересмотру.

Основные трудности, с которыми столкнулись руководители курсов, заключались в том, что в то время на местах не было лиц, вполне удовлетворявших всем требованиям правил приема. Методологическая подготовка подавляющего большинства кандидатов оказалась край-

не низкой. Знания русского и родного языка тоже оставляли желать лучшего.

В силу изложенного пришлось снизить приемные требования и пересмотреть учебные планы [3, оп. 16, № 140, л. 15—17]. На методологические дисциплины вместо первоначально установленных 572 час. было отведено 820 час., на занятия по русскому языку вместо 346 час.—528 час. [3, оп. 15, № 106, л. 8]. С целью лучшей проработки учебного материала слушателями был выделен один день для самостоятельных занятий, аудиторные занятия сокращены с 30 час. до 18 час.

Предполагалось, что в первый год существования курсов на них будет обучаться 50 человек (см. табл. 8).

Таблица 8

**Контингент слушателей курсов по состоянию
на 1 сентября 1934 г. ***

Намеченные и открытые отделения	Утвержденный контингент	Наличный состав	Преподавательский состав	
Башкирское	5	—	проф. Н. К. Дмитриев доц. А. Маргулан	
Туркменское	5	—		
Киргизское	5	—	доц. С. С. Джикия проф. С. Е. Малов доц. А. К. Боровков доц. Тимофеев ассист. М. Б. Балакаев проф. Е. Э. Бертельс проф. И. И. Зарубин	
Тюркское (азербайджанское)	5	4		
Татарское	5	3		
Узбекское	5	3		
Чувашское	5	5		
Казахское	5	1		
Таджикское	5	2		
Всего	50	18		

* [3, оп. 15, № 107, л. 20].

Кроме указанных отделений была создана крымскотатарская группа, с которой татарским языком занимался доц. И. Н. Леманов, крымский татарин, имевший солидную общеобразовательную подготовку.

Русский язык преподавали проф. М. Г. Долобко и доц. С. Г. Бархударов; общее языкознание вел доц. А. П. Рифтин, занятиями по немецкому языку руководили преподаватели Корн и Иогансон [3, оп. 15, № 109, л. 19—23].

Постепенно учебная жизнь курсов приобретала все более организованный характер, чему способствовали энтузиазм как профессорско-преподавательского состава, так и слушателей, стремившихся к полному усвоению программы.

К началу 1935/36 г. курсы имели в своем составе 11 национальных групп: туркменскую, таджикскую, узбекскую, киргизскую, казахскую, татарскую, чувашскую, бурят-монгольскую, крымско-татарскую, тюркскую (азербайджанскую), башкирскую. В них обучалось 40 человек: на I курсе — 12 и II курсе — 28 человек [80, с. 151; см. также: 3, оп. 16, № 140, л. 22].

В 1936/37 г. приема на I курс не было; в результате значительного отсева на II курсе осталось 8 слушателей, на III курс перешло 13 человек [3, оп. 17, № 197, л. 1].

16 апреля 1937 г. начались государственные экзамены. Первый и единственный выпуск курсов редакторов—переводчиков трудов марксизма-ленинизма на языки народов СССР дал 11 квалифицированных редакторов-переводчиков [3, оп. 18, № 175, л. 10].

3. Научно-исследовательский институт (НИИ). Научно-исследовательская ассоциация (НИА)

Крайняя нужда в углубленном изучении на основе марксистско-ленинской методологии истории, экономики, идеологии, языков и литератур стран и народов Востока диктовала необходимость создания в составе института специальной ячейки, занимающейся названными проблемами.

В связи с этим президиум правления института поручил проректору по учебной части проф. Н. И. Конраду разработать проект такой научно-исследовательской организации.

15 января 1927 г. Н. И. Конрад на заседании правления института зачитал проект Положения о Научно-исследовательском институте и об аспирантуре [3, оп. 8, № 1, л. 6].

Н. И. Конрад в докладе «О перспективах будущего учебного года», сделанном им 20 марта 1927 г., сказал: «С начала будущего (1927/28 г.— А. К.) учебного года должен быть открыт при ЛИЖВЯ НИИ для подготовки

научных работников и педагогов по востоковедным дисциплинам. Этот НИИ должен явиться органической надстройкой над основными разрядами и в течение ближайших лет растворить в себе ныне существующие семинарии» [3, оп. 8, № 1, л. 18].

В результате обсуждения проекта и внесения в него дополнений и уточнений было выработано Положение о Научно-исследовательском институте при ЛИЖВЯ, параграф 3 которого гласил: «Востоковедение, являющееся основным объектом всех работ Института, имеет в виду как Советский и Союзный, так и Зарубежный Восток, в первую очередь и главным образом — современный, и слагается из следующих областей:

а) изучение языка данной страны Востока (филология);

б) изучение культуры данной страны Востока (этнография и культура);

с) изучение современного строя данной страны Востока (экономический уклад, общественная структура, государственный строй, политика, законодательство);

д) изучение истории данной страны Востока (экономическая, социальная, политическая и культурная история);

е) изучение литературы данной страны Востока (как филологии и поэтики, так и в качестве общественной науки)» [3, оп. 8, № 4, л. 1].

Тщательно разработанное Положение о НИИ при ЛВИ было подготовлено без учета реальных возможностей института как в части состава научных сотрудников (все квалифицированные востоковеды из-за чрезмерной занятости не могли уделять должного внимания работе нового НИИ) и аспирантов НИИ, так и в части материальных средств. Поэтому Положение о Научно-исследовательском институте осталось благим пожеланием, но необходимость создания такой организации осталась.

В 1930 г. возникла мысль создать Научно-исследовательскую ассоциацию (НИА) при ЛВИ. Было разработано положение о НИА, в котором говорилось:

«1. НИА имеет своей задачей:

а) научно-исследовательскую марксистско-ленинскую разработку социально-экономических проблем Советского и Зарубежного Востока;

б) подготовку преподавателей и научных работников для восточных комвузов и вузов.

2. НИА организует секции, аспирантуру, кабинеты, экскурсии, выставки, доклады, публичные лекции, публикует свои работы через периодические и неперидические издания, организует научные экспедиции и командировки...» [3, оп. 11, № 2, л. 23—24].

Как видно из этого документа, НИА была призвана вести научно-исследовательскую работу в области социально-экономических проблем Советского и зарубежного Востока. Но ни по одному из пунктов Положения ассоциация не добилась сколько-нибудь значительных успехов.

Осенью 1931 г. снова вернулись к идее создания Научно-исследовательского института. В марте 1932 г. в составе НИИ были созданы секции: китайская (18 человек), японская (14), монгольская (8), синьцзянская (9), индийская (2), персидская (9), турецкая (8), арабистанская (9).

Для исследования проблем, общих для всех стран Востока, в 1932 г. были созданы межсекционные бригады, в задачи которых входила разработка следующих тем: внутринациональный вопрос в странах Востока; проблемы некапиталистического пути развития; аграрный вопрос в странах Востока; мировой экономический кризис и колонии; роль национальной буржуазии в революционно-освободительном движении; революционное движение в колониях и полуколониях.

Среди первоочередных задач, поставленных перед НИИ, на первое место выдвигалось создание учебных пособий по страноведению и языкам стран Востока.

В начале 1932 г. НИИ издал свой первый сборник «Вопросы колониальной революции», в котором были опубликованы статьи, освещающие проблемы революции в колониях, революционные события в Китае, Маньчжурии, Монголии и положение рабочего класса в Турции. Сборник заканчивался библиографической справкой: «Коминтерн и колониальный Восток»; «Профинтерн и колониальный Восток», «О Китае, Индии и Монголии».

Своеобразными филиалами НИИ являлись кафедры текущей политики, созданные при всех отделениях института. В 1931 г. кафедра текущей политики турецкого отделения (заведующий А. Д. Новичев) выпустила

бюллетень «Восстание в Менемене в декабре 1930 — январе 1931 г. (Материалы турецкой и западноевропейской прессы)» [62, с. 77—91].

Первой книгой, изданной НИИ ЛВИ в 1932 г., был перевод с немецкого языка работы турецкого армянина Дикрана Асланяна «Система сельского землепользования в Османской империи» (перевод с немецкого Н. В. Чеботаревой, под редакцией и с предисловием А. Д. Новичева).

НИИ вел значительную лекционную работу. Так, с 15 января 1931 г. по 1 апреля 1932 г. на фабриках и заводах Ленинграда и области, в воинских частях было прочитано около 300 лекций [3, оп. 15, № 6, л. 12].

По состоянию на март 1932 г. институт имел в своем составе 108 сотрудников, из них 41 человек — преподаватели ЛВИ, 65 — аспиранты ЛВИ, 2 человека — приглашенные сотрудники [3, оп. 15, № 6, л. 9].

Таким образом, основную научную силу Научно-исследовательского института составляли преподаватели ЛВИ, которые из-за значительного числа аудиторных занятий не могли уделять достаточно много времени своей исследовательской работе в рамках НИИ.

Научно-исследовательская ассоциация, существующая параллельно с НИИ, занималась главным образом организацией теоретических конференций по различным проблемам Востока. Например, в 1934 г. состоялись три конференции, посвященные проблемам колониальной экономики, истории Востока и восточной филологии [3, оп. 15, № 41, л. 11—13].

НИИ и НИА сыграли известную роль в деле разработки многих проблем истории и экономики стран Востока в новое и новейшее время, что, естественно, благоприятно отражалось и на процессе преподавания этих предметов в ЛВИ.

4. Аспирантура ЛИЖВЯ — ЛВИ

Аспирантура впервые была сформирована в 1925 г. из оставленных при институте трех его питомцев, хотя официального решения о создании особой ячейки для подготовки преподавателей тогда еще не было.

В октябре 1928 г. был организован институт выдвиженцев, на основе которого в 1931 г. создано двухгодич-

ное (основное) и одногодичное (подготовительное) отделения аспирантуры из наиболее способных студентов, по преимуществу выдвиженцев.

Первоочередной задачей аспирантуры ЛВИ являлась «подготовка высококвалифицированных работников по отдельным странам Востока для нужд научно-исследовательских институтов, вузов, общественно-политических организаций и системы НКВД и НКВнешторга». Подготовка велась по двум основным профилям: экономическому и историческому, однако аспирантура готовила также и языковедов [3, оп. 15, № 6, л. 2].

В соответствии с временными правилами, введенными в июле 1926 г., кандидатуры будущих аспирантов, предложенные руководителями разрядов, утверждались на правлении. Одним из условий приема было успешное окончание института.

Для усовершенствования аспирантов в избранной научной специальности устанавливался трехгодичный стаж. В течение этого срока аспиранты под наблюдением руководителя разряда вели плановую научную работу.

Аспиранты сами составляли на каждый учебный год планы научной работы, которые после одобрения их руководителем утверждались правлением института. Отчеты аспирантов о результатах годовой научной работы заслушивались на заседаниях совета института в конце учебного года. Научные работники, прошедшие аспирантский стаж, допускались к преподавательской деятельности по постановлениям совета института на основании соответственного представления руководителя разряда.

Число штатных аспирантов при институте и обеспечение их содержанием устанавливалось правлением в соответствии с возможностями финансовой сметы института [3, оп. 8, № 1, л. 9].

В 1930 г. эти временные правила были заменены Положением об аспирантах ЛВИ. Преимущественное право на зачисление в аспирантуру имели выдвиженцы, прошедшие в институте специальные семинарии. Нормальный срок занятий в аспирантуре — 3 года. Аспиранты проходили подготовку по следующим дисциплинам: экономика, история, право стран Востока, язык и литература.

Работа аспирантов должна была идти по двум направлениям: приобретение марксистско-ленинской подготовки путем обязательного прохождения семинариев по истории, философии, диалектике, теоретической экономике и яфетической теории (для языковедов), а также самостоятельная работа по избранной теме.

Кроме изучения общей теории и методологии марксизма-ленинизма и самостоятельной исследовательской работы аспирант обязан был заниматься восточным и западным языками под руководством преподавателя.

Программа занятий аспиранта утверждалась правлением института. Каждый аспирант в начале года должен был представлять в квалификационную комиссию годовой план работы, а в конце года — отчет по проделанной работе.

На втором году обучения аспиранту поручалось вести семинарий при соответствующем кабинете. Аспирант представлял в предметную комиссию разряда или кафедры по одному докладу в год. Предметная комиссия с соответствующим отзывом передавала работу в квалификационную комиссию.

В конце второго года аспирант выбирал тему самостоятельного научного труда; в конце третьего года он передавал его в предметную комиссию.

Если аспирант не успевал сдать квалификационную работу к концу третьего года, то он мог сделать это в последующее время.

Заключение квалификационной комиссии, вместе с отзывом предметной комиссии, после утверждения правлением института передавалось через Ученый комитет ЦИК СССР на утверждение Государственного ученого совета, и только после этого аспирант получал удостоверение на право преподавания в вузах.

Предусматривалось, что в течение трех лет учебы аспирант должен быть командирован для усовершенствования в изучаемую страну.

Квалификационная комиссия, созданная правлением института, была постоянным органом, действующим по мере надобности. Председателем комиссии являлся ректор института, членами — председатель предметной комиссии соответствующего разряда и председатель соответствующей кафедры.

Учебный план основного отделения по исторической специальности включал в себя четыре раздела:

I. Семинар по истмату, построенный на конкретном материале стран Востока; семинар по ленинизму, построенный так же; лекционный курс по империализму; лекционный курс по истории философии; семинар по национально-колониальному вопросу; лекционный курс по историографии; семинар по истории феодализма.

II. Изучение национального языка; изучение двух западных языков.

III. Самостоятельная исследовательская работа по специальности (по индивидуальному плану).

IV. Преподавание от 2 до 4 час. в шестидневку [3, оп. 15, № 6, л. 2].

Учебный план по экономической специальности совпадал с разделами II—IV плана историков; раздел I был другим: семинар по теоретической экономике; семинар по ленинизму; курс по теории и практике конъюнктуры; курс статистики; семинар по национально-колониальному вопросу [3, оп. 15, № 6, л. 2].

Аспирантура по-прежнему состояла из двух отделений: подготовительного и основного. В 1933 г. на подготовительном отделении было 28 человек, на основном — 26 человек. По странам они распределялись следующим образом:

Китай	10	Турция	6
Япония	6	Арабские страны . . .	4
Монголия	6	Африка	1
Корея	1	Черная Африка . . .	1
Индия	6	Латинская Америка . .	3
Персия	4	Индокитай	1
Афганистан	2	Синьцзян	3

Подготовка лингвистов, как отмечалось выше, носила ограниченный характер. Так, с 1930 по 1935 г. из 54 аспирантов лингвистическую специальность получило только 5 человек.

К 1937/38 г. в составе аспирантуры произошли заметные изменения. Из общего числа аспирантов (23 человека) на лингвистическом отделении было 13 человек, на экономическом — 8, историческом — 2 человека.

По изучаемым странам аспиранты распределялись следующим образом:

Индия	5
Монголия	5
Япония	5
Турция	3
Синьцзян	2
Арабские страны	3

Аспирантура ЛВИ проделала большую работу, обещав подготовку аспирантов по всем дисциплинам, преподававшимся в ЛВИ.

5. Северный факультет

До Великой Октябрьской социалистической революции малые народы Севера не имели своей письменности, а следовательно, и национальной литературы. Отсталость этих народов являлась серьезным препятствием на пути приобщения их к советскому строительству. Подготовка кадров из коренного населения полностью отвечала ленинской национальной политике.

Народный комиссариат по делам национальностей, организованный сразу же после победы Октябрьской революции, сыграл в жизни северных народов, как и других ранее угнетаемых наций и народностей большую положительную роль.

С Наркомнацем сотрудничали крупные знатоки Крайнего Севера: С. В. Карцелли, В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, С. А. Бутурлин, Б. М. Житков и др.

В дальнейшем возникла необходимость в особом государственном органе, который координировал бы усилия всех существовавших тогда местных и центральных организаций, занимавшихся вопросами национального строительства малых народов Севера. Таким органом стал Комитет Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР.

Идея создания комитета возникла в 1923 г., когда малая коллегия Наркомнаца приняла решение об организации Комитета содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири. Но в связи с тем что Наркомнац в 1924 г. был упразднен, Президиум ЦИК СССР 20 июля 1924 г. образовал Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), состоящий непосредственно при ЦИК СССР. «Труднейшая и увлекательнейшая задача была поставлена перед ним (перед Комитетом Севера.— А. К.) — приобщить к советской

власти, к социалистической культуре людей, отставших в своем развитии не на века, а на тысячелетия» [79, с. 5].

Возглавил комитет видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, заместитель председателя ЦИК СССР П. Г. Смидович. В состав комитета вошли старые большевики, крупные партийные деятели в области национального и хозяйственно-культурного строительства: А. С. Енукидзе, С. М. Диманштейн, А. В. Луначарский, Ф. Я. Кон, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославский, Л. Б. Красин, А. А. Трояновский и др. Членами комитета являлись также известные ученые: В. Г. Богораз-Тан, С. А. Бутурлин, Л. Я. Штернберг; Виленский-Сибиряков, М. П. Павлович (Вельман).

К практической работе комитет приступил в августе 1924 г. В его составе было тогда 26 человек [подробнее см.: 42, с. 125—176].

Подготовка учителей из среды малых народов являлась важнейшей задачей советского строительства. Но на пути ее осуществления стояли большие трудности, вызванные тем, что среди коренного населения почти не было грамотных людей.

Комитет Севера принимал решительные меры, направленные на обучение представителей северных народностей в учебных заведениях, расположенных в центральных районах страны. В июле 1925 г. в ЛГУ было организовано Северное отделение, где обучалось 26 человек — представителей 11 национальных групп.

Весной 1926 г. на совещании Комитета Севера было вынесено решение ходатайствовать о соединении Северного отделения с ЛИЖВЯ. ЦИК СССР удовлетворил просьбу комитета.

В соответствии с этим решением ЦИК СССР, Ленинградское филиальное отделение (ЛФО) Комитета Севера возбудило перед правлением ЛИЖВЯ вопрос о его реализации. В письме президиума ЛФО читаем: «Наиболее соответствующим ВУЗом для выполнения задач Северного Комитета по подготовке туземцев Севера является именно ЛИЖВЯ, вполне могущий, как по своей целевой установке, так и по возможности ее осуществления, дать все необходимое для развития начатого, важного в практическом и в научном отношении

дела. Исходя из всего указанного, Президиум ЛФО считает вполне целесообразным и настоятельно необходимым перенесение обучения туземцев Севера в ЛИЖВЯ» [3, оп. 7, № 26, л. 21, 22].

Комиссия в составе П. И. Воробьева, В. Г. Богораз-Тана, А. Н. Самойловича, А. П. Кошкина, А. П. Колумбуса, Л. И. Веселаго и Н. Г. Таланова подготовила доклад, по которому на заседании правления ЛИЖВЯ было принято постановление: «Войти с ходатайством в Комитет по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК Союза ССР об учреждении при Институте,— вместо действующего Подготовительного Отделения,— Рабфака с Восточным и Североазиатским секторами, при общем контингенте учащихся в 130 человек, и о разрешении внести в смету Института соответственные статьи как на единовременные расходы по ремонту и оборудованию помещения для Рабфака и общежития при нем, так и на содержание учебного персонала и 130 стипендиатов Рабфака» [3, оп. 7, № 1, л. 17].

Организация рабфака началась в июне 1926 г.; к началу учебного года благодаря усилиям правления ЛИЖВЯ он был открыт.

При рабфаке были организованы кабинеты русского языка, математики, графики, географии, обществоведения и биологическая лаборатория.

Комитет Севера разослал местным организациям тщательно разработанную разверстку студенческих мест между представителями малых северных народностей. Рабфак (восточное и северное отделения) был рассчитан на 100—120 человек. Студентам-северянам было предоставлено 64 вакансии.

Весть об открытии учебного заведения для народов Севера быстро распространилась по всему Крайнему Северу. Северяне ехали в Ленинград на лодках и пароходах, на оленях, на собачьих упряжках и телегах, а затем на поезде. Каждый провел в дороге 1,5—2 месяца.

Занятия на рабфаке начались 11 октября 1926 г.

В феврале 1927 г. рабфак был преобразован в Северный факультет ЛИЖВЯ. В том же году на расширенном заседании Ученого комитета ЦИК СССР, где специально обсуждался вопрос о перспективах работы раб-

фака, было принято пространное решение, в котором содержалась новая установка для Северного факультета.

«1. Отметить, что Правлением ЛИЖВЯ проделана большая работа в деле организации Рабфака северных народностей и обеспечения интересов почти всех племен и народов Северной Азии (самоеды, камчадалы, алеуты, тунгусы, остяки и т. д.).

2. В целях устранения пестроты в составе слушателей Рабфака, вредно отражающейся на единстве и целостности его программы и учебы, разгрузить Рабфак от узбеков, казахов, татар и др. национальностей, имеющих возможность учебы на местах, прекратив в дальнейшем их прием.

3. Необходимо с начала учебного года разбить Рабфак на два самостоятельные в учебном отношении отделения: восточное (монголы, тибетцы, танну-тувинцы) и северное (народы Северной Азии), придав программе каждого отделения свою целевую установку; переработать программу восточного отделения соответственно задачам национально-культурного строительства Монголии, Тибета и Танну-Тувы, а по северному отделению — уровень требований программы приспособить к условиям и потребностям Северной Азии.

4. Установить срок пребывания слушателей на общих курсах Рабфака в два года и для более успевающих дополнительно два года на специальных курсах с уклоном хозяйственно-кооперативным, педагогическим и советского строительства.

5. Признать полезным существование и в дальнейшем Рабфака, как одного из факультетов ЛИЖВЯ, с сохранением общего руководства и ответственности за Правлением Института, в связи с чем переименовать Рабфак северных народностей в Северный факультет.

6. Слушателей Рабфака комплектовать по двум основным линиям: по северному отделению Рабфака по разверстке Комитета Севера и по восточному отделению по разверстке соответствующих заинтересованных органов...» [3, оп. 8, № 7, л. 14].

В соответствии с задачами, поставленными Ученым комитетом ЦИК СССР, на Северном факультете была произведена соответствующая перестройка. Учебный план делился на две части: в первые два года учащиеся

должны были получить основные сведения из области естествознания, обществоведения, математики, языка (русского и национального). За эти же два года следовало отобрать наиболее успевающих студентов для специализации в области педагогической, культурно-просветительной, хозяйственно-кооперативной или советской деятельности на следующих двух курсах.

В 1927 г. удалось поставить преподавание национальных языков и национальной культуры для тунгусов, кетов, ульчей, чукчей, коряков, гиляков, остяков, вогулов, шорцев, монголов. В задачу этого курса входило также создание письменности для данных народностей.

Был открыт кабинет национальной культуры и специальная библиотека Севера; основан музей рисунка северных народностей. На повестку дня встал вопрос об организации мастерских и лабораторий для развития промыслово-технических навыков.

К руководству предметными комиссиями были привлечены: проф. Н. П. Каменщикова (математика), проф. Н. П. Андреев (русский язык), Я. П. Кошкин (национальные языки и национальная культура), В. Я. Касаткин (обществоведение). Специально выделенные товарищи, являясь заведующими кабинетами и лаборантами, выполняли функции воспитателей [3, оп. 8, № 1, л. 30]:

Много внимания уделялось внешкольной работе (экскурсии, общеобразовательные лекции и занятия в кружках: текущая политика, эсперанто, советское строительство, радио, музыкальный, хоровой, физкультурный и др.). Выпускалась стенная газета «Тайга и Тундра»; позднее стал издаваться сборник под тем же названием [97].

Новое учебное заведение быстро приобрело исключительную популярность среди северных и восточных народов и народностей, о чем ярко свидетельствует рост числа слушателей Северного факультета:

1926/27 г.	130 человек
1927/28 г.	208 »
1928/29 г.	323 человека

На Северном факультете преподавали и вели научно-исследовательскую работу многие крупные ученые: Я. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, Я. П. Кошкин,

Н. К. Каргер, Н. П. Дыренкова, Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, Т. И. Петрова-Лебедева и др.

На восточном и северном отделениях Северного факультета обучались представители 39 национальностей и национальных групп: алеуты, белуджи, буряты, вогулы, гиляки, гольды, долганы, ительмены, казахи, калмыки, камчадалы, карагасы, кето, киргизы, коряки, курды, ламуты, лопари, монголы, негиды, орочены, остяки, самоеды; таджики, танну-тувинцы, тибетцы, тунгусы, туркмены, удэ, уйгуры, ульчи, чуванцы, чукчи, шорцы, эвенки, эскимосы, юкагиры, юраки, якуты.

В 1928 г. на восточном отделении Северного факультета была создана курдская группа в количестве 9 человек; среди них был К. К. Курдоев, ныне доктор филологических наук.

В дальнейшем в целевую установку Северного факультета были внесены некоторые коррективы. Так, согласно правилам приема 1928 г.:

«1. Севфак имел своей целью подготовку советских, кооперативных и культурных работников для северных окраин СССР, соответственно чему состоял из отделений: 1) советское строительство, 2) кооперативное и 3) педагогическое.

2. Срок обучения на Северном факультете — 4-летний.

3. Лицам, поступающим на Северный факультет, никаких требований в отношении общеобразовательной подготовки и знания русского языка не предъявляется» [З, оп. 9, № 44, л. 6].

Однако вопрос о том, кого и как готовить из среды малых народов Севера, не сходил с повестки дня. Парторганизация и правление института продолжали искать пути его правильного решения.

Весной 1929 г. на заседании правления института П. И. Воробьев отметил, что целевую установку Северного факультета необходимо пересмотреть, поскольку «факультет имеет своей целью подготовку практических советских, кооперативных и культурных работников средней квалификации для северных окраин СССР, а установка... давалась тогда, когда еще не было опыта в работе, когда не была ясна физиономия студенчества». Северный факультет, по мнению П. И. Воробьева, должен быть школой повышенного типа: лица, прошедшие

туземную школу, смогут получить здесь определенную квалификацию.

18 октября 1929 г. правление института вновь вернулось к вопросу о целевой установке Северного факультета. При этом были отмечены некоторые достижения: разработка программ факультета, улучшение подбора преподавателей, укрепление материальной базы, командирование преподавателей на Север. Были, разумеется, отмечены и некоторые недочеты в работе.

Именно на этом заседании правление достаточно четко высказалось о месте Северного факультета в ЛВИ. Дело в том, что на протяжении почти трех лет стоял вопрос об отделении факультета от ЛВИ. Хотя уже в 1927 г. Ученый комитет ЦИК СССР в своем постановлении «признал полезным существование и в дальнейшем Рабфака как одного из факультетов ЛИЖВЯ» [3, оп. 8, № 7, л. 14], весной 1928 г. правление ЛВИ создало комиссию в составе П. И. Воробьева, акад. С. Ф. Ольденбурга и проф. В. Г. Богораз-Тана, которой было поручено уточнить вопрос о целесообразности дальнейшего существования Севфака при ЛВИ.

Среди членов комиссии не было единодушия. Например, П. И. Воробьев считал, что Северный факультет, представляющий «собой по существу совершенно инородное тело в организме ЛВИ, становится все более обременительным для института... Теперь, когда первая стадия организации проведена и Севфак превращен в совершенно крепкий техникум, не имеющий ничего общего с востоковедением,— целесообразность существования Севфака на положении факультета ЛВИ нами берется под сомнение» [3, оп. 9, № 28, л. 4].

Иной позиции придерживался В. Г. Богораз-Тан, заявивший, что «Севфак может продолжать свое нормальное развитие только под руководством Правления ЛВИ. Если же оно считает невозможным для себя руководить работой по Севфаку, то Северный Комитет будет вынужден согласиться на отделение Севфака от ЛВИ, но это будет вынужденный отход» [3, оп. 9, № 28, л. 4].

По мнению С. Ф. Ольденбурга, при решении вопроса об отделении Севфака следовало учитывать, что восточное отделение Севфака, насчитывавшее также значительное число слушателей, должно остаться при ЛВИ. Таким образом, подчеркивал С. Ф. Ольденбург, с от-

делением от ЛВИ северной части этого факультета работы руководства ЛВИ не отпадут полностью [3, оп. 9, № 28, л. 4].

Некоторые руководящие работники Севфака считали, что факультет следует ликвидировать или изменить его профиль.

Весной 1929 г., когда решался вопрос о слиянии ЛВИ с МИВ, Ученый комитет и Комитет Севера предложили обсудить целесообразность отделения Северного факультета от ЛВИ.

14 марта 1929 г. члены правления ЛВИ четко определили свою позицию. Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, П. И. Воробьев, М. С. Лозовский считали, что время для отделения Северного факультета еще не наступило [3, оп. 10, № 1, л. 5]. В. Г. Богораз-Тан, который два года тому назад был противником отделения, на этот раз заявил: «Если выделение не совершится сейчас, то это случится в ближайшем будущем» [3, оп. 10, № 1, л. 6]. За отделение Севфака высказались присутствовавшие на заседании Кульбешеров (зам. председателя Учкома ЦИК СССР), Рейтер (ректор Коммунистического университета трудящихся Востока) и Мицкевич (директор Музея революции).

Впоследствии, в декабре 1929 г., северное отделение Северного факультета ЛВИ стало самостоятельным высшим учебным заведением — Институтом народов Севера. Восточное отделение также было реорганизовано.

В 1930 г. был открыт Рабоче-батрацкий факультет (из числа нацмен Советского Востока). Но при организации он получил название «Рабфак нацмен Союзного Востока» [3, оп. 11, № 16, л. 46].

Северный факультет ЛВИ, просуществовавший три с лишним года, несомненно, сыграл положительную роль в подготовке специалистов для работы на Крайнем Севере. Он стал подлинной школой воспитания северян в духе марксизма-ленинизма.

А. В. Луначарский в своей речи «О задачах Наркомпроса на Крайнем Севере» подчеркнул: «Мы не сможем идти вперед, если не будем интенсивнейшим образом работать над созданием собственной туземной интеллигенции. И на этом участке фронта имеется чрезвычайно отрадный факт: Рабфак северных народов при Ле-

нинградском Институте Живых Восточных языков.

Рабфак северных народностей — своего рода чудо, потому что, если совершенная правда то, что о нем рассказывают, то тут достигаются два чуда. С одной стороны, с очень большой быстротой, свидетельствующей о естественной природной талантливости людей, приходит соприкосновение северных туземцев с культурой. С другой стороны, в молодых людях, детях Севера, проявляется чрезвычайный интерес в смысле служения своей народности» [1, с. 20—21].

6. Библиотека

Библиотека ЛВИ существовала с момента создания института в 1920 г. Ее организация неразрывно связана с именем В. Л. Котвича, который уделял ей очень много внимания.

Библиотека ЛВИ — одно из ценнейших востоковедных книгохранилищ, в фонде которого насчитывалось 110 тыс. томов. Здесь была сосредоточена литература по языкам, истории, экономике и культуре всех стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также республик Советского Востока на 10 европейских и 32 восточных языках.

Пополнялась библиотека различными путями — покупкой частных библиотек, обменом, выпиской литературы из-за границы, отбором книг в государственных книжных фондах и случайными покупками в книжных магазинах. Выходящие книги приобретались по заявкам руководителей разрядов. Как правило, всякая крупная покупка совершалась с ведома библиотечной комиссии.

В 1923 г. из библиотеки известного арабиста проф. Н. А. Медникова (1858—1918) было приобретено 455 книг, в том числе 111 книг на западноевропейских языках, несколько словарей и грамматик, полный комплект записок восточного отдела Русского археологического общества.

Академик Ф. И. Щербатской принес в дар институту 824 экземпляра санскритской грамматики Г. Бюлера, изданной в Стокгольме. В обмен на дубликаты библиотека получила издания МИВ.

В 1925/26 г. библиотека пополнилась 5725 томами (4561 название). Была куплена библиотека С. Н. Сыромятникова, поступили книги из Госиздата, от проф. М. Кёпрюлюзаде (Стамбул); свыше 700 томов подарила Академия наук СССР. На 1 марта 1927 г. числилось уже 15 688 названий (около 30 тыс. томов) книг на европейских и восточных языках.

В 1928 г. была приобретена востоковедная литература из библиотеки бывшего Офицерского морского собрания г. Кронштадта в количестве 4 тыс. томов, среди которых имелись чрезвычайно ценные и редкие книги [3, оп. 9, № 27, л. 5]. В этом же году была куплена библиотека (5 тыс. томов) тюрколога проф. В. Д. Смирнова (1846—1922), а также получены книги из Госфонда [3, оп. 9, № 27, л. 5].

В соответствии с решением правления института в 1928 г. была установлена тесная связь с востоковедными библиотеками Ленинграда. Периодические издания выписывались совместно.

Начиная с 1928 г. институт имел особый золотой фонд в сумме 3 тыс. рублей в год, предназначенный для выписки литературы из-за границы.

Т а б л и ц а 9
Рост библиотеки за 1922—1938 гг.

Годы	Количество названий	Количество томов
1922	2 529	—
1923	3 386	5 251
1924	6 928	10 451
1925	—	16 500
1927	15 688	30 000
1928*	26 671	45 000
1930	—	48 210
1938	—	106 000

* По кабинету социолого-экономических наук — 3892 тома.

За время своего существования библиотека подвергалась неоднократной реорганизации.

В 1924 г. в библиотеке имелись два карточных каталога (алфавитный и предметный). Библиотека располагала 52 отделами: Абиссиния, Аравия, Армения, ар-

хеология, Афганистан, Африка, биографии и некрологи, Ближний Восток, Древний Восток, Египет, изучение Востока, Индия, ислам, Кавказ, карты, Китай, колонизация, Корея, Крым, Маньчжурия, Монголия, общественные науки, Палестина, Персия, периодические издания, Polyglotta, просвещение инородцев, путешествия, остров Сахалин, сборники, Сибирь, сибирское переселение, словари и справочники, смесь, Средняя Азия, Тибет, Турция, турецкие племена, Хива, христианство на Востоке, Центральная Азия, этнография, западноевропейские языки и народы, языкознание, Япония, русско-японская война и др. [3, оп. 5, № 9, л. 3].

В 1927 г., помимо существовавших двух каталогов, был введен контрольный каталог. Формуляр каждой книги давал возможность установить ее движение и спрос читателей.

После реорганизации, проведенной в 1928 г., библиотека имела следующую структуру: общий отдел, языковедение, религии Востока, справочные издания. Основными страноведческими отделами являлись: Союзный Восток и страны зарубежного Востока.

Внутри каждого территориального отдела книги распределялись еще по 18 отделам [3, оп. 9, № 27, л. 95].

В 1929/30 г. заведующим библиотекой П. Е. Скачковым была разработана система учета и контроля. Его план реорганизации, принятый правлением 26 декабря 1929 г., предусматривал, в частности, свободный доступ студентов к книжным полкам. При библиотеке была оборудована переплетная мастерская с пропускной способностью от 200 до 400 книг в месяц.

Библиотека ЛВИ вела также большую пропагандистскую работу, организуя выставки для широких рабочих масс. Выставка «Северная Маньчжурия и КВЖД», устроенная в 1929 г. ко дню Октябрьской революции, 7 месяцев переходила из одного рабочего клуба в другой, и интерес к ней не ослабевал. Выставки «За хлопковую пятилетку», «Турксиб» также вызвали большой интерес.

При помощи библиотеки на заводе «Красный путилевец» (ныне Кировский завод) была организована выставка коммунистической печати. Библиотека участвовала в выставке Комкадемии «Письменность народов Востока» [3, оп. 11, № 16, л. 137, 138].

Общее руководство библиотекой осуществляло правление института, на заседаниях которого часто заслушивались доклады о состоянии работы библиотеки.

Следует подчеркнуть: успехи, достигнутые институтом в деле подготовки востоковедных кадров, были бы немыслимы без наличия хорошо подобранного книжного фонда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда перед востоковедами встали совершенно новые — государственной важности — задачи по изучению как Советского, так и зарубежного Востока, появились новые высшие востоковедные школы.

Опыт дооктябрьского практического востоковедения в России не мог быть использован в полной мере прежде всего потому, что революционные преобразования на Советском Востоке и новые межгосударственные отношения Советского государства со странами и народами зарубежного Востока ставили перед востоковедами иные проблемы.

Нужен был новый тип работника, однако из-за отсутствия опыта трудно было сразу определить его профиль, а потому в основу подготовки советского востоковеда были положены старые учебные планы и программы. Преобладающее внимание в них уделялось усвоению восточного языка и значительно меньшее — истории, экономике и культуре данной восточной страны, не говоря уже о текущей политике государств Востока, политических партиях, идеологических течениях и т. п.

Мучительные поиски оптимальной структуры института продолжались в течение всего 18-летнего существования ЛВИ; отсутствие четкой цели вело к ошибкам в выборе средств и путей для ее достижения.

В первый период истории института (1920—1930) была принята установка на подготовку «работника для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком», а также преподавателя или научного сотрудника для востоковедных учебных заведений и научных учреждений.

Наиболее четко эта цель была сформулирована на пленуме правления ЛВИ 30 сентября 1928 г.: «Наш выпускник,— записано в стенограмме заседания,— является востоковедом-обществоведом... Мы можем готовить

специалистов востоковедов широкого порядка, но не узкого. Создавать такого сорта работников, как востоковед-бухгалтер или востоковед — заведующий экспортом леса, мы не желаем и не можем» (см. стр. 59).

Однако уже в следующем году наметился резкий поворот в сторону подготовки востоковеда — специалиста в определенной технической области, готовить которых еще совсем недавно не желали и не могли.

Второй период истории ЛВИ (1930—1938) ознаменовался окончательным переходом на путь соединения востоковедной и специальной (инженерной) подготовки. В конечном итоге институт почти полностью утратил свою ведущую — востоковедную — линию, что привело к его ликвидации.

Несмотря на столь печальный конец, ЛВИ дал стране около 700 специалистов, многие из которых с успехом работали или продолжают работать «на Востоке или в связи с Востоком». Институт с успехом служил и второй цели — подготовке преподавателей для востоковедных учебных заведений и научных работников-востоковедов.

Не один десяток востоковедов-исследователей, с успехом представлявших и представляющих советское востоковедение и подготовивших многих специалистов по Востоку, являются питомцами ЦИЖВЯ—ПИЖВЯ—ЛИЖВЯ—ЛВИ, среди них: А. А. Ализаде, С. Аманжолов, Д. Л. Ангора, Т. М. Ангора, В. Д. Аракин, А. К. Арендс, И. П. Байков, А. М. Барабанов, А. В. Башкиров, В. М. Бескровный, Р. М. Бродский, Ю. В. Бунаков, П. П. Бушев, А. М. Валуйский, Н. Т. Варгин, Ю. П. Верховский, О. Л. Вильчевский, А. И. Воробьева, А. Л. Гальперин, Е. Л. Гальперина, А. Е. Глускина, Д. И. Гольдберг, Л. Т. Гюзальян, А. А. Драгунов, В. С. Животова, Д. П. Жуков, Е. М. Жуков, А. С. Зимин, Д. Н. Иомудская, С. Н. Иомудский, И. И. Йориш, А. Ф. Искандеров, В. А. Казакевич, К. К. Карасаев, А. С. Кауфман, С. К. Кенесбаев, Б. М. Кербабаяев, М. Д. Кокин, И. С. Колобков, Е. М. Колпакчи, А. Н. Кононов, Г. Г. Кочерьянц, В. Е. Краснодембский, В. А. Крачковская, В. И. Кудрин, А. А. Кузнецов, А. Х. Маргулан, Г. И. Михайлов, М. С. Михайлов, Г. О. Монзелер, А. М. Мугинов, П. Е. Муравьев, Г. С. Мупкин, С. А. Мхитарян, В. Н. Никифоров,

В. И. Новгородский, А. Д. Новичев, Ц. Д. Номинханов, А. А. Орлова, Г. К. Папаян, Г. М. Петров, Н. А. Петров, М. Г. Пикулин, А. И. Пономарев, И. И. Потехин, Л. С. Пучковский, Б. В. Ржевин, Г. Н. Румянцев, Э. Р. Рыгдылон, М. А. Салье, Г. Д. Санжеев, П. Е. Скачков, М. Н. Сотников, А. И. Стадниченко, П. П. Старицина, Д. Л. Сулейкин, Н. Г. Таланов, Д. И. Тихонов, П. П. Топеха, М. С. Троицкий, У. Турсунов, Н. И. Фельдман, Н. А. Цветинович, Х. М. Цовикьян, В. В. Цыбульский, К. М. Черемисов, М. В. Чураков, М. П. Чхеидзе, В. Д. Якимов и др.

Из среды питомцев института вышло немало государственных, партийных и общественных деятелей: В. Л. Кудрявцев, И. В. Самыловский, И. И. Позняк, И. И. Козлов, М. А. Константинов, А. А. Мартынов, Н. В. Новиков, И. М. Штрейхер.

Следует особо подчеркнуть, что состав профессоров-востоковедов института за все время его существования отличался исключительно высокой научной квалификацией; напомним, что в институте читали лекции и руководили кафедрами и семинариями: В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, А. И. Иванов, С. А. Козин, Н. И. Конрад, В. Л. Котвич, И. Ю. Крачковский, С. Е. Малов, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, Г. Ф. Смыкалов, Ф. И. Щербатской. Рядом с ними и под их руководством работало новое поколение востоковедов.

Выдающиеся ученые старшего и среднего поколения принимали участие в подготовке кадров, столь необходимых для государственного строительства в республиках и областях Советского Востока.

Не случайно именно в ЛИЖВЯ было создано учебное заведение нового типа — семинарии, готовившие лингвистов, историков, этнографов для республик и областей Советского Востока.

Когда возникла необходимость подготовить работников совершенно не известной ранее специальности — редактор—переводчик трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР, то ЦК ВКП(б) поручил это трудное и почетное дело Ленинградскому восточному институту.

В начале 30-х годов в связи с обострением политической обстановки на Дальнем Востоке Ленинградскому

восточному институту было поручено организовать Японский сектор, который успешно решил поставленную перед ним задачу — в короткий срок подготовил группу японистов.

Следует особо отметить ведущую роль партийной организации института, которая через комфракцию правления, созданную в 1925 г., руководила всей научной и научно-организационной деятельностью ЛИЖВЯ — ЛВИ. Парторганизация проводила большую лекционно-пропагандистскую работу на предприятиях Ленинграда; так, в 1936—1937 гг. под руководством студентов ЛВИ — членов партии на Адмиралтейском заводе работало 22 кружка, в типографии им. Соколовой — 5, на хлебозаводе № 3 — 4, фабрике им. Володарского — 24, 3-й табачной фабрике — 8; фабрике им. Самойловой — 12 кружков и т. п. Студенты и преподаватели ЛВИ часто выезжали в Кронштадт с лекциями о политическом положении в странах Востока.

Нельзя не отметить участия парторганизации ЛВИ в крупных политических кампаниях. Немало коммунистов — студентов ЛВИ уехали по партийной мобилизации в деревни и села, на политрабату в МТС, на железнодорожный транспорт и в Красную Армию. В институте была создана комиссия для связи с политотдельцами МТС.

Задачи, стоявшие перед парторганизацией на всем протяжении существования института, были необычайно сложны и многообразны. Но главным направлением работы коммунистов ЛИЖВЯ — ЛВИ неизменно оставалась борьба за осуществление генеральной линии партии, за чистоту марксистско-ленинской теории и высокое качество востоковедного образования.

Теперь можно с полным основанием сказать, что наиболее продуктивным периодом существования института были 1920—1930 годы, хотя этот период в силу новизны поставленных перед институтом целей и отсутствия надлежащего опыта тоже не был свободен от ошибок и недостатков; институт объединил в своих стенах всех старых петроградских востоковедов, которые сумели вырастить специалистов советской формации, как практиков, так и ученых. До начала 30-х годов ЛВИ, по существу, был единственным в Ленинграде востоковедным учебным заведением.

Второй период, сколь ни печальным был его конец, представляет интерес для историка русского востоковедения советской эпохи и дает пищу для размышления над тем, какие предметы должны содержать учебные планы института, готовящего «практических работников на Востоке и в связи с Востоком». В наши дни эта проблема, в связи со все развивающимися и углубляющимися отношениями СССР со странами и народами Азии и Африки, приобрела особое государственное значение. Хочется надеяться, что опыт Ленинградского восточного института может быть использован при подготовке востоковедов-практиков.

ИЗДАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА
имени А. С. ЕНУКИДЗЕ

1922 г.

- Н. Я. Марр. К изучению современного грузинского языка. Пг.
М. И. Тубьянский. Образцы бенгальской литературы. Пг.
А. Н. Самойлович. Несколько дополнений к классификации турецких языков. Пг.

1923 г.

- Н. Я. Марр. Чем живет яфетическое языкознание (на груз. яз. и в яфет. транскрипции). Пг.

1924 г.

- А. А. Ромаскевич. Современная персидская пресса в образцах. Л.

1925 г.

- Справочные сведения по Петроградскому Институту Живых Восточных Языков (1920—1923 гг.). Л.
В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л.
Справочные сведения по Ленинградскому Институту Живых Восточных Языков (1924—1925 гг.). Л.
А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л.

1926 г.

- Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л.
«Труды яфетического семинария». I. Н. Я. Марр. Абхазский аналитический алфавит. Л.
«Труды яфетического семинария». II. Н. Я. Марр. Пособие к лекциям по практическому изучению живого грузинского языка. Л.
«Труды туркологического семинария». I. К. А. Иностранцев. Хунну и Гунны. Л.
Г. Бюллер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Пер. под ред. акад. Ф. И. Щербатского. Стокгольм.

Е. Э. Бертельс. Бахтиар-наме. Персидский текст и словарь. Л.

К. В. Оде-Васильева. Начальная арабская хрестоматия, с предисл. акад. И. Ю. Крачковского. Л.

А. П. Баранников. Краткая грамматика Хиндустани (Урду). Л.

Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л.

1927 г.

Н. И. Конрад. Японская литература в очерках и образцах. Л.

Б. Лауфер. Очерки монгольской литературы. Пер. под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.

А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л.

Л. И. Дембо. Земельный строй Востока. Л.

А. П. Баранников. Образцы современной прозы Хиндустани. Л.

1928 г.

«Труды яфетического семинария». III. Русско-абхазский обратный словарь (по русско-абхазскому словарю Н. Марра). Под ред. К. Дондуа. Л.

К. В. Оде-Васильева. Образцы новоарабской литературы (1880—1925). Под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского. I. Текст. Л.

Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л.

Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского. Л.

Н. Я. Марр. Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык. Л.

Б. Э. Бертельс. Очерк истории персидской литературы. Л.

Н. К. Дмитриев. Бу Адам. Османский текст со словарем. Л.

Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.

1929 г.

Д. В. Семенов. Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие). Под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского. Л.

Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.

А. М. Мерварт. Грамматика тамильского разговорного языка. Л.

1930 г.

Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Л.

А. П. Баранников. Образцы современной прозы Хиндустани. Л.

А. П. Баранников. Словарь (урду-русско-английский) к образцам современной прозы Хиндустани. Л.

М. Кокин и Г. Папаян. Аграрный строй древнего Китая. С предисл. Л. Мадьяра. Л.

1931 г.

А. А. Ромаскевич. Современная персидская пресса в образцах. Вып. 2. Л.

А. А. Ромаскевич. Персидско-русский словарь к современной персидской прессе в образцах. Вып. I и II. Л.

Н. Н. Поппе. Практический учебник монгольского разговорного языка (халхаское наречие). Л.

Х. Джемдет-Заде. Хрестоматия турецкого языка (со словарем). Л.

Вопросы колониальной революции. Л.

1932 г.

Г. Сафаров. Колониальная революция на современном этапе. Л.

Е. Э. Бертельс. Учебник персидского языка. Л.

Н. Н. Поппе. Учебник монгольского языка. Л.

1933 г.

Е. Колпакчи и Н. Невский. Начальный учебник японского разговорного языка. Л. (литографированное изд.).

1934 г.

Х. Джемдет-Заде и А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка (фонетика, морфология, синтаксис). Л.

Е. М. Колпакчи и Н. А. Невский. Японский язык. Начальный курс. Л.

А. П. Баранников. Хиндустани (Урду и Хинди). Ч. I. Грамматика. Ч. II. Учебник. Л.

Н. И. Конрад. Краткий очерк грамматики японского разговорного языка. Л.

1935 г.

Словарь к учебному материалу по Японии. Л. (литографированное изд.).

Н. И. Фельдман. Русско-японский словарь к учебнику японского языка Гуццо и Горбштейн. Л. (литографированное изд.).

1936 г.

К. В. Оде-Васильева. Учебник арабского языка. Л.

1937 г.

К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). С предисл. проф. Н. Н. Поппе Л.

Количество студентов, окончивших ЛВИ за все время его существования*

Разряды и семинарии	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	Всего
Арабский	5	3	—	1	—	1	3	4	2	—	2	2	7	7	1	38
Турецкий	3	5	8	7	1	10	22	21	10	5	—	10	13	8	5	128
Персидский	—	9	3	6	4	3	7	14	9	5	5	13	17	10	6	111
Китайский	—	3	4	1	—	3	4	14	13	5	4	10	14	5	5	85
Индийский	—	3	—	4	—	—	4	14	—	—	2	2	3	3	7	42
Грузинский**	—	1	2	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Японский	—	5	2	9	5	1	3	12	3	4	2	2	—	8	9	71
Туркестанский	—	1	3	6	—	3	8	12	—	2	—	13	4	—	—	33
Монгольский	—	1	3	4	—	2	2	5	7	2	2	13	4	12	11	68
Армянский**	1	1	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Среднеазиатский семинарий	—	—	—	—	—	—	—	12	13	4	—	—	—	—	—	29
Туркологический семинарий	—	—	—	—	—	3	8	12	—	—	—	—	—	—	—	33
Яфетический семинарий	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	4
Синьцзян	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	4	6	20
Афганистан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	4	—	6
Латинская Америка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	3	11	7	—	23
Африка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Индокитай	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Итого	8	32	31	38	10	26	65	123	57	25	20	57	82	68	50	708

* [3, оп. 20, ед. хр. 2, л. 1, 2, 5, 6].

** В 1925 г. армянский и грузинский разряды были реорганизованы в Яфетический семинарий.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Алексеев В. М. 5, 15, 24, 25,
29, 30, 35, 39, 41, 57, 82, 120
- Ализаде А. А. 97, 119
- Алимов А. А. 82
- Алиханян А. А. 24, 29, 30
- Амагаев М. И. 82, 83, 85, 89
- Аманжолов С. 97, 119
- Ангора Д. Л. 119
- Ангора Т. М. 119
- Андреев Н. П. 110
- Аникеев В. М. 89
- Аракин В. Д. 119
- Арендс А. К. 57, 60, 119
- Асланян Д. 102
- Ашмарин Н. И. 10
-
- Байков И. П. 119
- Балакаев М. Б. 98
- Барабанов А. М. 119
- Барадийн Б. Б. 96
- Баранников А. П. 24, 25, 30, 36,
57, 81, 82
- Баронян В. М. 69, 70
- Бартольд В. В. 5, 6, 12, 16, 21,
24, 30, 36, 48, 57, 93, 94,
120
- Бархударов С. Г. 98
- Башкиров А. В. 89, 90, 119
- Беккер Б. Б. 24
- Березин И. Н. 4
- Берзтыс Я. К. 70
- Бертельс Е. Э. 15, 24, 29, 30,
35, 57, 60, 70, 81, 82, 93,
98
- Бескровный В. М. 119
- Бётлингк О. Н. 4
- Бичурин Н. Я. 4
- Бобровников Н. А. 10
- Богораз-Тан В. Г. 95, 106, 107,
108, 110, 112
- Боровков А. К. 81, 82, 98
- Бородин И. Н. 40
- Бродский Р. М. 119
-
- Бройдо 41
- Броссе М. И. 4
- Бунаков Ю. В. 119
- Бутурлин С. А. 106, 107
- Бушев П. П. 119
- Бюлер Г. 114
-
- Валуцкий А. М. 119
- Вамваки К. Г. 24, 30
- Ван-чун-тин 30
- Варгин Н. Т. 119
- Василевич Г. М. 111
- Васильев Б. А. 57, 82
- Васильев В. П. 4
- Васильев Л. Л. 30
- Вельяминов-Зернов В. В. 4
- Верховский Ю. П. 33, 119
- Веселаго Л. И. 23, 29, 40, 108
- Веселовский Н. И. 4
- Виленский-Сибиряков 107
- Вильчевский О. Л. 33, 119
- Владимирцов Б. Я. 5, 15, 23,
24, 25, 29, 30, 35, 40, 50,
57, 93, 94, 96, 120
- Воробьев П. И. 24, 25, 29, 35,
37, 38, 39, 40, 41, 42, 47,
52, 53, 57, 59, 63, 65, 79, 80,
93, 95, 108, 111, 112, 113
- Воробьева А. И. 119
-
- Гальперин А. Л. 33, 119
- Гальперина Е. Л. 33, 119
- Генко А. Н. 96
- Гиргас В. Ф. 4
- Глускина А. Е. 33, 84, 119
- Гольдберг Д. И. 84, 89, 119
- Гордлевский В. А. 5
- Горький А. М. 19, 20, 22
- Григорьев В. В. 4
- Грумм-Гржимайло Г. Е. 24, 30
48
- Гурко-Кряжян В. А. 40, 60, 69
- Гюзальян Л. Т. 119

- Датт Д. А. 36
 Дембо Ц. Г. 60
 Джевдет-заде Х. 69
 Джикия С. С. 98
 Диманштейн С. 21, 22, 107
 Дмитриев Н. К. 57, 69, 70, 81, 98
 Долобо М. Г. 98
 Дондуа К. Д. 36
 Дорн Б. А. 4
 Драгунов А. А. 33, 60, 119
 Дыренкова Н. П. 111
 Егорова-Мартынова Н. В. 24, 30
 Емельянов А. И. 10
 Енукидзе А. С. 3, 40, 57, 58, 59, 65, 107
 Жебелев С. А. 16, 17
 Жигбенас С. А. 89
 Животова В. С. 84, 119
 Житков Б. М. 106
 Жузе П. К. 10, 11
 Жуков Д. П. 119
 Жуков Е. М. 119
 Жуковский В. А. 5
 Залеман К. Г. 4
 Зарубин И. И. 98
 Зимин А. С. 119
 Иваненко Н. М. 84
 Иванов А. И. 24, 29, 30, 57, 120
 Имерман 84
 Иностранцев К. А. 5
 Иогансон 98
 Иомудская Д. Н. 119
 Иомудский С. Н. 119
 Иориш И. И. 3, 119
 Искандеров А. Ф. 119
 Каверин В. А. 33
 Казакевич В. А. 33, 119
 Казем-Бек А. К. 4
 Каква 96
 Каменщиков Н. П. 110
 Карасаев К. 97, 119
 Каргер Н. К. 111
 Каримов З. 24
 Карцелли С. В. 106
 Касаткин В. Я. 110
 Катанов Н. Ф. 5, 10
 Кауфман А. С. 119
 Кенесбаев С. К. 97, 119
 Кербабаяв Б. М. 97, 119
 Козин С. А. 25, 30, 37, 120
 Козлов И. И. 120
 Кожин М. Д. 75, 119
 Кокочцов П. К. 5
 Колобков И. С. 119
 Колпакчи Е. М. 33, 57, 84, 119
 Колумбус А. П. 24, 108
 Кон Ф. Я. 107
 Кононов А. Н. 3, 89, 119
 Конрад Н. И. 5, 15, 24, 25, 35, 41, 57, 64, 81, 82, 84, 85, 99, 120
 Константинов М. А. 120
 Корн 98
 Корш Ф. Е. 5
 Коссович К. А. 4
 Котвич В. Л. 5, 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 39, 41, 114, 120
 Кочерьянц Г. Г. 119
 Кошкин Я. П. 95, 108, 110
 Красин Л. Б. 107
 Краснодарский В. Е. 119
 Крачковская В. А. 33, 119
 Крачковский И. Ю. 5, 12, 15, 24, 25, 29, 30, 35, 49, 57, 60, 81, 82, 120
 Крымский А. Е. 5, 12
 Кудрин В. И. 119
 Кудрявцев В. Л. 120
 Кузнецов А. А. 119
 Кузнецова Н. А. 20
 Кузьмин И. П. 24, 28, 29, 30, 39
 Кулагина Л. М. 20
 Кульбешеров 113
 Курдоев К. К. 111
 Кёприлюзаде М. 115
 Ларонд А. А. 24, 30
 Леманов И. Н. 98
 Ленин В. И. 7, 19, 20, 22
 Лозовский М. С. 113
 Луначарский А. В. 107, 113
 Малов С. Е. 5, 10, 57, 93, 98, 120
 Маргулан А. Х. 97, 98, 119
 Маркович С. Б. 69, 70
 Марр Н. Я. 5, 8, 12, 14, 16, 17,

- 21, 24, 25, 29, 30, 35, 39,
42, 48, 57, 59, 60, 94, 95,
96, 113, 120
- Марр Ю. Н. 30
Мартинович Н. Н. 24, 29, 30
Мартынов А. А. 120
Медников Н. А. 114
Мелноранский П. М. 5
Мерварт А. М. 35, 57
Мерварт Л. А. 35
Мещанинов И. И. 70
Миллер В. Ф. 5
Миннаев И. П. 4
Михайлов Г. И. 119
Михайлов М. С. 33, 119
Мишкевич 113
Моисеенко-Великая Т. Н. 39
Монзелер Г. О. 33, 84, 119
Мутинов А. М. 119
Муравьев П. Е. 119
Мупкин Г. С. 119
Мухлинский А. О. 4
Мхитарян С. А. 119
- Навои Алишер 9
Нариманов Н. Н. 3, 9
Невский Н. А. 84
Никифоров В. Н. 119
Николаев В. В. 69, 70
Никольский М. В. 5
Новгородский В. И. 120
Новиков Н. В. 120
Новичев А. Д. 3, 33, 57, 60, 69,
70, 101, 102, 120
Номинханов Ц. Д. 97, 120
- Ольденбург С. Ф. 5, 12, 15, 21,
24, 29, 30, 35, 41, 42, 48, 57,
59, 112, 113, 120
Орбели И. А. 5, 35
Орлова А. А. 120
Острецов И. А. 29, 30, 39
- Павлович (Вельтман) М. П.
12, 19, 20, 42, 44, 46, 107
Папаян Г. К. 75, 120
Пекарский Э. К. 5
Петров Г. М. 89, 120
Петров Н. А. 120
Петрова О. П. 3
Петрова-Лебедева Т. И. 111
Пикулин М. Г. 120
Позняк И. И. 120
- Поливанов Е. Д. 24
Пономарев А. И. 120
Потехин И. И. 120
Презент И. И. 60, 70
Приселков М. Д. 17
Пучковский Л. С. 120
- Радлов В. В. 4
Райхер В. К. 61
Рахимов З. А. 23, 24, 29, 39
Рейтер 113
Ржевин Б. В. 120
Рифтин А. П. 98
Розен В. Р. 4
Ромаскевич А. А. 24, 28, 29, 30,
35, 39, 41, 57, 60, 81, 120
Руднев А. Д. 5, 21
Румянцев Г. Н. 120
Рыгдылон Э. Р. 120
- Салье М. А. 33, 120
Самойлович А. Н. 5, 6, 14, 15,
16, 20, 21, 24, 25, 29, 30,
35, 36, 39, 41, 50, 57, 92,
93, 96, 108, 120
Самыловский И. В. 120
Санжеев Г. Д. 97, 120
Селихов Н. Н. 57, 58
Семашко Н. А. 107
Семенов Д. В. 57, 89
Сенковский О. И. 4
Скачков П. Е. 3, 33, 116, 120
Смидович П. Г. 107
Смирнов В. Д. 5, 15, 24, 30,
115
Смирнова 84
Смыкалов Г. Ф. 23, 24, 28, 29,
30, 57, 81, 89, 120
Соколов М. Н. 12
Сокольский Л. Я. 84
Соловьева О. П. (Петрова) 84
Сотников М. Н. 120
Союнов Г. С. 24
Стадниченко А. И. 120
Старицына П. П. 120
Струве В. В. 35
Сулейкин Д. Л. 120
Сыромятников С. Н. 115
- Тагизаде А. 96, 97
Таланов Н. Г. 108, 120
Тизенгаузен В. Г. 4
Тимофеев 98

- Тихая-Церетели М. Г. 24
Тихонов Д. И. 120
Тойдзуми К. 24, 30
Топеха П. П. 120
Троицкий М. С. 120
Трояновский А. А. 107
Тубянский М. И. 24, 29, 30, 35,
57
Турсунов У. 97, 120
Тюркин П. А. 91
- Фалев П. А. 24, 30
Фан-фу 24
Фельдман Н. И. 120
Фиельструп П. П. 60
Фрейман А. А. 12, 23, 24, 25,
28, 29, 30
Френ Х. Д. 4
- Хвольсон Д. А. 4
- Цветинович Н. А. 33, 69, 120
Цинциус В. И. 95, 111
Цовикьян Х. М. 120
- Цыбульский В. В. 120
Цянь-ли-куй 24
- Чеботарева Н. В. 84, 102
Черемисов К. М. 120
Чичерин Г. В. 42
Чураков М. В. 120
Чхеидзе М. П. 97, 120
- Шами А. М. 80, 82, 85
Шифнер А. А. 4
Штейн В. М. 60, 90
Штернберг Л. Я. 95, 106, 107,
110
Штрейхер И. М. 120
Шумилов М. М. 24
- Щерба Д. Л. 89
Щербатской Ф. И. 5, 6, 12, 21,
23, 24, 35, 48, 57, 93, 114,
120
Щуцкий Ю. К. 57, 84
- Юдахин К. К. 57
- Якимов В. Д. 120
Ярославский Е. М. 107

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Документы, архивы, справочные материалы

1. Луначарский А. В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г.— «Северная Азия», 1927, № 3.
2. «Высшее образование и наука в Татарии. Указатель литературы. 1918—1969». Издание Казанского университета. 1971.
3. Ленинградский Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 7222.
4. О проекте «Практической Восточной Академии» (Записка группы русских востоковедов). Пг., 1916.
5. О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в Факультет общественных наук (в части, касающейся Историко-филологического факультета и Факультета восточных языков). Пг., 1919.
6. Отчет Наркомпроса за 1922 г. М., 1921.
7. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 6 марта. Стенографический отчет. Баку, 1926.
8. Справочные сведения по Петроградскому Институту Живых Восточных Языков (1920—1923 гг.). Л., 1924.
9. Справочные сведения по Ленинградскому Институту Живых Восточных Языков (1924—1925 гг.). Л., 1925.
10. American Relief Administration; АРА — Американская Администрация Помощи.— «Большая Советская Энциклопедия». Изд. 3-е. Т. 1. М., 1969.

Литература

11. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
12. Алимирзоев Х. О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет. Исторический очерк. Баку, 1969.
13. Ар-ни А. Институт туркменской культуры.— «Новый Восток». 1928, № 23—24.
14. Ахунова М. А., Лунин Б. В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент, 1970.
15. Ашнин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович (1880—1938).— «Народы Азии и Африки». 1963, № 2.
16. Базиянц А. П. За подписью Ленина.— «Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития». М., 1971.
17. Базиянц А. П. Лазаревский институт восточных языков. М., 1959.

18. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
19. Баскаков Н. А. Комплексный научно-исследовательский институт Каракалпакской АССР (КНИИ ККА ССР) г. Туртукуль.— «Просвещение национальнойостью». 1932, № 8—9.
20. Батманов И. А. Кружок практического востоковедения при Восточном отделе Военной Академии РККА.— «Новый Восток». 1923, № 2.
21. Благовещенский М., Фесенко П. Двадцать лет Московского института востоковедения.— «Труды Института востоковедения». Сб. 2. М., 1940.
22. Богораз-Тан В. С. Северный рабфак.— «Северная Азия». 1927, № 2.
23. Бодрова А. А. Деятельность Восточной коллегии «Всемирной литературы».— «М. Горький и литература зарубежного Востока». М., 1968.
24. Бречкевич М. Северовосточный археологический и этнографический институт в г. Казани.— «Известия Северовосточного археологического и этнографического института в г. Казани». Т. 1, 1920.
25. В борьбе за новый тюркский алфавит (К I Всесоюзному тюркологическому съезду). М., 1926.
26. Василевский К. Г. Среднеазиатские курсы востоковедения РККА.— «Новый Восток». 1928, № 20—21.
27. Викентьев В. Музей—Институт Классического Востока.— «Новый Восток». 1922, № 1.
28. Востоковедение в Ленинградском университете.— «Ученые записки ЛГУ». № 296. Серия востоковедческих наук. Вып. 13, 1960.
29. Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Пг., 1923.
30. Востоковедение в Ростове-на-Дону.— «Новый Восток». 1922, № 2.
31. Востоковедение в советском Азербайджане. Баку, 1964.
32. Высшая военная школа востоковедения Туркестанского фронта (округа).— «Новый Восток». 1922, № 2.
33. Гаген-Торн Н. И., Л. Я. Штернберг. М., 1975.
34. Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции).— «Избранные сочинения». Т. 4. М., 1968.
35. Гордлевский В. А. Тридцатилетие Восточной комиссии Московского Археологического общества.— «Восток». 1924, № 4.
36. Горький М. Письмо М. Павловичу.— Собрание сочинений. Т. 29. М., 1955.
37. Григорцевич С. С. Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.).— «Советское востоковедение», 1957, № 4.
38. «Декларация Всесоюзной Ассоциации марксистов-востоковедов».— «Новый Восток». 1930, № 29.
39. Иванов С. Н. Николай Федорович Катанов (1862—1922). Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. М., 1972.
40. История Ленинградского университета. Л., 1969.
41. К 35-летию Института культуры Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1958.
42. Клещенок П. И. Исторический опыт КПСС по осуществ-

лению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972.

43. Козин С. А. Петроградский институт живых восточных языков.— «Новый Восток», 1923, № 3.

44. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период. Л., 1972.

45. Кр[ачковский] И. Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук.— «Восток». 1922, № 1.

46. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.

47. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. И. Из истории советского востоковедения. М., 1970.

48. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. М. П. Павлович (Вельтман).— «Народы Азии и Африки», 1963, № 3.

49. Кузнецова Н. А. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения).— «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.

50. Кулешева Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Минск, 1975.

51. Лунин Б. В. Востоковедение в Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина (К пятидесятилетию университета).— «Народы Азии и Африки». 1970, № 6.

52. Лунин Б. В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии.— «Очерки по истории русского востоковедения». Сб. VI, М.

53. Лунин Б. В. Кавказоведческие учреждения и организации Ростова-на-Дону.— «Новый Восток». 1928, № 22.

54. Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1962.

55. Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX в.). Издание Казанского университета, 1972.

56. Маннс Г. Ю. Востоковедение в Иркутском университете. Иркутск, 1926.

57. Марр Н. Я. Записка о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнолого-историческо-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института. Пг., 1918

58. Материалы для истории факультета восточных языков. Т. IV. Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., сост. проф. В. В. Бартольдом. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г. СПб., 1909.

59. Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959.

60. Нафигов Р. Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном Комиссариате по делам национальностей.— «Советское востоковедение». 1956, № 5.

61. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.

62. Новичев А. Д. Менеменское восстание в Турции.— «Вестник Ленинградского университета». Серия общественных наук. 1955, № 12.

63. Новый педагог. Организация и работа Восточного педагогического института в Казани. Итоги пяти лет. 1922—1927. Казань, 1927.

64. О состоянии востоковедения в Киеве.— «Восток». 1923, № 3.

65. Ольденбург С. Ф. Восточная коллегия «Всемирной литературы».— «Восток». 1922, № 1.

66. П. А. Восточный отдел Военной Академии РККА и Кружок практического изучения Востока при нем.— «Новый Восток», 1922, № 1.

67. Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1.

68. Павлович М. Задачи и достижения советского востоковедения (К пятилетию ВНАВ при ЦИК СССР).— «Новый Восток». 1927, № 16—17.

69. Павлович М. П. История и задачи новых востоковедных вузов (К пятилетию Московского института востоковедения).— «Новый Восток». 1925, № 10—11.

70. Пак Б. И. Помощь ученых РСФСР Туркестанской АССР.— «История СССР». 1972, № 6.

71. 5-летие Института востоковедения им. тов. Нариманова.— «Новый Восток». 1925, № 10—11.

72. Пять лет советского востоковедения. Деятельность научной ассоциации востоковедения СССР. М., 1927.

73. 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917—1967. Сост.: А. И. Алаторцева, Г. Д. Алексеева. М., 1971.

74. Саломатшева Л. Востоковедение на Украине в 20—30 годы XX в. по письмам А. Е. Крымского В. В. Бартольду.— «Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук. 1973, № 2 (73).

75. Самойлович А. Н. Памяти первого якутского ученого лингвиста С. А. Новгородова.— «Жизнь национальностей». 1924, № 1.

76. Самойлович А. Н. Петроградский Институт Живых Восточных Языков.— «Новый Восток». 1922, № 1.

77. Самойлович А. Н. Работа семинариев Ленинградского института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе.— «Новый Восток». 1927, № 13—14.

78. Селихов Н. Н., Вельтман С. Л. Ленин и первые шаги советского востоковедения.— «Советское востоковедение». 1958, № 2.

79. Смилович П. Г. Советизация Севера.— «Советский Север». 1930, № 1.

80. Таланов Н. [Г.]. О курсах редакторов — переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма.— «Революция и письменность». Сб. 2. М., 1936.

81. Тамарин. Курсы востоковедения в Крыму.— «Новый Восток». 1922, № 2.

82. Фалькович И. М. Востоковедение в Киеве.— «Новый Восток». 1928, № 23—24.

83. Фалькович И. М. К истории советского востоковедения на Украине.— «Народы Азии и Африки». 1966, № 4.

84. Ягелло И. [Д.]. Высшая военная школа востоковедения.— «Новый Восток». 1924, № 4.

85. Ягелло И. [Д.]. Туркестанская Высшая военная школа востоковедения.— «Новый Восток». 1924, № 6.

86. Kalużyński. Władisław Kotwicz (Na stulecie urodzin).— «Rzegląd Orientalistyczny». Warszawa, 1972, № 2 (82).

87. Mémorial Władisław Kotwicz (1872—1944).— «Rocznik Orientalistyczny». T. XVI (1950). Kraków, 1953.

Периодические издания

88. «Бюллетень Иркутского филиала Всесоюзной научной ассоциации востоковедения». Иркутск, 1926, № 1.

89. «Восток». М.—Л., 1923, № 3.

89а. «Жизнь национальностей».

90. «Известия ВЦИК», 7.XI.1920, № 250.

91. «Известия ЦИК СССР», 9.XII.1923, № 282.

92. «Красная газета», 16.IX.1920, № 206; 16.X.1920, № 231.

93. «Новый Восток». М., 1924, № 6; 1925, № 10—11; 1927, № 16—17; 1928, № 20—21.

94. «Петроградская правда», 19.X.1920, № 234.

95. «Революционный Восток». М., 1931, № 11—12.

96. «Східний світ» («Восточный мир»). Харьков, 1930, № 12.

97. «Тайга и Тундра». Л., 1928, № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Из истории советского востоковедения (20-е годы)	4
Глава I. Становление нового востоковедного учебного заведения — Петроградского института живых восточных языков	19
Глава II. Дальнейший рост и развитие института	39
Глава III. Поиски новой организационной структуры института, совершенствование программ и учебного процесса	52
Глава IV. Ленинградский восточный институт в 30-х годах	68
Глава V. Учреждения при Ленинградском восточном институте	92
Заключение	118
Приложение № 1	123
Приложение № 2	126
Указатель имен	127
Библиографический указатель	131

*Андрей Николаевич Кононов,
Илья Иосифович Иорши*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Страница истории
советского востоковедения

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *И. В. Королева*. Младший редактор *Л. В. Исаева*. Художник *А. Г. Кобрин*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 4/II 1977 г. Подписано к печати 4/VIII 1977 г. А-02923. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 4,25. Усл. п. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,17. Тираж 1300 экз. Изд. № 4065. Зак. 58. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 70 коп.